МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
«НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»

НАУКА и ПРОСВЕЩЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА:

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
СОСТОЯВШЕЙСЯ 5 ОКТЯБРЯ 2026 Г. В Г. ПЕНЗА

ПЕНЗА
МЦНС «НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2026

УДК 001.1
ББК 60
Ю73

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич, кандидат экономических наук

Ю73
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2026. – 136 с.

ISBN 978-5-00268-730-5

Настоящий сборник составлен по материалам VIII Международной научно-практической конференции «**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ**», состоявшейся 5 октября 2026 г. в г. Пенза. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы науки и практики применения результатов научных исследований.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке **Elibrary.ru** в соответствии с Договором №1096-04/2016К от 26.04.2016 г.

УДК 001.1
ББК 60

© МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026
© Коллектив авторов, 2026

ISBN 978-5-00268-730-5

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич – кандидат экономических наук

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:
Агаркова Любовь Васильевна – доктор экономических наук, профессор
Ананченко Игорь Викторович – кандидат технических наук, доцент
Антипов Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор
Бабанова Юлия Владимировна – доктор экономических наук, доцент
Багамаев Багам Манапович – доктор ветеринарных наук, профессор
Баженова Ольга Прокопьевна – доктор биологических наук, профессор
Боярский Леонид Александрович – доктор физико-математических наук
Бузни Артемий Николаевич – доктор экономических наук, профессор
Буров Александр Эдуардович – доктор педагогических наук, доцент
Васильев Сергей Иванович – кандидат технических наук, профессор
Власова Анна Владимировна – доктор исторических наук, доцент
Грицай Людмила Александровна – доктор педагогических наук, доцент
Давлетшин Рашит Ахметович – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук
Иглин Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент
Ильин Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент
Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент
Казданян Сусанна Шалвовна – кандидат психологических наук, доцент
Качалова Людмила Павловна – доктор педагогических наук, профессор
Кожалиева Чинара Бакаевна – кандидат психологических наук
Колесников Геннадий Николаевич – доктор технических наук, профессор
Корнев Вячеслав Вячеславович – доктор философских наук, профессор
Кремнева Татьяна Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор
Крылова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, профессор
Кунц Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор
Курленя Михаил Владимирович – доктор технических наук, профессор
Малкоч Виталий Анатольевич – доктор искусствоведческих наук
Малова Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент
Месеняшина Людмила Александровна – доктор педагогических наук, профессор
Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук, профессор
Непомнящий Олег Владимирович – кандидат технических наук, доцент
Оробец Владимир Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор
Попова Ирина Витальевна – доктор экономических наук, доцент
Пырков Вячеслав Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент
Рукавишников Виктор Степанович – доктор медицинских наук, профессор
Семенова Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент
Удут Владимир Васильевич – доктор медицинских наук, профессор
Фионова Людмила Римовна – доктор технических наук, профессор
Чистов Владимир Владимирович – кандидат психологических наук, доцент
Швец Ирина Михайловна – доктор педагогических наук, профессор
Юрова Ксения Игоревна – кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА 7

ОТ СМЕНЫ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ К ИЗМЕНЕНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМА ДИСКРЕТНОСТИ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ
ЖИКОВ МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ 8

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО 12

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
АБАКУМОВ МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ 13

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО 16

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕКТНОЙ СИСТЕМЫ НА РЕГЛАМЕНТАЦИЮ СОВРЕМЕННЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
МАЛАЩЕНКОВА АНАСТАСИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА 17

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ КАК НЕТРАДИЦИОННОГО ИСТОЧНИКА ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ШАПИРО ИРИНА МИХАЙЛОВНА 21

ОПЕКА НАД СОВЕРШЕННОЛЕТНИМ НЕДЕЕСПОСОБНЫМИ ГРАЖДАНАМИ
АКБАСОВА АЛИНА АНАТОЛЬЕВНА 26

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО 30

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА УЧЕНИЧЕСКОГО ДОГОВОРА: ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАДРОВОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА
СЕРДЮК МИЛЕНА СЕРГЕЕВНА 31

РАЗРЕШЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ В ОБЩЕСТВАХ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
БОГАЧКО ЮЛИЯ МАКСИМОВНА 35

ПОДСУДНОСТЬ ИНДИВИДАУЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ
КУЗНЕЦОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА 40

ФИНАНСОВОЕ, НАЛОГОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО 43

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ: МЕТОДЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЕРМОЛОВИЧ ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА 44

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО. ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО 49

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ
КАЙНОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ 50

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 54

РОЛЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА
МИХЕЕВ ЗАХАР АНДРЕЕВИЧ 55

РОЛЬ И МЕСТО ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
АПОЛЬСКИЙ ОЛЕГ ВЛАДИСЛАВОВИЧ 59

СУЩНОСТЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
ТИМЧЕНКО НИКИТА МАКСИМОВИЧ 64

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ: КРИТЕРИЙ И ЭТАПЫ
МУНАЕВА ЭЛИНА АЙНДЫЕВНА 68

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 2026 ГОДА
ПУПЫНИНА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА 74

ПРЕДЕЛЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МСП: ПРОБЛЕМА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ИЗБЫТОЧНОГО ДАВЛЕНИЯ НА БИЗНЕС
АРИКОВА КАМИЛА РУСТЭМОВНА 78

ПРОКУРОР В МЕХАНИЗМЕ КОНТРОЛЯ ЗА СООТВЕТСТВИЕМ РАСХОДОВ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ИХ ДОХОДАМ: СООТНОШЕНИЕ НАДЗОРНЫХ И ИНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ
ЖЕВЛАКОВА ТАИСИЯ ВАЛЕНТИНОВНА 81

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 87

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДОВ OSINT И SOCINT В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ДЖИРИКОВ МАГОМЕД ЮНУСОВИЧ 88

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО 91

НЕЙРОТЕХНОЛОГИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
СТАРИКОВА МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА 92

6 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС 96

РАЗВИТИЕ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВИКТОРОВ ВАЛЕРИЙ ГЕРМАНОВИЧ, ГУБАРЬ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ 97

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
КУЗЬМИНА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА 103

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС 108

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
КОСТРЮКОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, АВАНЕСЯН АРТЁМ АРМЕНОВИЧ 109

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ
КИЧИГИН ОЛЕГ ЭМИЛЬЕВИЧ 113

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ГОЛОВИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ 121

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 124

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАНДИТИЗМА
ЧИЖИКОВА УЛЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА 125

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
АБДУЛЛАЕВА НАРГИЗА ОТАБЕК КИЗИ 129

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 34

ОТ СМЕНЫ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ К ИЗМЕНЕНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМА ДИСКРЕТНОСТИ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

ЖИКОВ МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ
аспирант
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Аннотация. В статье рассматривается влияние изменений в содержании правовых ценностей на развитие законодательства. Обосновывается, что сохранение наименования ценности само по себе не свидетельствует о преемственности ее смыслового содержания. В разные исторические периоды одинаковые ценностные категории могут выражать существенно различающиеся модели общественных отношений, что отражается на характере их правового регулирования. Для анализа такой динамики предлагается использовать понятие поступательной традиции, предполагающей сохранение смыслового ядра правовой ценности при допустимости ее постепенного развития. Показано, что радикальная трансформация содержания ценностных ориентиров способна выступать одним из факторов дискретности правового развития и обусловливать последующую перестройку законодательства.
Ключевые слова: правовые ценности, дискретность права, правовое развитие, законодательство, преемственность, трансформация ценностей, правовая система.

FROM CHANGES IN LEGAL VALUES TO CHANGES IN LEGISLATION: THE PROBLEM OF DISCONTINUITY IN LEGAL DEVELOPMENT

Zhikov Mikhail Viktorovich

Abstract. The article examines the influence of changes in the content of legal values on the development of legislation. It argues that the preservation of a value's name does not in itself indicate continuity in its substantive meaning. In different historical periods, the same value categories may reflect substantially different models of social relations, which in turn affects the nature of their legal regulation. To analyze such dynamics, the article proposes the concept of progressive tradition, understood as the preservation of the core meaning of a legal value while allowing for its gradual development. It is shown that a radical transformation of the content of value orientations may become one of the factors contributing to discontinuity in legal development and may lead to subsequent changes in legislation.
Keywords: legal values, discontinuity of law, legal development, legislation, continuity, transformation of values, legal system.

Развитие законодательства связано не только с появлением новых общественных отношений или необходимостью устранения недостатков действующего правового регулирования. Изменения могут иметь более глубокие основания и отражать пересмотр сложившихся в обществе представлений о справедливости, свободе, равенстве и значимых общественных интересах. В таком случае законодатель реагирует уже не только на новые общественные отношения, но и на изменение критериев их

оценки. Поэтому между динамикой правовых ценностей и развитием законодательства существует связь, которая особенно заметна в периоды значительных социальных преобразований.

Смена ценностных ориентиров не всегда выражается в появлении принципиально новых ценностей, ранее не представленных в общественном сознании и правовой культуре. Она может происходить и через глубокое изменение содержания уже существующих ценностных категорий при сохранении их прежнего наименования. Так, семья, труд, собственность или образование могут сохранять значение общественно признаваемых ценностей на протяжении длительного времени, однако представления об их содержании, устройстве соответствующих отношений и роли их участников способны существенно различаться в разные исторические периоды. Поэтому сохранение самой ценностной категории еще не свидетельствует о преемственности ее содержания.

Такой подход имеет значение для понимания дискретности правового развития. Д.В. Щербик определяет дискретность как характеристику развития правовой системы, связанную с отсутствием качественных преемственных связей между отдельными ее этапами. При этом автор непосредственно связывает разрыв преемственности с кардинальным изменением системы ценностей, лежащих в основе национальной правовой системы, в том числе представлений общества о справедливости и основных принципах права [1, с. 108-109]. Следовательно, дискретность может проявляться не только в отмене прежнего законодательства и создании нового нормативного массива. Ее основание способно формироваться раньше, на уровне изменения тех ценностных представлений, которые определяют цели и содержание правового регулирования.

Для анализа такой динамики в рамках настоящего исследования предлагается использовать понятие поступательной традиции. Под ней понимается не только сохранение сложившейся формы выражения правовой ценности, но и преемственность ее смыслового содержания, при которой воспроизводится основное ценностное ядро и одновременно допускаются постепенные изменения. Такая традиция не исключает развития самой ценности, однако предполагает, что происходящие изменения не приводят к утрате ее исходного содержания и замене лежащей в ее основе модели общественных отношений принципиально иной. Поэтому сохранение прежнего наименования и внешних форм закрепления ценности само по себе еще не позволяет говорить о наличии поступательной традиции, если ее содержательное наполнение претерпело радикальное изменение.

Подобная возможность подтверждается исследованиями динамики изменения ценностей. Н.И. Алексеева, анализируя различные подходы к их изменению, приводит позицию И.М. Кузнецова, согласно которой набор ценностей определенного сообщества может оставаться относительно постоянным, тогда как основные изменения происходят в содержании понятий, которыми эти ценности обозначаются [2, с. 11]. Это позволяет рассматривать изменение ценности не только как отказ от одного ориентира в пользу другого, но и как существенное преобразование уже существующей ценностной категории. При этом обращение только к устойчивости ее наименования или внешней формы способно упростить исследовательский анализ, поскольку за одинаковым обозначением могут стоять качественно различные модели общественных отношений. В таком случае формальное сохранение ценности еще не свидетельствует о наличии поступательной традиции, если ее смысловое содержание претерпело радикальные изменения.

Изменение ценностного содержания оказывает влияние и на правотворчество. К.А. Чуйченко, Н.М. Кропачев и В.Е. Кондуров обращают внимание на то, что ценности не создаются самим актом их нормативного закрепления, а предшествуют волевому установлению и лишь получают выражение в политико-правовой форме [3, с. 161]. В п. 25 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09 ноября 2022 г. №809, к правовым инструментам реализации государственной политики отнесены совершенствование нормативно-правовой базы и разработка органами публичной власти документов стратегического планирования [6, п. 25]. Рассматривая эти положения, К.А. Чуйченко, Н.М. Кропачев и В.Е. Кондуров показывают, каким образом ценностные ориентиры получают дальнейшее развитие через конкретные правовые средства и механизмы государственной политики [3, с. 162]. Таким образом, правовая форма не создает ценность как таковую, но закрепляет определенное понимание ее

содержания и переводит его в плоскость юридического регулирования.

После нормативного закрепления определенное понимание ценности получает юридическую форму и начинает воспроизводиться через нормы права, правоприменение и деятельность государственных институтов, что придает ему относительную устойчивость. Вместе с тем законодательство закрепляет не ценность в абстрактном виде, а конкретную модель ее понимания, сложившуюся в определенных социальных и исторических условиях. По мере изменения этих условий может меняться и само представление о том, какие отношения, интересы и формы поведения должны рассматриваться как соответствующие данной ценности и получать правовую защиту. В такой ситуации прежнее регулирование уже не в полной мере отражает новое содержание ценностного ориентира, что создает основания для последующего пересмотра правовых норм и институтов.

Характерным примером изменения содержания ценности при сохранении ее общественной значимости выступает семья, представления о которой на протяжении истории неоднократно менялись вместе с соответствующей моделью правового регулирования. А.В. Карева показывает, что в дореволюционный период семейные отношения длительное время находились под значительным влиянием церковных установлений. «Домострой» содержал подробные правила семейно-бытового устройства, а законодательство Российской империи регулировало условия заключения брака, положение супругов и их обязанности, в том числе исходя из необходимости сохранения семейного союза [4, с. 57-59].

С установлением советской власти правовая модель семьи претерпела существенные изменения: государственная регистрация заменила прежнее юридическое значение церковного брака, были закреплены равноправие супругов, свобода развода и равенство прав детей, рожденных в браке и вне его [4, с. 59-60]. В дальнейшем подход государства к регулированию семейных отношений также менялся. Либеральная модель 1920-х гг. постепенно уступила место политике, направленной на укрепление семьи и более активное участие государства в регулировании семейной сферы. К середине XX в. сформировалась особая модель советской семьи, для которой были характерны формально закрепленное равноправие супругов, развитая система государственных детских учреждений, приоритет интересов ребенка и значительная роль государства в поддержке и регулировании семейных отношений [4, с. 60-61].

Во всех перечисленных случаях семья продолжала восприниматься как значимое общественное явление. Однако представления о распределении ролей между ее членами, пределах личной автономии, соотношении религиозного и государственного регулирования, условиях расторжения брака и положении супругов в брачном союзе существенно различались. В данном случае внешняя преемственность сочеталась с периодами глубокого изменения содержательной модели семьи. Современное семейное законодательство также закрепляет определенную модель понимания ценности семьи. В ст. 1 Семейного кодекса РФ закреплены необходимость построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей, а также принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию [7, ст. 1]. О.Ю. Ильина связывает принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи с ее автономией и отмечает, что основания и пределы вмешательства органов публичной власти устанавливаются законом [5, с. 120]. Эти характеристики существенно отличаются как от религиозно-иерархической модели более ранних периодов, так и от модели семьи с высокой степенью непосредственного государственного воздействия.

Рассмотренная трансформация представлений о семье позволяет сделать более общий вывод о характере преемственности правовых ценностей. Для ее оценки недостаточно установить, что одна и та же ценностная категория сохраняется в разных исторических периодах. Необходимо учитывать ее содержательное наполнение, положение участников регулируемых отношений, характер признаваемых правом интересов и способы их защиты. Иначе сохранение привычной внешней формы ценности может создавать впечатление преемственности даже тогда, когда в действительности произошли качественные изменения модели правового регулирования.

Представляется, что о содержательной трансформации правовой ценности, способной повлиять на законодательство, можно говорить в тех случаях, когда меняются основные представления о должной модели регулируемых отношений. Это может выражаться в изменении соотношения индивидуаль-

ного и коллективного интереса, объема автономии личности, распределения прав и обязанностей, роли государства, а также целей самого правового регулирования. Если такие изменения затрагивают систему регулируемых отношений в целом, их последствия уже не могут быть сведены к корректировке отдельных норм. В этом случае возникает необходимость пересмотра взаимосвязанных правовых институтов, способов регулирования общественных отношений и иных юридических механизмов, через которые соответствующая ценность получает нормативное выражение.

В этом проявляется связь правовых ценностей с дискретностью правового развития. Нормативный разрыв не обязательно возникает одновременно с изменением ценностных представлений. Между ними может существовать определенный временной промежуток, в течение которого прежнее законодательство продолжает действовать, хотя его ценностные основания уже подвергаются переоценке. По мере закрепления новых представлений возникает необходимость привести правовые нормы и институты в соответствие с изменившейся моделью общественных отношений. Законодательные преобразования в таком случае становятся юридическим выражением более раннего ценностного сдвига.

Таким образом, правовые ценности не следует воспринимать как неизменные категории, смысл которых автоматически сохраняется вместе с их внешним обозначением. Одна и та же ценность может присутствовать в правовой культуре разных исторических периодов, но выражать существенно различающиеся модели общественных отношений. Поэтому для оценки преемственности важно учитывать не только сохранение формы правовой ценности, но и устойчивость ее смыслового ядра. Именно такая связь позволяет говорить о поступательной традиции, при которой развитие ценности допускает постепенные изменения, не приводящие к утрате ее основного содержания. Если же изменение затрагивает саму модель отношений, лежащую в основе ценности, такая содержательная трансформация может стать одним из факторов дискретности правового развития и повлиять на направление последующих изменений законодательства.

Список источников

1. Щербик Д.В. Дискретность и преемственность в развитии права Беларуси: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Минск, 2009. 139 л.
2. Алексеева Н.И. Трансформация ценностей в праве на современном этапе развития общества: поиск преодоления кризисных явлений // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 4 (44). С. 8-15.
3. Чуйченко К.А., Кропачев Н.М., Кондуров В.Е. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики // Правоведение. 2024. Т. 68. № 2. С. 156-165.
4. Карева А.В. Крепкая семья как традиционная ценность российского государства: историко-правовой аспект // Russian Studies in Law and Politics. 2026. Т. 10. № 2. С. 40-73.
5. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2024. № 2 (78). С. 116-125.
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 №809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.56

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

АБАКУМОВ МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ
магистрант
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Аннотация: В статье исследуется трансформация принципа гласности судопроизводства в условиях перехода к дистанционным форматам заседаний. Автор анализирует проблему ограничения доступа к онлайн-процессам для лиц, не являющихся участниками дела, что создает риск подмены открытых разбирательств закрытыми. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления статуса «цифрового слушателя» для обеспечения реальной публичности и прозрачности правосудия в цифровой среде.
Ключевые слова: гласность правосудия, цифровизация, онлайн-заседания, веб-конференция, доступ к информации, судопроизводство.

TRANSFORMATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF PUBLICITY OF JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abakumov Maxim Nikolaevich

Abstract: This article examines the transformation of the principle of publicity of judicial proceedings in the context of the transition to remote hearings. The author analyzes the problem of restricting access to online proceedings for persons not party to the case, which creates the risk of substituting closed proceedings for open ones. The author concludes that the status of "digital listener" must be legally enshrined to ensure genuine publicity and transparency of justice in the digital environment.
Keywords: transparency of justice, digitalization, online hearings, web conferencing, access to information, legal proceedings.

Принцип гласности, закрепленный в ст. 123 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1], безусловно, служит фундаментом общественного доверия к судам и, как принято считать, ключевым инструментом демократического контроля. На протяжении десятилетий реализация этого постулата носила, по сути, «физический» характер, поскольку открытость процесса обеспечивалась, прежде всего, за счет свободного доступа граждан в залы заседаний.

Однако стремительный прогресс технологий и переход к электронному правосудию создают ситуацию, при которой традиционных «распахнутых дверей», очевидно, становится недостаточно. Цифровизация сегодня – это, по нашему мнению, не просто вспомогательный технический аспект, а качественно новая среда для реализации конституционных норм [3, с. 27]. В условиях внедрения веб-конференций возникает, судя по всему, острая проблема: как сберечь публичность юстиции, если процесс перемещается в виртуальность? Существует риск, что без правовой трансформации гласность может стать, собственно говоря, декларативной формой, доступной лишь узкому кругу лиц. В данной статье, таким образом, предпринимается попытка переосмыслить содержание этого принципа и адап-

тировать его к современным реалиям.

С развитием технологий и внедрением элементов электронного правосудия (E-justice) суды, как известно, начали активно применять веб-конференции и авторизацию через «Госуслуги». Однако этот технический рывок обнажил, судя по всему, серьезный концептуальный конфликт. Как справедливо подчеркивает А. П. Петришин, «в цифровой среде гласность приобретает, безусловно, «усеченный» характер. В то время как стороны дела получают удобный инструмент, для иных лиц – будь то журналисты или обычные граждане – доступ к процессу оказывается, в сущности, заблокирован. Техническая логика современных платформ требует подтверждения статуса, что, таким образом, автоматически исключает «стороннего наблюдателя» из цифрового поля» [5, с. 76].

В итоге возникает, на первый взгляд, правовой парадокс: формально заседание объявляется открытым, что, казалось бы, соответствует законодательным нормам, а фактически же, из-за отсутствия ссылок на трансляцию для лиц без статуса, процесс становится, очевидно, закрытым для общества. Такая изоляция, несомненно, нарушает право граждан на свободный поиск информации (ст. 29 Конституции РФ). Отсутствие механизмов публичного подключения превращает разбирательство в кулуарную процедуру. Цифровизация, следовательно, необоснованно сужает гласность до «формата для участников», подменяя принципы права техническим удобством. Для решения проблемы необходимо признать: цифровая трансформация – это, прежде всего, не способ упростить работу аппарата, а возможность обеспечить «гласность для всех». В эпоху E-justice данный принцип должен означать право на удаленное наблюдение, что является, по нашему мнению, единственным способом сохранить доверие к суду в виртуальной реальности.

Трансформация принципа гласности, неизбежно, сталкивается с барьерами правового и технологического характера, которые ставят под сомнение не только эффективность, но и саму легитимность процедур E-justice. Долгое время регулирование онлайн-заседаний в России пребывало, судя по всему, в состоянии неопределенности. Фактическое внедрение веб-конференций опиралось, прежде всего, не на нормы федерального закона, а на временные порядки и рекомендации Верховного Суда РФ. Такое положение дел формирует «правовой вакуум»: отсутствие четкого базиса ставит под вопрос, собственно говоря, процессуальную легальность решений. Для трансформации гласности недостаточно судебного активизма – необходима, по нашему мнению, детальная регламентация в кодексах, которая закрепила бы дистанционный формат как равноправный способ работы судов [2, с. 93].

Вторая критическая проблема – феномен «цифрового разрыва». Реализация гласности через интернет, как принято считать, предполагает наличие у граждан технической базы и навыков. Однако уровень цифровизации в регионах остается, на первый взгляд, крайне неоднородным. Неравенство в доступе к сети может привести, по всей видимости, к фактической дискриминации, нарушая принцип равенства всех перед законом (ст. 19 Конституции РФ). Таким образом, переход к цифровой открытости не должен, очевидно, превращаться в инструмент сегрегации. Государство обязано обеспечить баланс: цифровизация призвана расширять возможности, а не возводить новые преграды, ограничивающие доступ к публичному разбирательству.

Для соответствия E-justice конституционным идеалам автор выделяет, в частности, три ключевых вектора системной трансформации.

Во-первых, необходимо введение в правовой оборот категории «цифрового слушателя». Закрепление на уровне закона права любого лица на получение доступа к трансляции открытого заседания позволит преодолеть барьер усеченной гласности и станет, таким образом, практическим воплощением ст. 29 Конституции РФ.

Во-вторых, трансформация принципа требует создания единого сервиса, где в режиме реального времени, судя по всему, публиковался бы реестр трансляций. Системный подход исключит «ручное управление» доступом и обеспечит, как принято считать, «гласность для всех».

В-третьих, онлайн-формат эффективно защищает право на охрану здоровья, но повсеместная трансляция, очевидно, повышает риски нарушения права на частную жизнь. Следовательно, трансформация гласности должна, как отмечает А. П. Петришин, «сопровождаться разработкой строгих протоколов безопасности, чтобы «цифровая прозрачность» не привела к уязвимости личности перед ли-

цом киберугроз» [4, с. 120].

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что трансформация конституционного принципа гласности в эпоху цифровизации – это, безусловно, неизбежный процесс. Переход правосудия в виртуальную среду не должен восприниматься, по нашему мнению, лишь как техническая модернизация для удобства аппарата. Напротив, цифровизация обязана служить инструментом повышения прозрачности для всего общества, обеспечивая, таким образом, реальный контроль за судебной властью. Внедрение модели E-justice должно, судя по всему, окончательно преодолеть риски так называемой «усеченной гласности». Ключевой вывод исследования заключается в том, что технологический прогресс не может служить оправданием для ограничения прав граждан на поиск информации (ст. 29 Конституции РФ). Цифровизация, следовательно, не должна сужать гласность до интересов узкого круга лиц – её миссия, как принято считать, заключается в расширении этого принципа до уровня «публичности для всех». Итогом данной трансформации должно стать формирование концепции «Гласности 2.0». В этой новой реальности гласность перестает быть привязанной к стенам залов и превращается, по сути, в неотъемлемое право любого гражданина на дистанционное наблюдение за процессом.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7 (128). – С. 86-94.
3. Бабушкин К. А. Влияние цифровизации на доступ к правосудию // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». 2025. № 2. – С. 26-30.
4. Нигай А. С. О приватности в цифровом обществе // Тенденции развития Интернет и цифровой экономики: Труды VI Международной научно-практической конференции. 2023. – С. 120-121.
5. Петришин А. П. Влияние цифровизации на реализацию принципа гласности правосудия // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2 (55). – С. 73-77.

© М.Н. Абакумов, 2026

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕКТНОЙ СИСТЕМЫ НА РЕГЛАМЕНТАЦИЮ СОВРЕМЕННЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

МАЛАЩЕНКОВА АНАСТАСИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА
студент
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научный руководитель: Родина Александра Владимировна
к.ю.н., старший преподаватель
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Аннотация: статья посвящена влиянию пандектной системы построения Гражданского кодекса РФ на регулирование современных гражданских отношений. Подробно сравнивается пандектная и институционная модели кодификации по пяти признакам: наличие общей части, способ изложения и обобщения, язык и терминология, широта толкования, полнота изложения и соотношение с иными источниками. Определяются достоинства и недостатки пандектной системы. На примерах сложных вещей, цифровых прав и приобретательной давности показано, как абстрактные конструкции влияют на правоприменительную практику. Обосновывается вывод о том, что недостатки пандектной системы не носят критического характера и не требуют её замены. Тем не менее необходима целенаправленная адаптация.
Ключевые слова: пандектная система, институционная система, Гражданский кодекс РФ, объекты гражданских прав, сложные вещи, цифровые права, приобретательная давность, правовое регулирование.

THE INFLUENCE OF THE PANDECTIC SYSTEM ON THE REGULATION OF MODERN CIVIL LEGAL RELATIONS

Malashchenkova Anastasia Vyacheslavovna

Scientific adviser: Rodina Alexandra Vladimirovna

Abstract: The article is devoted to the influence of the pandect system of structuring the Civil Code of the Russian Federation on the regulation of modern civil relations. The pandect and institutional models of codification are compared in detail on five criteria: the presence of a general part, the method of presentation and generalization, language and terminology, the breadth of interpretation, the completeness of presentation, and the relationship with other sources. The advantages and disadvantages of the pandect system are identified. Using examples of complex items, digital rights, and prescription, it is shown how abstract constructs influence law enforcement practice. The conclusion is substantiated that the shortcomings of the pandect system are not critical and do not require its replacement. Nevertheless, targeted adaptation is necessary.
Key words: pandect system, institutional system, Civil Code of the Russian Federation, objects of civil rights, complex things, digital rights, acquisitive prescription, legal regulation.

Структура гражданского законодательства напрямую влияет на всесторонность (комплексность, целостность) регулирования общественных отношений. От того, как построен Гражданский кодекс РФ, зависит полнота правовой регламентации отношений, доступность и эффективность применения норм [1]. В конечном счёте это определяет реальную возможность физических и юридических лиц осуществлять и защищать свои права. Поэтому важно понять, насколько выбранная модель помогает регулировать современные отношения, входящие в предмет гражданского права, справляется ли она с новыми вызовами.

В мире сложились две основные модели построения гражданских кодексов – пандектная и институционная [2]. Для того, чтобы оценить оправданность этого выбора, необходимо детально сравнить обе модели. Гражданский кодекс РФ построен по принципу пандектной системы, что предполагает наличие общих положений, единых для всех институтов и вынесенных в начало кодекса. Специальные нормы, регламентирующие конкретные общественные отношения, содержатся в особенной части. Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, гражданское право делится на четыре группы – обязательственное, вещное, семейное и наследственное, которым предшествует общая часть с положениями, общими для всех групп [3].

Ещё одним признаком, характерным для актов, структурированных по пандектной модели, выступает особый способ изложения норм права и их систематизация. Институционная модель излагает материал наглядно, что отражает установку французской школы на практичность [4]. Пандектная модель движется от общего к частному, что хорошо видно на примере общих положений, которые определяют правовое положение лиц, правовой режим объектов, сроки, а также формируют общие положения о сделках и договорах. Эти общие положения затем применяются ко всем остальным положениям ГК РФ, включая отдельные виды договоров. Вместе с тем, следует отметить, что и внутри разделов, глав, возможно деление на институты и подинституты со своими общими положениями.

Пандектную систему также отличает язык изложения и терминология. Анализ доктрины позволяет говорить о том, что в рамках институционной модели специфические правовые термины используются значительно реже, чем в пандектной системе. Пандектная модель отличается изобилием юридических конструкций, что делает нормы точными, но менее понятными для неподготовленных лиц [2].

Следует отметить также, что институционные кодексы строятся обычно на буквальном толковании. Пандектная система допускает специально-юридический метод, что расширяет возможности правоприменителя, но требует также высокой квалификации [2].

Ещё один признак, о котором также следует упомянуть в работе – это полнота изложения. Институционная модель исторически стремилась к тому, чтобы регулирование исчерпывалось самим кодексом. Пандектная модель, напротив, рассматривает кодекс как базовый, но не единственный источник. Статья 3 ГК РФ прямо предусматривает, что гражданское законодательство состоит из Кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов. При этом нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Кодексу. Кроме того, имущественные и личные неимущественные отношения могут регулироваться указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ и актами федеральных органов исполнительной власти, которые не должны противоречить Кодексу [1].

Итак, сравнение показывает, что институционная модель более наглядна, тогда как пандектная – более системна. Поскольку ГК РФ следует именно пандектной модели, рассмотрим её достоинства и недостатки.

К достоинствам данной модели безусловно следует отнести наличие общей части, которая исключает дублирование норм. Проанализированные раннее и используемые догматические конструкции позволяют распространять регулирование на отношения, неизвестные на момент принятия кодекса: достаточно отнести новое явление к уже существующей родовой категории. Именно так цифровые права были включены в объекты гражданских прав через категорию имущественных прав, что сохраняет внутреннюю согласованность законодательства и единство понятий. Наконец, пандектная система тщательно разработана в доктрине, что облегчает толкование норм и подготовку правоприменителей.

В качестве недостатков данной модели следует отметить следующее. Абстрактность норм и гипертрофия логических приёмов затрудняют восприятие права лицами без юридической подготовки: между «кодексом учёных» и простыми участниками оборота возникает барьер [5].

И эти недостатки не остаются чисто теоретическими. Они проявляются в судебной практике. Рассмотрим конкретные примеры. Проанализированный мной спор касается трансформаторной подстанции. Компания владела оборудованием внутри трансформаторной подстанции. Здание подстанции было продано другому лицу, а оборудование по отдельному договору осталось в собственности компании. Когда новый собственник перестал пускать её к оборудованию, компания обратилась в суд. Суды отказали в иске, сославшись на статьи 128 и 134 ГК РФ: оборудование не является самостоятельным объектом гражданских прав, поскольку вместе со зданием образует сложную вещь – трансформаторную подстанцию. Верховный Суд с этим не согласился: оборудование само по себе может быть объектом гражданских прав, а суды должны были выяснить, что именно продавалось по договору – только здание или здание вместе с оборудованием. Для этого требовалось истолковать договоры по статье 431 ГК РФ, чего сделано не было [1, 6]. Таким образом, несмотря на регламентацию отношений нормами о купле-продаже, необходимо было в судебном порядке выяснить, что выступает объектом гражданских прав в данном случае, проанализировав общие нормы ГК РФ.

Ещё один пример можно привести касательно цифровых прав, которые не вписываются в полной мере в сформированные доктринальные правовые режимы. Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ в ГК РФ введена статья 141.1, согласно которой цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы [7]. Проще говоря, цифровое право существует и реализуется внутри информационной системы – например, в реестре цифровых финансовых активов. Статья 128 ГК РФ относит цифровые права к имущественным, то есть формально включает их в систему объектов гражданских прав [1].

Однако, как отмечается в монографии под редакцией Е. В. Вавилина и О. М. Родионовой, такие объекты не укладываются в традиционные категории и не подпадают в полной мере под сложившиеся правовые режимы, в том числе касательно собственности [8]. Их существование зависит от работы информационной системы, а переход права происходит не передачей вещи, а внесением записи в реестр. Поэтому непонятно, как защищать такое право, что делать при сбое системы или при утрате доступа.

Ещё один пример, который стоит разобрать – приобретательная давность. Пункт 1 статьи 234 ГК РФ устанавливает, что лицо, не являющееся собственником, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество [1]. Иными словами, длительное фактическое владение вещью как своей собственной может со временем превратиться в право собственности. Признаки давностного владения – добросовестность, открытость, непрерывность – сформулированы в законе абстрактно, поэтому их содержание раскрывается в судебной практике. Пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 года № 10/22 разъясняет, что владение признается добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения права собственности, открытым – если лицо не скрывает факта нахождения имущества в его владении, а непрерывным – если владение не прекращалось в течение всего срока [9]. Суды исходят из строгой последовательности: сначала должно быть установлено владение индивидуально-определенной вещью, затем проверяется соблюдение всех условий и сроков, дающих право на признание собственности. При отсутствии объекта владения приобретательная давность не применяется: необходимо сначала получить объект во владение, и только потом может возникнуть право собственности. Такая конструкция объясняет огромное количество споров по данной категории. В связи с этим при решении судебных дел суды значительное внимание уделяют установлению вещи в качестве объекта гражданского права. Особенно остро вопрос стоит применительно к самовольной постройке.

Таким образом, сравнение пандектной и институционной моделей, а также анализ пандектной системы выявили, что у неё есть слабые стороны, но они не носят критического характера. Абстрактность норм, повышенные требования к квалификации правоприменителя, риск неоднозначного толкования – это издержки, которые в целом окупаются достоинствами модели. Тем не менее над ними необходимо серьёзно работать.

Следует своевременно уточнять понятийный аппарат ГК РФ, наполнять абстрактные конструкции содержанием через законодательные уточнения и единообразное судебное толкование, а зарубежные конструкции допустимо заимствовать лишь тогда, когда это не нарушает единства понятийной системы, на что обращал внимание Е. А. Суханов [10]. Следует согласиться с высказанной в литературе точкой зрения о том, что «игнорирование специфики правовой системы России, самобытной и уникальной, но развивающейся в русле германской ветви континентальной системы права, может привести к расшатыванию "остова" правовой системы, уничтожению её гражданско-правовой "матрицы" и, как следствие, ослаблению права как регулятора экономических отношений»[11].

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Деханов С.А., Деханов М.С. Пандектная и институционная модели в цивилистике // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 4 (63). – С. 16–22.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Статут, 2005. – 461 с.
4. Чухвичев Д.В. Основные методики кодификации. Французская школа // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 8.
5. Суханов Е.А. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 720 с.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.06.2014 № 5-КГ14-50 // СПС «Гарант».
7. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.
8. Алейникова В.В., Аюшеева И.З., Бободжонзода И.Х. и др. Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики: монография / отв. ред. Е.В. Вавилин, О.М. Родионова. – М.: Статут, 2024. – 318 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».
10. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2019.
11. Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. N 6. С. 105 - 117.

© А. В. Малащенкова, 2026

УДК 340.1

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ КАК НЕТРАДИЦИОННОГО ИСТОЧНИКА ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

ШАПИРО ИРИНА МИХАЙЛОВНА
к. ю. н. доцент кафедры гражданского права и процесса,
ОЧУ ВО «Международный юридический институт»,
Астраханский филиал

Аннотация: В статье исследуется трансформация современного права и правоприменительной практики в условиях цифровизации. Обосновывается концепция правоприменительной практики как нетрадиционного источника права, способного компенсировать низкую регуляторную эффективность традиционного законодательства и обеспечить правовую определенность в эпоху алгоритмизации и смарт-контрактов. Делается вывод о неизбежном формировании цифрового права и признании за правоприменительной практикой правотворческой, адаптационной и правовосполнительной функции.
Ключевые слова: нетрадиционный источник права, правоприменительная практика, цифровизация, цифровое право, правовая определенность, информационное общество, правосознание, судебная власть, смарт-контракты, роботизация.

TRENDS IN THE FORMATION OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE AS A NON-TRADITIONAL SOURCE OF LAW IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Shapiro Irina Mikhailovna

Abstract: The article examines the transformation of modern law and law enforcement practice in the context of digitalization. It substantiates the concept of law enforcement practice as a non-traditional source of law capable of compensating for the low regulatory efficiency of traditional legislation and ensuring legal certainty in the era of algorithmization and smart contracts. The conclusion is drawn about the inevitable formation of digital law and the recognition of law-making, adaptive, and gap-filling functions for law enforcement practice.
Keywords: non-traditional source of law, law enforcement practice, digitalization, digital law, legal certainty, information society, legal consciousness, judiciary, smart contracts, robotization.

Судебная власть является одной из ключевых ветвей государственной власти, от эффективности, объективности и справедливости которой во многом зависит уровень доверия общества к правовым институтам. В условиях стремительной и всеобъемлющей цифровизации судопроизводство сталкивается с острой необходимостью адаптации к новым реалиям, связанным с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, автоматизацией процессов и роботизацией отдельных сфер жизнедеятельности. Процессы модернизации и трансформации национального судопроизводства происходят в сложном контексте информационного общества, которое представляет собой новый этап развития человеческой цивилизации со своими уникальными закономерностями и вызовами. Цифровизация как мощнейший глобальный фактор неизбежно трансформирует представления о суде, его

функциях и месте в правовой системе [1, с. 134]. Изменение общественных отношений под влиянием технологий неминуемо сказывается на всех параметрах права, в том числе на правоприменении, требуя создания современной нормативно-правовой базы и поиска тонкого баланса между традиционными и инновационными формами правового регулирования.

Исследование влияния современных цифровых технологий на правоприменение наиболее продуктивно проводить в контексте формирующейся постнеклассической научной рациональности. Данная парадигма существенно обогащает методологию исследований, допуская междисциплинарный подход и реализацию системного видения [2, с. 37]. В частности, представляется перспективным применение методологии конструктивизма, который рассматривает явления социальной реальности как конструкт, возникающий в результате первичного произвола и социальных взаимодействий, а также антропоцентризма, ставящего субъекта права в центр правовой системы.

1. С позиций социологической юриспруденции правоприменительная деятельность исследуется как важнейший механизм воспроизводства права. При этом определяющую роль играет субъект правоприменения, решения которого детерминированы множеством факторов, преломляющихся через его правосознание. Цифровизация оказывает колоссальное воздействие как на индивидуальное, так и на коллективное правосознание. Как справедливо отмечается в научной литературе, электронная культура порождает целый ряд коммуникативно-психологических проблем [4, с. 42]. Под влиянием огромных массивов информации формируется так называемое «клиповое сознание», базирующееся на поверхностном восприятии фрагментов реальности. В результате субъект правоприменения рискует утратить навыки глубокого анализа текстов и комплексного восприятия существующих проблем, то есть те базовые аналитические способности, которые требуются для успешной правоприменительной деятельности. Кроме того, цифровизация превращает человека в «сетевого» индивида, что изменяет структуру факторов, воздействующих на него в ходе принятия правовых решений. Новые технологии формируют целый мир поведенческих моделей, ежедневно программирующих деятельность человека в быту и на работе [3, с. 105]. Информационное общество порождает новые мифы, ритуалы и представления, которые могут служить мотивирующим и подчас иррациональным фактором в поведении правоприменителя, заменяя традиционную систему ценностей. В результате меняются стереотипы массового поведения, и акцент в конструировании правовой реальности смещается с традиционности на инноватику.

Для глубокого понимания роли правоприменительной практики в этих условиях необходимо обратиться к фундаментальной классификации источников права, переосмысленной через призму современных реалий. Все многообразие источников права целесообразно разделить на две большие группы: социальные и легальные. Под социальными источниками права понимается сложная, полиструктурная, многоуровневая система факторов общественной жизни (экономика, политика, социальная структура, идеология, психология, нравственность), которые объективно и спонтанно влияют на содержание правовых предписаний. Это те глобальные закономерности, которые инициируют правообразование извне. Легальные источники права представляют собой сознательную, целенаправленную деятельность специально уполномоченных государством субъектов (народа, органов власти, должностных лиц), урегулированную юридическими процедурами и направленную на создание норм через принятые в обществе формы выражения государственной воли. Результатом этой деятельности выступают юридические источники, или формы права.

В свою очередь, юридические источники классифицируются на установленные государством (нормативные правовые акты — законы и подзаконные акты) и санкционированные государством (правовые обычаи, нормативные договоры, акты общественных объединений, правовая доктрина и юридическая практика) [5, с. 21]. По критерию характерности («принятости») для конкретной правовой семьи, в частности романо-германской, источники права могут быть поделены на традиционные и нетрадиционные. Доминирующим традиционным источником в России неизменно выступает нормативный акт. Однако, как отмечается в исследованиях, нетрадиционные юридические источники права представляют собой систему нормативных предписаний, создаваемых в процессе правоприменительной деятельности без прямого, первичного государственного вмешательства, применяемых часто субсидиарно, но

получающих последующее государственное одобрение. В российской правовой системе собственно нетрадиционными источниками в узком смысле выступают правоприменительная практика и правовая доктрина. Исторически правовая доктрина играла колоссальную роль (начиная со времен римского частного права и первых европейских университетов), и сегодня она часто скрыто дополняет закон (например, через выработанные наукой и используемые судами категории «состав преступления», «степень общественной опасности», «длящиеся преступления»), органично сливаясь с ним и становясь источником права на практике.

Стремительное внедрение цифровых технологий создает принципиально иную среду, обладающую уникальными, сингулярными характеристиками, правовое регулирование которой традиционными методами крайне затруднено. К основным особенностям цифрового пространства относятся: низкая регуляторная способность классического права, способность создавать принципиально иные формы отношений между государством и обществом, а также беспрецедентная склонность среды к саморегуляции. Проблема заключается в том, что традиционное законодательство зачастую разрабатывается без учета технологической специфики, что неизбежно порождает институциональные дефекты. Ярким примером служит сфера налоговых правоотношений. Из-за технического сбоя при отправке документов по электронной почте налогоплательщик может лишиться права на законную налоговую льготу, поскольку в функции налоговых органов не входит контроль эффективности работы цифровых сервисов, а юридическая ответственность за подобные программные сбои должным образом не урегулирована. Аналогичным образом происходит поражение в правах лиц, не обладающих техническими возможностями для использования обязательной «электронной очереди» (например, в органах Госавтоинспекции), что де-факто исключает их из правоотношений с государством.

Современная система администрирования функционирует на базе огромного количества цифровых платформ (электронный документооборот, личные кабинеты, системы налогового мониторинга). Особого внимания в этом контексте заслуживает цифровой сервис «Риски», предназначенный для внутреннего использования налоговыми органами. Эта база автоматически формирует профили контрагентов и отслеживает экономические связи. Добросовестный налогоплательщик, вступивший в экономическую связь с лицом из этой базы, сам автоматически признается системой недобросовестным. Несмотря на правовую позицию Верховного Суда РФ о том, что нахождение в базе для внутреннего пользования само по себе не нарушает прав субъекта, на практике необратимо страдает деловая репутация налогоплательщика, что наглядно демонстрирует бессилие традиционных правовых конструкций перед машинными алгоритмами. Кроме того, цифровая среда, имея ярко выраженный имитационный характер, порождает информационные площадки, где транслируются сведения, часто не соответствующие действительности. Авторы таких ресурсов формируют общественное мнение и дискредитируют работу государственных органов, однако современное законодательство их статус и ответственность не регулирует, что ведет к правовому нигилизму, правовому невежеству и деградации правовой культуры в целом.

В условиях, когда классическое нормативное регулирование объективно отстает от динамики информационного общества, правоприменительная практика неизбежно берет на себя роль восполнителя пробелов. Правоприменительная практика в узком смысле — это накопленный в области индивидуального регулирования общественных отношений социально-правовой опыт, который тесно примыкает к системе нормативных средств и выступает реальным дополнительным (нетрадиционным) источником права. Факторы, обусловливающие необходимость существования правоприменительной практики, можно разделить на три основные группы.

Во-первых, это внутренние потребности социальной системы в урегулировании новых или видоизменившихся отношений. Это проявляется при отставании законодателя, неиздании норм, «квалифицированном молчании права» (когда законодатель намеренно не регулирует новые отношения, ожидая их развития) и при необходимости исправления «ошибок в праве».

Во-вторых, это глобальные интеграционные процессы. Интеграция национальной правовой системы в международное пространство (взаимодействие с международными судами, рецепция норм) требует выработки новых прецедентных подходов и стандартов.

В-третьих, это несовершенство и дефектность норм позитивного права.

Традиционные источники часто страдают неопределенностью, излишней абстрактностью и изобилуют «оценочными понятиями», которые требуют конкретизации исключительно через интеллектуально-волевое усмотрение правоприменителя с учетом фактических обстоятельств дела.

Схема институционализации правоприменительной практики представляет собой многоступенчатый, спонтанно складывающийся процесс: прецедент толкования (сформулированный образец уяснения абстрактной нормы, привносящий новизну в регулирование) трансформируется в прецедент применения (стандартизированное правило разрешения однородных дел или стандарты оценки доказательств) [6, с. 137]. Затем этот опыт оформляется в правоположение (конкретизированное общее правило, выступающее реальным вспомогательным источником) и, наконец, закрепляется как деловое обыкновение (устоявшееся организационное правило). Выполняя важнейшие функции в механизме правового регулирования, практика обеспечивает адаптацию права (сглаживание противоречий между динамичной цифровой жизнью и старыми законами) и выступает критерием истинности позитивного права. Более того, она реализует прямое правотворческое воздействие через правоконкретизирующую, интерпретационную подфункции и подфункцию правотворческого толкования, когда суды восполняют вакуум регулирования, напрямую влияя на общественные отношения. Следует признать, что накапливаемый социально-правовой опыт может быть и негативным. Он возникает как следствие профессиональных деформаций субъектов правоприменения (правового нигилизма, нравственно-правового конформизма) и существует вопреки позитивному праву, блокируя действие процессуальных гарантий (например, формальный подход судов к нарушениям прав при назначении экспертиз). Этот негативный опыт также является неотъемлемой частью практики и требует научно-доктринального преодоления и профилактики.

Развитие цифровых технологий не только меняет среду применения права, но и трансформирует саму юридическую технику. Прогнозируется появление принципиально новой формы источника — «цифрового закона», существующего в электронном виде и обладающего интерактивным, адаптивным характером. Такой закон будет создаваться и корректироваться с помощью цифрового краудсорсинга, что коренным образом изменит классические представления о правотворчестве. Гибкость цифрового закона потребует соответствующих механизмов правоприменения, основой для которых выступает технология блокчейн, обеспечивающая систему распределенных данных и возможность заключения смарт-контрактов. Автоматически исполняемые смарт-контракты способны устранить проблемы неисполнения обязательств, непоступления платежей и фальсификации документов. В перспективе они могут вытеснить традиционное право из некоторых сфер имущественного оборота (например, полностью сняв необходимость в их нотариальном удостоверении) и резко сузить пространство классического государственного правоприменения.

Беспрецедентным вызовом современности является алгоритмизация правоприменительной сферы и широкое использование искусственного интеллекта. Данный процесс порождает фундаментальные теоретико-правовые проблемы. Писаное право содержит неизбежные пробелы и оценочные категории, следовательно, правоприменение невозможно полностью алгоритмизировать без участия человека, способного к контекстуальной интерпретации и творческому интуитивному мышлению. Наделение робота-правоприменителя элементами правосубъектности наталкивается на непреодолимое препятствие — отсутствие у машины психики, а значит, и принципиальную невозможность применения категории вины (деликтоспособности). Это оставляет вопрос о юридической ответственности за машинные решения, влияющие на судьбы и права людей, абсолютно открытым. И чем сильнее проявится отставание государственного правоприменительного механизма от темпов развития цифрового общества, тем выше вероятность возникновения иных, неправовых регуляторов.

Подводя итог проведенному комплексному анализу, следует констатировать, что цифровизация выступает мощнейшим катализатором трансформации всей системы правового регулирования и конструирования социальной реальности. Современное позитивное право, опирающееся исключительно на традиционные, консервативные по своей природе источники (нормативные правовые акты), объективно не поспевает за экспоненциальным развитием информационного общества. Неспособность тра-

дицонного законодательства оперативно реагировать на программные сбои в цифровых сервисах, вызовы алгоритмизации, массовое внедрение смарт-контрактов и появление роботизированных систем требует кардинального пересмотра устоявшихся догм романо-германской правовой семьи. В сложившихся условиях правоприменительная практика окончательно кристаллизуется как жизненно необходимый, хоть и нетрадиционный, источник права. Именно она, выполняя важнейшие адаптационные и правовосполнительные функции, через выработку прецедентов толкования, правоположений и деловых обыкновений, позволяет демпфировать институциональные дефекты законодательства и обеспечивать правовую определенность. Современному государству с технологическим укладом предстоит сложнейшая задача: до тех пор, пока юридической наукой не будет полностью сформирована новая, внутренне непротиворечивая доктрина «цифрового права» с соответствующим категориальным аппаратом, правоприменительная практика будет оставаться главным мостом между консервативной буквой закона и стремительно меняющейся цифровой реальностью.

Признание и глубокое доктринальное осмысление правоприменительной практики как полноценного нетрадиционного источника позволит отечественной правовой системе эффективно отвечать на вызовы цифровой эпохи, сохраняя при этом фундаментальные принципы справедливости, объективности и верховенства права.

Список источников

1. Кожевников В. В. Правовые символы и семиотика права//Юридическая техника. 2026. № 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-simvoly-i-semiotika-prava (дата обращения: 04.10.2026).
2. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник СПбГУ. Право. – 2020. – Т. 11. Вып. 1.
3. Фальшина Н.А. Тенденции развития права в условиях цифровых технологий // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2.
4. Рожнов А.П. Правоприменительная практика как нетрадиционный источник российского права: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003. – 236 с.
5. Баумова Ж.С. Договорное регулирование в области цифровых и информационных технологий // Юридическая наука. – 2021. – № 11.
6. Абрашин А.А. Электронные доказательства как отдельное средство доказывания // Вестник СГЮА. – 2022. – № 3 (146).

УДК 340

ОПЕКА НАД СОВЕРШЕННОЛЕТНИМ НЕДЕЕСПОСОБНЫМИ ГРАЖДАНАМИ

АКБАСОВА АЛИНА АНАТОЛЬЕВНА
магистрант
СГЮА

Научный руководитель: Саенко Людмила Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского прав
СГЮА

Аннотация. В статье проводится исследование института опеки над совершеннолетним недееспособным лицом, анализируются возникающие при его реализации проблемы. Автором выдвигаются предложения по изменению действующего законодательства, направленные на устранение избыточных барьеров при установлении опеки, а также обеспечение прав и законных интересов подопечных.
Ключевые слова: опека, опекун, совершеннолетний недееспособный гражданин, требования к опекунам, административные барьеры.

GUARDIANSHIP OVER COMPLETELY INCOMPETENT ADULT CITIZENS

Akbasova Alina Anatolyevna

Scientific adviser: Saenko Lyudmila Alexandrovna

Abstract. The article examines the institution of guardianship over an adult who is incapacitated and analyzes the problems that arise in its implementation. The author puts forward proposals for amending the current legislation aimed at eliminating excessive barriers in establishing guardianship, as well as ensuring the rights and legitimate interests of the ward.
Keywords: guardianship, guardian, adult incapacitated citizen, requirements for guardians, administrative barriers.

Приоритетная защита прав и интересов членов семьи, в т.ч. нетрудоспособных, представляет собой основной принцип семейного права. Его суть состоит в том, что все члены семи должны оказывать друг другу взаимную заботу и поддержку, адресованную в первую очередь тем, кто сам не может о себе позаботиться[1]. Именно эта логика – защита слабейших и нуждающихся – лежит в основе другого правового института, а именно опеки над совершеннолетним недееспособными гражданами. Институт дееспособности граждан является фундаментальным в гражданском праве, поскольку именно через его призму определяется способность лица самостоятельно участвовать в правовых отношениях, совершать сделки и нести ответственность. Однако жизненные обстоятельства могут складываться таким образом, что психическое состояние или поведение человека начинают противоречить его же интересам или интересам его близких. В таких случаях законодательство предусматривает механизмы защиты, как самого гражданина, так и его семьи, а также третьих лиц. Эти механизмы выражаются в возможности признания гражданина полностью недееспособным. В этом случае он исключается из самостоятельного участия в гражданском обороте, его интересы представляет опекун.

[1] См.: Семейное право: учебник / кол. авторов; под ред. Т. А. Быковой, Т. И. Хмелевой. Москва: РУСАЙНС, 2023. С. 19.

Следует отметить, что основной нормативно-правовой акт – Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»[2] (далее – ФЗ «Об опеке и попечительстве»), регламентирующий общественные отношения в данной сфере, так и Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2010 г. № 927 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан»[3] (далее - Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2010 г. № 927) не содержат определения понятия «опекун». Исходя из содержащейся в ФЗ «Об опеке и попечительстве» легальной дефиниции опеки, представляется возможным определить опекуна, как совершеннолетнего дееспособного гражданина, назначаемого органом опеки и попечительства, и являющегося законными представителями подопечных и совершающего от их имени и в их интересах все юридически значимые действия. Права и обязанности опекунов совершеннолетних недееспособных граждан носят комплексный характер и охватывают как личную, так и имущественную сферы. В частности, опекун обязан заботиться о содержании подопечного, обеспечивать его уходом и лечением, а также защищать его права в отношении с любыми третьими лицами без специальной доверенности. В имущественной сере опекун обязан заботиться о переданном им имуществе подопечных как о своем собственном, не допускать уменьшения стоимости имущества подопечного и способствовать извлечению из него доходов. Однако прежде чем у гражданина возникнут соответствующие права и обязанности, он должен быть наделен статусом опекуна в установленном законе порядке. И именно на этом этапе возникают серьезные правовые проблемы.

Одной из первостепенных проблем правового регулирования в рассматриваемой сфере является сложность приобретения статуса опекуна. Законодательство предъявляет к кандидатам в опекуны строгие требования, регламентированные Постановлением Правительства РФ от 17 ноября 2010 г. № 927. Потенциальный опекун должен пройти процедуру отбора и подготовки, собрать значительный пакет документов, включая медицинское заключение о состоянии здоровья, справку о доходах, а также получить письменное согласие всех совершеннолетних членов своей семьи, с учетом мнения детей, достигших 10-летнего возраста, на совместное проживание с подопечным. Последнее требование порождает серьезные препятствия на практике. Во-первых, законодательство не конкретизирует правовой статус «учета мнения ребенка»: является ли оно обязательным условием или лишь рекомендательным. Во-вторых, несогласие даже одного члена семьи образует формальное препятствие для установления опеки. Однако такой член семьи может находиться в длительных командировках, на вахтовой работе, соответственно, не будет постоянно проживать с подопечным, или отказать в даче согласия из-за произошедшего перед этим конфликта внутри семьи. Думается, что нынешняя редакция данного требования не учитывает многообразие жизненных ситуаций и создает избыточные административные барьеры. Указанные проблемы приобретают особую остроту в контексте закрепленного законодателем за каждым ребенком права жить и воспитываться в семье. Кроме того, как справедливо отмечают исследующие данный вопрос авторы, преемственность семейных традиций, формирующих уклад семьи и передаваемых из поколения в поколение, предполагает, что воспитанием детей могут заниматься все члены семьи, в связи с чем, это обстоятельство обуславливает потребность в назначении второго профессионального опекуна исходя из интересов подопечного[4]. Нельзя не согласиться с тем, что такой подход дал бы возможность устанавливать опеку силами тех родственников, с которыми у подопечного сложились близкие отношения, но которые в силу определенных причин не могут взять на себя роль опекуна в одиночку.

В рамках процедуры соблюдения требований остается открытым вопрос и о форме медицинского освидетельствования. Действующий порядок выдачи медицинского заключения утвержден Приказом Минздрава России от 10 августа 2020 г.№ 823н[5]. Однако приказ не устанавливает перечень медицин-

[2] См.: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755; .2025. – № 40. – Ст. 5822.

[3] См.: Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2010 г. № 927 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан» (ред. от 16.03.2024). Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: Саенко Л. В. Механизм реализации укрепления семейных связей через институт опеки (попечительства) над несовершеннолетними // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 141.

[5] См.: Приказ Минздрава России от 10 августа 2020 г.№ 823н «Об утверждении Порядка выдачи медицинского заключения о состоянии здоровья по результатам медицинского освидетельствования гражданина, выразившего желание стать опекуном или попечителем совершеннолетнего недееспособного или не

ских противопоказаний в отношении кандидата в опекуны взрослого недееспособного гражданина[6]. Медицинские осмотры и исследования, перечисленные в ведомственном акте, направлены на получение комплексного представления о состоянии здоровья указанных граждан и само по себе не носят ограничительного характера. Кроме того, в законодательстве отсутствуют положения, предусматривающее утверждение отдельной формы медицинского заключения именно для данной категории опекунов[7]. Указанное порождает правовую неопределенность, создает риски отказов органов опеки и попечительства в принятии заключений и нарушает единообразие правоприменительной практики.

Менее строгие требования предъявляются к близким родственникам недееспособного гражданина, они должны предоставить только лишь документы, подтверждающие родство, и копию свидетельства о браке (если близкий родственник, выразивший желание стать опекуном, состоит в браке). Однако такой упрощенный порядок применяется только к тем лицам, которые постоянно совместно проживали с потенциальным подопечным не менее 10 лет на день подачи заявления. При этом считаем, что установленный законодателем срок представляется излишне формальным и не всегда обоснованным. Данное требование не учитывает ситуации, когда близкий родственник не проживал совместно с недееспособным в силу уважительных причин: обучением или работой в другом городе и т.д., но при этом постоянно поддерживал с ним связь и заботился о нем.

В связи с вышеприведенными требованиями законодательства, возникает вопрос о надлежащей правовой регламентации предварительной опеки. Анализ норм, регламентирующих данную разновидность опеки, выявляет существенную коллизию между необходимостью оперативного реагирования органов опеки и попечительства в ситуациях, требующих немедленного назначения законного представителя недееспособному лицу, и гарантиями защиты его прав. В силу ст. 12 ФЗ «Об опеке и попечительстве» при назначении предварительной опеки допускается отступление от общего порядка проверки кандидата в опекуны. Единственными условиями выступают достижение совершеннолетия, дееспособность гражданина, предоставление документа, удостоверяющего личность, и проведение органом опеки обследования условий его жизни. Нельзя не согласиться с тем, что, даже не смотря на потребность в оперативном решении проблемы, указанный государственный орган обязан действовать исходя из необходимости защиты прав недееспособного[8]. В противном случае нельзя исключать риски злоупотреблений со стороны опекунов, преследующих корыстные или иные противоправные цели. Вышесказанные опасения имеют под собой реальную эмпирическую основу, подтверждаемую судебной практикой. Так, близкая родственница недееспособного гражданина была назначена его временным опекуном, проверка ее личностных характеристик не проводилась. Впоследствии судом было уставлено, что она исполняла возложенные на нее обязанности недобросовестно, не осуществляла реальной заботы о подопечном и, более того, действуя по подложной доверенности, произвела отчуждение квартиры, принадлежащей подопечному[9].

Таким образом, проведенное исследование института опеки над совершеннолетним недееспособным лицом выявило ряд системных проблем, требующих своего решения. Целесообразно закрепить, что мнение ребенка учитывается, но не является обязательным условием для органа опеки, а также предусмотреть основания, при наличии которых, отсутствие согласия члена семьи не будет признаваться препятствием для установления опеки. Кроме того, необходимо сократить требуемый срок постоянного проживания для близких родственников до более разумного периода. Законодательство не учитывает, что современная социальная ситуация характеризуется высокой мобильностью граждан и совместное проживание в течение меньшего срока не свидетельствует об отсутствии тесной родственной связи. Предлагаемые изменения направлены на устранение избыточных барьеров при уста-

полностью дееспособного гражданина» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.09.2020 № 59701). Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] См.: Письмо Минздрава России от 31 августа 2021 г. № 28-5/И/2-13944 «Об утверждении формы заключения о состоянии здоровья по результатам медицинского освидетельствования кандидата в опекуны или попечители совершеннолетнего недееспособного или не полностью дееспособного гражданина». Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] См.: Парий-Сергеенко Е.П. Проблемы правового регулирования института опеки и попечительства // Вестник экономики и права. 2022. № 68. С. 263.

[8] См.: Попова А.В. Актуальные проблемы осуществления гражданских прав и обязанностей недееспособных и ограниченно дееспособных граждан опекунами и попечителями // Цифровая наука. 2020. № 6. С. 150.

[9] См.: Приговор Центрального районного суда города Комсомольска-на-Амуре от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-4/2019 // Судебные и нормативные акты РФ, URL: https://sudact.ru/regular/doc/78Hye8qrq8gv/ (дата обращения: 08.05.2026).

новлении опеки. В свою очередь, для должного обсечения прав и интересов подопечных, следует закрепить возможность назначения второго профессионального опекуна исходя из интересов подопечного, а также обязательное прохождение психологического тестирования и собеседования с квалифицированным психологом, для установления возможности реализации лицом опекунских обязанностей и исключения его противоправных мотивов.

Список источников

1. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755; .2025. – № 40. – Ст. 5822.
2. Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2010 г. № 927 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан» (ред. от 16.03.2024). Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Приказ Минздрава России от 10 августа 2020 г.№ 823н «Об утверждении Порядка выдачи медицинского заключения о состоянии здоровья по результатам медицинского освидетельствования гражданина, выразившего желание стать опекуном или попечителем совершеннолетнего недееспособного или не полностью дееспособного гражданина» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.09.2020 № 59701). Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Письмо Минздрава России от 31 августа 2021 г. № 28-5/И/2-13944 «Об утверждении формы заключения о состоянии здоровья по результатам медицинского освидетельствования кандидата в опекуны или попечители совершеннолетнего недееспособного или не полностью дееспособного гражданина». Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Попова А.В. Актуальные проблемы осуществления гражданских прав и обязанностей недееспособных и ограниченно дееспособных граждан опекунами и попечителями // Цифровая наука. 2020. № 6. С. 148-154. С. 150.
6. Саенко Л.В. Механизм реализации укрепления семейных связей через институт опеки (попечительства) над несовершеннолетними // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 138-143.
7. Семейное право: учебник / кол. авторов; под ред. Т. А. Быковой, Т. И. Хмелевой. Москва: РУСАЙНС, 2023. 326 с.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 349.222.2

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА УЧЕНИЧЕСКОГО ДОГОВОРА: ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАДРОВОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

СЕРДЮК МИЛЕНА СЕРГЕЕВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Типикина Екатерина Владимировна
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: В статье представлен анализ правовых рисков, которые возникают при электронной форме ученического договора.
Проведен анализ требований ТК РФ к письменной форме ученического договора, сопоставлены позиции исследователей электронной формы сделки. Также выявлены проблемы, которые связаны с использованием электронной подписи. Обоснован вывод о необходимости специального правового режима для электронного ученического договора с учетом его двойственной природы.
Ключевые слова: электронная форма договора, правовые риски, цифровизация кадрового документооборота.

"ELECTRONIC FORM OF THE APPRENTICESHIP AGREEMENT: LEGAL RISKS AND PROSPECTS IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF HR DOCUMENT MANAGEMENT"

Serdyuk Milena Sergeevna

Scientific adviser: Tipikina Ekaterina Vladimirovna

Abstract: The article analyzes the legal risks associated with the electronic form of the apprenticeship agreement.
It examines the requirements of the Labor Code of the Russian Federation regarding the written form of the apprenticeship agreement and compares the positions of researchers concerning the electronic form of transactions. Issues related to the use of electronic signatures are also identified. The article substantiates the need for a special legal regime for electronic apprenticeship agreements, taking into account their dual nature.
Keywords: electronic form of agreement, legal risks, digitalization of HR document management.

Ученический договор занимает особое положение в системе договоров, которые опосредуют отношения по профессиональному обучению. Согласно статье 198 Трудового кодекса Российской Федерации, работодатель вправе заключать такой договор как с лицом, которое ищет работу, так и с работником организации, причем в последнем случае договор выступает дополнительным к трудовому.

Двоякость природы данного договора создает определенные предпосылки для того, чтобы решить вопрос о допустимости процесса заключения именно в электронной форме. Законодатель допускает электронный документооборот при заключении ученических договоров, о чем свидетельствует статья 22.3 ТК РФ. Вместе с этим указание его в законе не снимает определенных практических сложностей, а исследование и анализ практики показывает то, что применение электронных инструментов к ученическому договору рождает риски, которых не бывает при заключении бумажного договора.

Л.Г. Ефимова подчеркивает самостоятельность электронной формы, указывая, что электронный документ существует в виде цифрового кода может быть динамическим, но в нем нет привычной рукописной подписи [7, с. 129-137]. Другие исследователи, напротив, рассматривают электронную форму как разновидность письменной, ссылаясь на то, что законодатель прямо признал такой подход в Гражданском кодексе [6, с. 2-4]. Для целей настоящей работы принципиально важным является именно практическое следствие - электронный ученический договор должен обладать способностью фиксировать волю сторон и служить доказательством в случае спора.

Анализ нормативной базы позволяет выделить первую группу рисков, которые связаны с требованиями к подписи. Ученический договор является соглашением, которое затрагивает интересы обеих сторон – то есть работодатель несет расходы, которые связаны с обучением, а работник принимает обязательство отработать определенный срок. В случае с дистанционными работниками законодательство допускает использование усиленной квалифицированной электронной подписи или усиленной неквалифицированной подписи работника.

Ученический договор может быть заключен не только с дистанционным работником, но и с человеком, который находится в поиске работы. И именно здесь возникает практическая сложность – у соискателя, который не состоит в трудовых отношениях с организацией может отсутствовать корпоративная электронная подпись. Использование электронной подписи в информационной системе формально возможно, но лишь при условии, что соглашение сторон трудового договора устанавливает правила определения подписывающего лица. Для человека, который еще не вступил в трудовые отношения, такая конструкция выглядит уязвимой. Возникает разрыв - закон допускает электронный ученический договор с соискателем, но не создает полноценного механизма удостоверения его подписи. О трудностях придания юридической силы электронному документу в подобных ситуациях пишут Р. Р. Хохлов и М. А. Булгаров [9, с. 581-585].

Таким образом, наиболее защищенным вариантом остается заключение ученического договора через цифровую платформу «Работа в России». В этом случае используется усиленная квалифицированная подпись работодателя и простая электронная подпись работника, ключ которой получен при личной явке. Личная явка частично компенсирует риски, связанные с идентификацией. Отметим, что такая модель неудобна для организаций, которые ведут собственный электронный документооборот и не желают обращаться к внешней платформе. Информационная система работодателя предоставляет больше гибкости, но одновременно перекладывает на него бремя доказывания того, что подпись действительно принадлежит работнику или соискателю.

Следует рассмотреть риски доказательственного характера. Электронный документ может быть оспорен, если сторона заявит о техническом сбое, несанкционированном доступе или подписании неуполномоченным лицом. Л. Г. Ефимова справедливо указывает, что электронный документ имеет особый правовой режим именно в части такого реквизита, как электронная подпись [7, с. 129-137]. Ученический договор подписан простой электронной подписью в информационной системе работодателя, работник впоследствии может утверждать, что его учетная запись была скомпрометирована. Работодателю придется доказывать соблюдение процедур, которые исключают такую возможность. Бумажный договор с собственноручной подписью лишен этого недостатка. Отсюда следует вывод - чем проще используемая электронная подпись, тем выше риск утраты доказательственной силы документа. О рисках, которые сопутствуют заключению договоров в электронной форме, предупреждает и Л. А. Акопян [4, с. 9-12].

Согласно статье 199 ТК РФ требует указать конкретную квалификацию, приобретаемую учеником, срок ученичества, размер оплаты в период обучения. При электронном оформлении возникает риск того, что часть условий останется за пределами подписанного документа - например, в отдельном

файле, ссылке на образовательную программу или внутреннем регламенте. Если эти материалы не будут надлежащим образом интегрированы в электронный документ или приложены к нему, возникнет спор о согласованности условий. На наш взгляд, электронная форма создает иллюзию легкости внесения изменений, что может привести к ситуациям, когда стороны расходятся в понимании того, какая версия договора является актуальной. О подобных сложностях при заключении договора оказания платных образовательных услуг в электронной форме пишет В. А. Кошелев [5, с. 153-155].

Таким образом, можно выделить еще группу рисков, которые связаны с прекращением ученического договора и возвратом стипендии. В статье 207 ТК РФ установлено, что ученик, который не выполняет обязательств без уважительных причин, возвращает стипендию и возмещает расходы работодателя. В электронном документообороте момент получения учеников уведомления о расторжении договора, а также требование о возврате может быть неочевидным. В соответствии с законом, заявление и уведомления, которые направлены через информационную систему работодателя или «Работу в России», считаются полученными на следующий рабочий день. Такое правило создает презумпцию, которая может быть оспорена, если ученик докажет, что не имел технической возможности ознакомиться с документом.

Критики обращают внимание что ученический договор связан с конституционным правом на труд и образование, а потому требует повышенных гарантий [3, с. 34-38]. Электронная форма сама по себе не ухудшает положение работника, если соблюдены требования к идентификации и сохранности документа. Опасность кроется в упрощении, которое приводит к пренебрежению процедурными гарантиями, о необходимости сохранения традиций при развитии инноваций в договорной работе напоминает О. А. Кузнецова [2, с. 20-27].

Таким образом, перспективы электронного ученического договора связаны с развитием инфраструктуры доверия. Чем надежнее система идентификации, чем понятнее правила использования электронных подписей, тем ниже риски. Вместе с тем в текущем регулировании сохраняется несколько уязвимых мест. Наиболее существенное из них - отсутствие четких требований к электронной подписи лица, ищущего работу, но еще не являющегося работником. Законодателю следовало бы либо унифицировать требования к подписям для всех категорий учеников, либо прямо указать, что при заключении ученического договора с соискателем через информационную систему работодателя важно использовать усиленную неквалифицированную или квалифицированную подпись.

Работодатель обязан обеспечивать сохранность электронных документов в течение сроков, установленных архивным законодательством, если информационная система устареет или будет заменена появится риск утраты документов. Бумажный архив также подвержен рискам, но там проблема решается проще - физическое хранение не зависит от совместимости форматов. Для электронных документов необходим механизм миграции данных, который пока не получил детальной регламентации. О новых подходах к форме договора, которые вырабатываются в теории и практике, пишет И. В. Георгиев [8, с. 96-99].

Таким образом, электронная форма ученического договора обладает несомненными преимуществами, но их реализация требует особого подхода.

Основные риски лежат в плоскости идентификации сторон, доказательственной силы документа и сохранности условий соглашения.

Устранение этих рисков возможно через уточнение законодательства и через выработку корпоративных стандартов электронного документооборота.

Список источников

1. Гадзиян С. Х. Правовой режим персональных данных обучающихся при внедрении цифровых платформ в образовании // Под научной редакцией президента Российской академии образования, академика РАО, доктора исторических наук, профессора О. Ю. Васильевой. - 2025. - С. 196.

2. Кузнецова О. А. Письменная форма договора: от традиционной к электронной // Информатизация права, гражданского оборота и предпринимательства: сохранение традиций и развитие инноваций. - Москва: Русайнс, 2023. - С. 20-27.

3. Кусаева А. Р. Сравнительный анализ правового регулирования сделок, совершаемых в электронном виде, в России и Германии // Юстиция. - 2018. - № 4. - С. 34-38.

4. Акопян Л. А. Риски при заключении договоров в электронной форме // Государство, общество, личность: история и современность. - Пенза: Пензенский государственный университет, 2025. - С. 9-12.

5. Кошелев В. А. Особенности заключения договора оказания платных образовательных услуг в электронной форме // Проблемы защиты прав: история и современность. - Санкт-Петербург: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2021. - С. 153-155.

6. Идрисов Х. В. От классической письменной формы гражданского договора к электронной: проблемы формулировки и правоприменения // Российская юстиция. - 2020. - № 11. - С. 2-4.

7. Ефимова Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Lex russica. - 2019. - № 8. - С. 129-137.

8. Георгиев И. В. Форма договора: новые подходы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2022. - № 4(70). - С. 96-99.

9. Хохлов Р. Р., Булгаров М. А. К вопросу о придании юридической силы электронному документу // Государственное регулирование социально-экономического развития региона: проблемы и решения. - Краснодар, 2024. - С. 581-585.

10. Петров И. В., Дементеева И. И. Правовое обеспечение экономической безопасности в условиях цифровой трансформации // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. - Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. - С. 118-124.

11. Жарикова Д. Р., Мануэль А. Э., Жариков Р. В. Достоинства и недостатки электронной коммерции // Интеллектуальные системы управления в цифровой экономике. - Курск: Курский государственный университет, 2020. - С. 54-59.

© М.С. Сердюк, 2026

УДК 340

РАЗРЕШЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ В ОБЩЕСТВАХ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

БОГАЧКО ЮЛИЯ МАКСИМОВНА
магистрант
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Аннотация: в статье рассматривается разрешение корпоративных конфликтов в обществах с ограниченной ответственностью, особое внимание уделяется исключение участника из общества. На основе доктринальных подходов сформулировано понятие корпоративного конфликта, определены способы урегулирования конфликтов и на материале практики Верховного Суда выявлен функциональный подход к оценке оснований для исключения участника, в том числе в обществах с паритетным распределением долей. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования исследуемой области.
Ключевые слова: корпоративный конфликт, общество с ограниченной ответственностью, исключение участника, корпоративный спор, судебная практика.

RESOLUTION OF CORPORATE CONFLICTS IN LIMITED LIABILITY COMPANIES

Bogachko Yulia Maximovna

Abstract: The article examines the resolution of corporate conflicts in limited liability companies, with particular attention paid to the expulsion of a participant from the company. Based on doctrinal approaches, the concept of a corporate conflict is formulated, methods for resolving conflicts are identified, and, using the practice of the Supreme Court, a functional approach to assessing the grounds for expelling a participant is identified, including in companies with a parity distribution of shares. Proposals for improving the legal regulation of the area under study are formulated.
Keywords: corporate conflict, limited liability company, expulsion of a participant, corporate dispute, judicial practice.

Корпоративные конфликты в обществах с ограниченной ответственностью являются одной из наиболее сложных категорий внутрикорпоративных споров. Их возникновение способно затронуть не только интересы участников, но и интересы самого общества, его кредиторов, работников и даже контрагентов. Особую остроту конфликты приобретают тогда, когда участники, обладающие равным или сопоставимым объемом корпоративного контроля, не могут согласовать решения по вопросам управления обществом. В таком случае разногласия выходят за пределы обычного столкновения частных интересов и могут привести к блокированию формирования воли юридического лица и затруднению его предпринимательской деятельности. Действующее российское законодательство предусматривает отдельные способы защиты прав участников общества (к примеру, оспаривание решений общего собрания, заключение корпоративного договора, выход участника из общества в предусмотренных правовыми актами случаях и другие). Вместе с тем законодательство не устанавливает специального комплексного порядка урегулирования устойчивого корпоративного конфликта в обществах с ограни-

ченной ответственностью. Это, в свою очередь, обусловливает значимую роль судебной практики при определении оснований, пределов и последствий вмешательства суда в корпоративные отношения.

В данной статье автор ставит целью проанализировать правовые механизмы разрешения корпоративных конфликтов в обществах с ограниченной ответственностью, исследование судебных подходов к применению института исключения участника и формулирование предложений, направленных на повышение эффективности корпоративного управления. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики.

Переходя к сущности вопроса, начнем с того, что собой представляет корпоративный конфликт. Российское законодательство не закрепляет определение корпоративного конфликта, в связи с чем его содержание и сущность раскрывается преимущественно в доктрине. Так, О.В. Осипенко обращает внимание на то, что корпоративным конфликтом нельзя считать любое разногласие, возникающее внутри юридического лица, и определяет внутренний корпоративный конфликт как значимые разногласия или явные споры субъектов корпоративного управления, связанные с реализацией их прав и законных интересов, системой принятий стратегических решений и интересами компании [4]. При этом автор связывает наличие корпоративного конфликта с невозможностью урегулирования разногласия средствами внутрикорпоративного взаимодействия и необходимостью обращения сторон к публичным инструментам защиты. Т.А. Копликов отмечает, что корпоративный конфликт представляет собой разногласия между акционерами, участниками или органами управления по вопросам деятельности организации, которые могут быть урегулированы до суда, но способны перерасти в спор при наличии правовой основы для обращения в арбитражный суд [3]. Е.В. Пышкин, анализируя доктринальные подходы, обращает внимание на неоднородность субъектного состава корпоративного конфликта [5]. В зависимости от конкретной ситуации его участниками могут выступать участники корпорации, органы управления, сама организация, а также иные лица, чьи права и законные интересы затрагиваются конфликтной ситуацией. Для общества с ограниченной ответственностью наибольшее значение имеют внутренние конфликты между участниками и лицами, осуществляющими управление обществом, поскольку они непосредственно связаны с реализацией корпоративных прав и формированием воли юридического лица.

В результате под корпоративным конфликтом в рамках настоящей статьи будет пониматься неурегулированное противоречие между участниками общества с ограниченной ответственностью, участниками и органами управления общества либо иными субъектами корпоративных отношений, возникающее в связи с осуществлением корпоративных прав, управление обществом или распределением корпоративного контроля и способное повлечь нарушение прав и законных интересов участников либо затруднить нормальную деятельность общества.

Разрешение корпоративного конфликта не должно сводиться исключительно к судебному разбирательству. Как отмечает Д.А. Подобедов, правовые средства урегулирования корпоративных конфликтов можно разделить на внесудебные и судебные. К внесудебным относятся переговоры участников, использование внутрикорпоративных процедур, заключение корпоративного договора, медиация, отчуждение доли. Наиболее гибким инструментом предотвращения корпоративных конфликтов является корпоративный договор. В силу статьи 67 Гражданского кодекса Российской Федерации его стороны вправе согласовать порядок осуществления корпоративных прав, в том числе условия голосования и совершения согласованных действий по управлению обществом [1].

Вместе с тем внесудебные механизмы эффективны прежде всего тогда, когда участники сохраняют готовность к взаимодействию. При устойчивом противостоянии, исключающем достижение договоренности, конфликт может привести к невозможности принятий решений, необходимых для нормальной работы, и обращению в суд. В данном случае наиболее радикальным способом судебного воздействия на корпоративный конфликт является исключение участника. Согласно статье 10 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», участники, доли которых в совокупности составляют не менее 10% уставного капитала общества, вправе требовать исключения другого участника, если он грубо нарушает свои обязанности [2].

Судебная практика по делам об исключении участник из общества с ограниченной ответственностью показывает, что наличие конфликта между участниками само по себе не предопределяет исход спора. Существенное значение имеют конкретные действия или бездействие участника, их влияние на деятельность общества и наличие доказанных негативных последствий для юридического лица. В таблице ниже представлены судебные акты, отражающие позицию Верховного Суда к оценке корпоративного конфликта, паритетного распределения долей и последствий поведения участника для деятельности общества.

Таблица 1

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по делам об исключении участника из общества с ограниченной ответственностью в условиях корпоративного конфликта

Акт	Обстоятельства корпоративного конфликта	Подход суда
Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 N 305-ЭС22-28611 по делу N А40-260466/2021 [6]	Миноритарный участник (10%) при единогласном порядке принятия решений систематически голосовал против решений, необходимых для достижения целей общества, действуя согласованно с директором	Корпоративный конфликт не препятствует исключению участника, если он вызван неразумным или недобросовестным поведением. Оценивается и поведение участника при исполнении функций органа управления. Иск об исключении удовлетворен
Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2023 N 310-ЭС23-6418 по делу N А08-11902/2021 [7]	Участник передал земельные участки общества в уставный капитал другой организации по заниженной стоимости. Суды отказали в иске, сославшись на корпоративный конфликт и возврат имущества	Наличие конфликта и последующее восстановление прав общества не являются основаниями для отказа в иске. Суд должен оценить степень нарушения обязанностей и негативные последствия для общества. Дело направлено на новое рассмотрение
Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2024 N 305-ЭС23-30144 по делу N А40-265796/2022 [8]	Участники владели долями по 50%, один из них блокировал утверждение отчетности и финансирование общества, взыскивал займы и инициировал банкротство	Равенство долей и наличие конфликта интересов не исключают исключения участника из общества. Суд должен установить, кто сохраняет интерес к общему делу, а кто создает основные препятствия для деятельности общества. Дело направлено на новое рассмотрение
Определение Верховного Суда РФ от 19.05.2025 N 306-ЭС25-3055 по делу N А55-30223/2023 [9]	Мажоритарный участник, одновременно директор, нарушал прядок проведения собраний, не предоставлял документы вопреки судебным решениям, блокировал аудит и избрание директора	Злоупотребление правами и полномочиями, повлекшее серьезные негативные последствия для общества, признано основанием для исключения. Верховный Суд отказал в передаче жалобы

Представленная судебная практика свидетельствует об отказе Верховного Суда от формального подхода к разрешению корпоративных конфликтов. Само по себе наличие устойчивых разногласий между участниками, взаимных претензий или равного распределения долей не предопределяет ни удовлетворение, ни отказ в требовании об исключении участника. Суду необходимо исследовать фактические обстоятельства конкретного дела. Существенное значение приобретает разграничение конфликта, обусловленного различием деловых позиций участников, и конфликта, при котором корпоративные права используются не по назначению во вред обществу. Основанием для исключения не мо-

жет служить стремление одного из участников устранить неудобного партнера или получить полный контроль над обществом. Однако систематическое препятствование проведению общих собраний, непредоставление информации и документов, блокирование избрания руководителя и принятия решений, необходимых для достижения целей общества, уклонение от исполнения судебных актов и другие условия могут свидетельствовать о недобросовестном осуществлении корпоративных прав. При доказанности таких обстоятельств исключение участника направлено не на разрешение личного конфликта как такового, а на защиту самостоятельного интереса общества в сохранении его управляемости и способности участвовать в гражданском обороте. В результате сложившийся подход можно охарактеризовать как функциональный – оценке подлежит не формальное соотношение долей или сам факт конфликта, а реальное влияние поведения участника на деятельность общества. Поскольку Верховный Суд рассматривает исключение участника из общества как чрезвычайную меру, представляется, что ее применение оправдано только в случае невозможности восстановить нормальную работу общества иными способами.

По итогам анализа судебной практики можно сделать вывод, что ключевая проблема заключается не в отсутствии правового механизма разрешения корпоративного конфликта, а в неопределенности критериев его применения. Еще в обзорах судебной практики 2019 года указано, что наличие корпоративного конфликта и равное распределение долей не являются основаниями для отказа в иске об исключении участника. Однако, нижестоящие суды продолжают отказывать в таких требованиях по формальным основаниям, что подтверждается необходимостью последующей отмены их решений Верховным Судом. Тогда представляется целесообразным закрепить в статье 10 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» либо в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации примерный перечень обстоятельств, подлежащих оценке.

Отдельной проблемой отсутствие специальных средств выхода из ситуации устойчивого блокирования управления в обществах с паритетным распределением долей. Если устав не предусматривает права на выход из общества, участник, не допустивший нарушений, фактически лишен возможности прекратить корпоративное участие с получением стоимости доли. В связи с этим представляется обоснованным закрепить в соответствующем законе об обществах с ограниченной ответственностью право участника требовать в судебном порядке приобретения обществом его доли по действительной стоимости в случае доказанной длительной невозможности принятий решений общим собранием.

Кроме того, значительную часть конфликтов можно предотвратить на уровне учредительных документов и корпоративного договора. Доля обществ с равным распределением долей целесообразно заранее рассмотреть порядок преодоления блокирования решений – обязательные переговоры или медиацию, а также условия приобретения доли одним из участников в случае невозможности продолжения совместной деятельности.

По результатам статьи можно сделать следующие выводы. Исследование показало, что эффективность разрешения корпоративных конфликтов в обществах с ограниченной ответственностью определяется не столько набором правовых средств, сколько готовностью судов оценивать конфликт по существу. Институт исключения участника работает как механизм защиты интереса самого общества в том случае, если суд выясняет, кто из участников препятствует его деятельности, а не ограничивается констатацией конфликта или равенства долей. Сохраняющаяся последовательность правоприменения и отсутствия специальных средств выхода из ситуации устойчивого блокирования управления в паритетных обществах свидетельствуют о том, что судебная практика пока восполняет пробелы законодательного регулирования. Предложенные меры направлены на то, чтобы сделать разрешение таких конфликтов предсказуемым, а исключение участника – действительно крайней мерой.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026). Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/af9c217566e2bae31e80cfe60ed8a77228c779b7/

2. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об обществах с ограниченной ответственностью». Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/5cfa677e7d86ad5e27c0156d6e26c0a5ae4bdd54/

3. Копликов Т. А. Разграничение понятий корпоративного спора и корпоративного конфликта // Вестник науки. 2025. №5 (86). С.465-470.

4. Осипенко О. В. Феномен корпоративного конфликта: понятие, субъекты, интересы // Современная конкуренция. 2022. Т. 16. № 5. С. 99-115.

5. Пышкин Е.В. Понятие «корпоративный конфликт» и его виды // Право и государство: теория и практика. 2024. №12 (240). С. 376-381.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 N 305-ЭС22-28611 по делу N А40-260466/2021. ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28082023-n-305-es22-28611-po-delu-n-a40-2604662021/

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2023 N 310-ЭС23-6418 по делу N А08-11902/2021. ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10102023-n-310-es23-6418-po-delu-n-a08-119022021/

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2024 N 305-ЭС23-30144 по делу N А40-265796/2022. ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03092024-n-305-es23-30144-po-delu-n-a40-2657962022/

9. Определение Верховного Суда РФ от 19.05.2025 N 306-ЭС25-3055 по делу N А55-30223/2023. ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19052025-n-306-es25-3055-po-delu-n-a55-302232023/

© Ю.М. Богачко, 2026

УДК 349.2

ПОДСУДНОСТЬ ИНДИВИДАУЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

КУЗНЕЦОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА
магистрант
Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Научный руководитель: Романовская Наталья Александровна
доцент, кандидат юридических наук
Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: В статье исследуются актуальные теоретические и практические проблемы, связанные с разграничением компетенции органов, уполномоченных рассматривать и разрешать индивидуальные трудовые споры. Подробно анализируется специфика определения подсудности в спорах о привлечении к материальной ответственности руководителей компаний, где возникает острая конкуренция норм гражданского и трудового права. Особое внимание уделено институту комиссий по трудовым спорам (КТС): выявлены ключевые причины их низкой эффективности на современном этапе и предложены конкретные законодательные меры по реформированию порядка их создания и функционирования. Кроме того, исследуются надзорные полномочия Государственной инспекции труда, анализируется оценочный критерий «очевидности» правонарушения в правоприменительной практике Верховного Суда РФ, а также рассматриваются социальные последствия введения моратория на внеплановые проверки бизнеса.
Ключевые слова: индивидуальные трудовые споры, подсудность, комиссии по трудовым спорам, Государственная инспекция труда, защита трудовых прав.

THE IURISDICTION OF INDIVIDUAL LABOR DISPUTES

Kuznetsova Anastasia Andreevna

Scientific adviser: Romanovskaya Natalia Alexandrovna

Abstract: The article examines current theoretical and practical issues related to the delineation of the competence of bodies authorized to consider and resolve individual labor disputes. The specifics of determining jurisdiction in disputes concerning holding company executives liable for material responsibility are analyzed in detail, where there is a sharp conflict between the norms of civil and labor law. Special attention is paid to the institution of labor dispute commissions (LDCs): the key reasons for their low effectiveness at the present stage are identified, and specific legislative measures to reform the procedure for their establishment and operation are proposed. Furthermore, the supervisory powers of the State Labor Inspectorate are examined, the assessment criterion of the “obviousness” of an offense in the law enforcement practice of the Supreme Court of the Russian Federation is analyzed, and the social consequences of introducing a moratorium on unscheduled business inspections are also considered.
Keywords: individual labor disputes, jurisdiction, labor dispute commissions, State Labor Inspectorate, protecion of labor rights.

Согласно части 2 статьи 45 Конституции РФ, каждому гражданину предоставлено право на защиту своих прав и свобод всеми методами, которые не противоречат законодательству [1]. В контексте трудовых отношений это право реализуется как через внесудебный (административный, общественный), так и через судебный порядок. Основными органами, рассматривающими индивидуальные трудовые споры, выступают суды общей юрисдикции и комиссии по трудовым спорам (КТС), а также Государственная инспекция труда (ГИТ) в рамках надзорных полномочий.

Дела по спорам, возникшим из трудовых отношений, подсудны судам общей юрисдикции и рассматриваются районным судом в качестве суда первой инстанции. Это следует из п. 1 ч. 1 ст. 22, ст. 24 ГПК РФ [2], ст. ст. 382, 391 ТК РФ [3]. Альтернативная подсудность (ст. 29 ГПК РФ) позволяет работнику подавать иск по месту своего жительства, месту нахождения работодателя или исполнению договора, что часто используется истцами как тактический инструмент.

Наиболее дискуссионным в доктрине и практике остается вопрос подсудности споров о привлечении к материальной ответственности директоров компаний. Возможность взыскания убытков с руководителя предусмотрена как гражданским (ст. 53.1 ГК РФ), так и трудовым законодательством (ст. 277 ТК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 02.06.2015 № 21 [4] указал, что такие споры могут рассматриваться как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами, однако четких критериев разграничения компетенции не предложил. На практике выработан следующий подход:

- Суды общей юрисдикции рассматривают исключительно трудовые споры — конфликты между обществом и действующим руководителем по поводу их непосредственных трудовых отношений (например, оспаривание увольнения по причине беременности). Сюда же относятся споры с руководителями некоммерческих организаций (п. 8 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ).
- Арбитражные суды рассматривают иски, основанные на нормах гражданского права, включая корпоративные споры и требования о взыскании убытков с бывших директоров (п. 4 ст. 225.1 АПК РФ).

Для устранения этой конкуренции норм представляется целесообразным исключить статью 277 из ТК РФ, полностью переведя регулирование ответственности единоличного исполнительного органа в рамки гражданского законодательства (п. 4 ст. 53 ГК РФ), а рассмотрение подобных дел — в ведение арбитражных судов.

Комиссия по трудовым спорам (КТС) является досудебным органом, формируемым на паритетных началах из представителей работников и работодателя (ст. 384 ТК РФ). КТС рассматривает споры, не отнесенные законом к исключительной компетенции судов (ст. 385 ТК РФ). При этом внесудебный порядок не является обязательным: работник вправе обратиться напрямую в суд (ч. 1 ст. 391 ТК РФ).

Несмотря на потенциал института, КТС демонстрируют крайне низкую эффективность на современном рынке труда по двум ключевым причинам:

- Отсутствие КТС у большинства работодателей. Кодекс закрепляет заявительный порядок формирования комиссии. Если ни одна из сторон не проявила инициативу, КТС не создается, что повсеместно наблюдается в сегменте малого и микробизнеса.
- Дефицит квалификации. Члены КТС, как правило, не имеют юридического образования и опыта разрешения правовых конфликтов, что ведет к принятию незаконных решений и их последующей отмене в судебном порядке [5, с. 54].

Для реформирования данного института предлагается:

1. Дополнить ст. 384 ТК РФ нормой об обязательном создании КТС у всех работодателей с численностью штата от 15 человек.
2. Возложить обязанность по инициации создания КТС на работодателя в случае пассивности работников.
3. Ввести административную ответственность для работодателей за уклонение от формирования комиссии.

Государственная инспекция труда (ГИТ) осуществляет административную защиту прав работников. Согласно ч. 2 ст. 357 ТК РФ, инспектор вправе выдать работодателю обязательное для исполнения предписание при обнаружении очевидного нарушения трудового законодательства, даже если этот вопрос уже является предметом индивидуального спора.

Основная теоретическая и практическая проблема заключается в оценочном характере термина «очевидное нарушение». В доктрине ведется спор: не подменяет ли ГИТ функции судебной власти? Анализ правоприменительной практики Верховного Суда РФ позволяет разграничить «спор о праве» и «очевидное нарушение»:

- Очевидными нарушениями признаются формальные документальные факты, исключающие двосмысленное толкование: нарушение сроков выплаты заработной платы, установление оклада ниже МРОТ, игнорирование императивной процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности (например, непредоставление работнику 2 дней на дачу объяснений).
- Спором о праве признаются ситуации, требующие оценки субъективной стороны, вины, соразмерности наказания или исследования дополнительных доказательств (например, правомерность увольнения за неоднократное неисполнение обязанностей, если сам факт нарушения оспаривается).

В современных реалиях защита прав работников через ГИТ оказалась существенно ограничена действием моратория на проведение проверок (Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 [6]). Внеплановые проверки сейчас возможны лишь при угрозе жизни и здоровью граждан или при массовых невыплатах зарплаты, и требуют согласования с прокуратурой.

Данное ограничение снизило административное давление на бизнес, но вызвало негативный социальный эффект. Работники лишились оперативного и бесплатного органа защиты, что привело к резкому росту нагрузки на судебную систему, куда граждане вынуждены обращаться даже по мелким, формальным спорам.

На сегодняшний день судебный порядок остается магистральным и наиболее детально отрегулированным механизмом разрешения трудовых конфликтов. Для оптимизации системы защиты трудовых прав и разгрузки судов необходима модернизация смежных институтов.

Компетенция ГИТ и суда должна соотноситься по принципу разделения административного надзора за очевидными фактами и правосудия по спорам о праве. Для этого целесообразно отменить ограничения моратория на внеплановые проверки ГИТ по обращениям граждан, касающимся очевидных нарушений. Одновременно с этим реформа института КТС и четкое нормативное разграничение корпоративных и трудовых споров с участием руководителей позволят создать сбалансированную и эффективную систему защиты прав сторон трудовых правоотношений.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года)] // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.; … 2026. – № 32. – Ст. 4530.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 25 мая 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3; … 2026. – № 22. – Ст. 2743.
4. О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 года № 21 // Блюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 7.
5. Панкратова, К. А. Порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров комиссией по трудовым спорам / К. А. Панкратова // НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2023 : сборник статей VI Международной научно-практической конференции, – Пенза: Наука и Просвещение 2023. – С. 70-72.
6. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 (в ред. от 27 августа 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1715.;

ФИНАНСОВОЕ, НАЛОГОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

УДК 34.096

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ: МЕТОДЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЕРМОЛОВИЧ ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА
обучающаяся Института магистратуры и заочного обучения
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: Противодействие коррупции в сфере публичных финансов остается одной из ключевых задач, стоящих перед государством и его органами. В статье проводится анализ действующей системы противодействия коррупции в сфере публичных финансов в Российской Федерации. Анализируется действующее законодательство, а также правоприменительная практика и доктринальные позиции ученых и правоведов. Рассматривается роль мер противодействия коррупции в сфере публичных финансов и их эффективность в механизме антикоррупционного финансового контроля. Выявляются пробелы в действующем законодательстве Российской Федерации, регулирующем вопросы противодействия коррупции, а также ключевые проблемы правоприменительной практики. Предлагаются направления совершенствования действующей правовой системы, в том числе, изменения нормативно-правовых актов и расширение антикоррупционный экспертизы.
Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, публичные финансы, антикоррупционная политика, сроки исковой давности, антикоррупционная экспертиза.

COMBATING CORRUPTION IN THE SPHERE OF PUBLIC FINANCE: METHODS AND WAYS TO IMPROVE ANTI-CORRUPTION LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ermolovich Vasilina Sergeevna

Abstract: Combating corruption in the sphere of public finance remains one of the key tasks facing the state and its bodies. The article analyzes the current system for combating corruption in the sphere of public finance in the Russian Federation. It examines the current legislation, as well as law enforcement practice and the doctrinal positions of scholars and legal experts. The role of measures to combat corruption in the sphere of public finance and their effectiveness in the mechanism of anti-corruption financial control are considered. Gaps are identified in the current legislation of the Russian Federation regulating issues related to combating corruption, as well as key problems in law enforcement practice. Directions for improving the current legal system are proposed, including amendments to regulatory legal acts and expanding anti-corruption expertise.
Key words: corruption, anti-corruption, public finances, anti-corruption policy, statutes of limitations, an-

ti-corruption expertise.

Проблема необходимости совершенствования системы антикоррупционного законодательства, с одной стороны, относится к числу наиболее изученных в российской правовой науки, но с другой стороны, даже в настоящее время остается одной из самых дискуссионных тем среди юристов и правоведов.

Несмотря на постоянное развитие и активное совершенствование законодательства в сфере противодействия коррупции, а также наличие нормативно-закрепленной и эффективно-применяемой теоретической основы, регулирующей данную сферу, остается нерешенным ряд проблем как теоретического, так и практического характера [1, 23].

В связи с этим полагается необходимым внести изменения в существующую антикоррупционную политику государства и систему мер, используемых для противодействия коррупции.

Современная антикоррупционная политика Российской Федерации включает в себя целый комплекс мер, затрагивающих разные сферы деятельности общества и государства. Так, государство, конечно же, применяет меры общепревентивного характера, к числу которых можно отнести внедрение информационных технологий и системы многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, что позволяет ограничить необходимость прямого взаимодействия между гражданами и сотрудниками органов государственной власти всех уровней, а также способствует соблюдению ими принципа открытости и гласности. Так, использование интернет-портала «Госуслуги» позволяет гражданам получать различные государственные услуги, практически не выходя из дома, и снижает возможность возникновения коррупционных ситуаций, имеющих место при личном обращении в государственные учреждения [2, 311].

Кроме того к данным мерам можно отнести внедрение системы электронного документооборота, которая позволяет сделать весь процесс предоставления государственных услуг и подачи заявлений и обращений максимально открытым и прозрачным для его дальнейшей проверки.

Особое место в антикоррупционной политике Российской Федерации занимают специальные меры по противодействию коррупции, реализуемые в деятельности государственных служащих. К числу таковых в настоящее время относятся:

- использование системы контроля расходов и доходов;
- конфискация имущества;
- предупреждение конфликта интересов;
- проведение антикоррупционной экспертизы.

В целях эффективной реализации указанных мер законодателем принимались национальные планы, в которых закреплялись конкретные меры, направленные на противодействие коррупции, а также определялись сроки их исполнения. В настоящее время последним из них являлся национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 годы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478 [3]. Указанным нормативным актом предусмотрен план пошагового внедрения компьютерных технологий для их дальнейшего использования в процессе обработки и анализа деклараций, представленных государственными служащими.

Вместе с тем, несмотря на то, что национальные планы противодействия коррупции принимались на постоянной основе с 2008 года по 2021 год, фактически последний из них действовал до 2024 года. Каждый из планов имел свои акцентные направления, реализация которых имела существенное значение для антикоррупционной политики государства на каждом из периодов его развития. С 2025 года до настоящего времени законодателем не приняты меры по формирования и утверждению нового национального плана противодействия коррупции в Российской Федерации. Признать данное решение обоснованным не представляется возможным.

В связи с этим видится необходимым принять новую редакцию национального плана противодействия коррупции, в который включить ряд важных задач, решение которых позволит в значительной степени повысить эффективность существующей системы противодействия коррупции и усилить ее нормативную базу.

Первой и самой важной на данном пути задачей является внесение изменений непосредственно в сам Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон «О противодействии коррупции») [4]. Видится необходимым изменение самого понятия «коррупция», изложенного в п. 1 ч. 1 ст. 1 данного нормативно-правового акта. В данном понятии законодатель сделал акцент именно на деяниях, которые совершаются из корыстных побуждений, то есть в целях получения выгоды в виде денег, ценностей или иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав. В данных рамках к коррупции законодатель не относит деяния, сопровождающиеся незаконным использованием физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства, но совершаемые из иной личной заинтересованности. Фактически понятие личной заинтересованности фигурирует лишь ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции», в которой дается определение понятия «конфликт интересов». При всем этом, само это понятие имеет важное значение в деятельности государства по противодействию коррупции, но по какой-то причине самим определением коррупции не закреплено. Кроме того, из существующего понятия «коррупция» явно прослеживается его уголовно-правовая направленность, однако в современных реалиях данное определение должно включать в себя все возможные проявления коррупции. В связи с этим необходимо внести изменения в закрепленное в п. 1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» определение понятия «коррупция» и изложить его следующим образом: «Коррупция – это противоправное деяние (действие и/или бездействие), совершенное физическим лицом, наделенным полномочиями по осуществлению функций представителя власти либо выполняющим организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления и приравненных к ним органах и организациях, иностранным должностным лицом, должностным лицом публичной международной организации, а равно лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, и выражающееся в:

– незаконном использовании своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства;

– получении выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а равно получении иной неимущественной выгоды для себя или для третьих лиц».

Вместе с тем, не менее важным шагом в совершенствовании теоретической и практической базы антикоррупционной политики Российской Федерации является сохранение действующего определения понятия коррупция, но использование его для раскрытия термина «коррупционное преступление» или «преступление коррупционного характера». Данный шаг позволит в дальнейшем наиболее просто разграничивать уголовно-правовой аспект коррупции от всех остальных ее проявлений.

Следующей задачей является внесение изменений в действующее законодательство Российской Федерации, устанавливающее сроки исковой давности. В соответствии с позицией Конституционного суда Российской Федерации в действующем законодательстве считается неустановленным срок для подачи прокурором исковых заявлений с требованиями об обращении в доход государства имущества как приобретенного вследствие нарушения требований и запретов, установленных с целью предотвращения коррупции, лицом, которое замещает или замещало публично значимую должность, так и имущества, в которое частично или полностью превращено или преобразовано полученное в результате указанных нарушений имущество [5].

Кроме того, данная позиция поддержана и Верховным Судом Российской Федерации, который также указал на отсутствие в законе ограничений срока предъявления прокурором требований об обращении в доход государства имущества по основаниям, установленным пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ [6].

Причиной данной правовой неопределенности, в первую очередь, является правовое закрепление в ст. 196 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) соответствующих ограничений сроков исковой давности [7]. Так, из положений данной статьи следует, что общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 ГК РФ. Срок исковой

давности не может превышать десяти лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен. Данные ограничения стали причиной обжалования решений судов общей юрисдикции по исковым заявлениям прокуроров. Таким образом, представляется необходимым установить специальные сроки исковой давности для данной категории дел, ориентируясь на позицию, изложенную Конституционным судом Российской Федерации.

Следующей задачей на пути противодействия деяниям коррупционной направленности является внесение изменений в существующий порядок проведения антикоррупционной экспертизы. Теоретической базой антикоррупционная экспертиза является Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», которым закреплены ее правовые и организационные основы (далее – Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе») [8]. Вместе с тем, сами правила проведения антикоррупционной экспертизы и ее методика закреплены в Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [9]. Наличие такой нормативно-правовой базы, тем не менее, сопровождается отсутствием законодательно-закрепленного определения данного понятия. В связи с этим, видится необходимым внести изменения в Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе», законодательно закрепив и раскрыв термин «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» как деятельность компетентных государственных органов, организаций или должностных лиц, заключающаяся в проверке и оценке нормативных правовых актов и их проектов на предмет наличия в них коррупциогенных факторов, создающих условия для совершения правонарушений коррупционного характера. Кроме того, необходимо внести изменения и в существующую методику антикоррупционной проверки включив конкретные перечень методов и способов выявления и устранения коррупциогенных факторов, поскольку в настоящее время данная задача возлагается на проверяющие органы и должностных лиц, позиция которых в каждом субъекте Российской Федерации своя и во многом может отличаться даже в отношении одного и того же проекта нормативного правового акта.

Указанный выше перечень задач, которые необходимо реализовать для усиления действующих мер противодействия коррупции в сфере публичных финансов не велик, но и не является исчерпывающим. Законодателю и правоприменителю требуется проводить совместную работы по развитию действующей антикоррупционной политики Российской Федерации и постоянно ее совершенствовать. Только таким путем возможно достичь действительно значимых результатов в борьбе с коррупционными проявлениями.

Список источников

1. Ковалева О.А., Юлтыева Ю.Б. Изменения законодательства в сфере противодействия коррупции / О.А. Ковалева, Ю.Б. Юлтыева // Конкурентное право. – 2023. – № 3. – С. 22-25.
2. Малышев В.С. Пути совершенствования мер, предпринимаемых в России и за рубежом, по противодействию коррупции в сфере государственной службы / В.С. Малышев // Молодой ученый. – 2024. – № 17. – С. 309-311.
3. Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478 «О национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы» (ред. от 26.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 34. – Ст. 6170; 2023. – № 27. – Ст. 4980.
4. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228; 2026, – № 17 (ч. I). – Ст. 2150.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 46. – Ст. 7029.

6. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 14/2026 «О рассмотрении судами дел, связанных с применением законодательства о противодействии коррупции и обращении в доход Российской Федерации имущества, приобретенного в результате нарушения требований и запретов, направленные на предотвращение коррупции», утвержденный Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 01.07.2026 № 17А/2026 – документ опубликован не был.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2026, – № 24. – Ст. 3099.

8. Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609; 2024. – № 41. – Ст. 6059.

9. Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (ред. от 20.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084; 2024. – № 18. – Ст. 2433.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО. ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО

УДК 351

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ

КАЙНОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
магистрант
ОЧУВО «Московский инновационный университет»
г. Москва

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы правового регулирования разработки и реализации муниципальных программ в сфере использования и охраны земель. Автор анализирует место муниципальных программ в системе правового регулирования, их подчиненный и локальный характер, а также роль органов местного самоуправления в конкретизации общих норм земельного законодательства на местном уровне. Отмечается возможность возникновения споров, связанных с реализацией муниципальных земельных программ, и их разрешение в судебном порядке.
Ключевые слова: муниципальные программы, использование и охрана земель, органы местного самоуправления, правовое регулирование, земельные ресурсы, взаимодействие органов власти, принципы сотрудничества, финансирование программ, управление земельными ресурсами.

LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF MUNICIPAL PROGRAMS IN THE FIELD OF LAND USE AND PROTECTION

Kainov Alexey Mikhailovich

Abstract: The article examines the issues of legal regulation of the development and implementation of municipal programs in the field of land use and protection. The author analyzes the place of municipal programs in the system of legal regulation, their subordinate and local nature, as well as the role of local self-government bodies in specifying the general norms of land legislation at the local level. It is noted that disputes may arise related to the implementation of municipal land programs, and they may be resolved in court.
Keywords: municipal programs, use and protection of land, local self-government bodies, legal regulation, land resources, interaction of government bodies, principles of cooperation, program financing, land resource management.

Рациональное использование земель, а также сохранение земли как ключевого элемента окружающей среды и природного ресурса, является одним из приоритетных направлений деятельности государства любой страны. В связи с этим, в Российской Федерации создаются и постоянно совершенствуются программы в сфере использования и охраны земель.

Муниципальные земельные программы — это документы, которые разрабатывают и реализуют органы местного самоуправления для целенаправленного управления земельными ресурсами на территории муниципального образования.

Такие документы утверждаются постановлением органов местного самоуправления или решением главы муниципального образования. Муниципальные программы создаются на основе существующих федеральных и региональных законов и не могут создавать новые нормы права.

В системе правового регулирования муниципальные программы занимают подчиненное, локальное место. Они не создают принципиально новых норм права, а служат инструментом для конкретизации и детализации общих правил на местном уровне. Их задача - перевести абстрактные нормы закона в практическую плоскость.

Для обеспечения контроля по внедрению земельных программ, а также в целях своевременного выявления и устранения возможных трудностей по выполнению задач государства, связанных с особенностями той или иной местности, часть полномочий в области разработки и реализации программ по использованию и охране земель, были возложены на органы местного самоуправления.

Взаимодействие между органами государственной власти и органами местного самоуправления осуществляется на основе принципов сотрудничества, координации и взаимного учета интересов. Данные принципы, а также их сущностные характеристики были нами систематизированы и представлены в таблице 1.

Таблица 1

Принципы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления

N	Принципы	Сущностные характеристики
1	законность	строгое соблюдение законодательных норм и правил всеми участниками процесса
2	целесообразность	ориентация на достижение общих целей и задач, учёт государственных интересов
3	самостоятельность	органы местного самоуправления и государственные органы действуют в рамках своей компетенции и ответственности
4	равноправие	равные права и обязанности для всех участников процесса
5	недопустимость ущемления интересов муниципальных образований	защита прав и свобод местных властей
6	согласованность интересов	согласование действий и решений с учетом объема полномочий и компетенций каждой стороны
7	ресурсная обеспеченность	предоставление необходимых средств для выполнения полномочий
8	взаимная ответственность	ответственность каждой стороны за свои действия и решения
9	гласность	открытость и прозрачность взаимодействия, доступность информации о процессе для общественности.

Для успешного управления муниципальными землями, органы местного самоуправления должны следить за рядом факторов. Например:

- с целью привлекательности земель для использования, не допускать экологического загрязнения почвы;
- следить, чтобы кадастровая стоимость земель соответствовала рыночному спросу;
- минимизировать незаконное и нецелевое использование земельных участков;
- снизить количество незарегистрированных муниципальных земель.

С этой целью, органами местного самоуправления создаются правила использования земель в соответствии с их назначением и классификацией, а также перевод земель из одной категории в другую. Утверждаются генеральные планы, в которых отображаются границы территориальных зон и устанавливаются градостроительные регламенты, определяющие особый режим использования земельных участков.

Рис. 1. Стадии разработки и утверждения муниципальных программ

При создании муниципальных программ в области использования и охраны земель, органы местного самоуправления должны опираться на законодательные акты:

- **Земельный кодекс РФ** - ст. 11 закрепляет полномочия органов местного самоуправления по разработке и реализации местных программ использования и охраны земель; ст. 12-13 определяют цели и содержание мероприятий по охране земель;
- **Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ** «Об общих принципах организации местного самоуправления» - п. 3, 28 ч. 1, ч. 3 ст. 14 относят к вопросам местного значения владение, пользование и распоряжение муниципальным имуществом и содействие развитию сельхозпроизводства;
- **Бюджетный кодекс РФ, ст. 179** - устанавливает, что муниципальные программы утверждаются местной администрацией; порядок разработки и формирования определяется муниципальным правовым актом;
- **Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ** «О стратегическом планировании в Российской Федерации» - определяет перечень, порядок разработки, реализации и оценки муниципальных программ;
- **Методические рекомендации Минэкономразвития России** (письмо от 18.02.2026 № 5307-ПК/Д19и) - содержат рекомендации по структуре, формату, системе управления и мониторингу муници-

пальных программ;

- **Муниципальные правовые акты** - каждый муниципалитет утверждает собственный порядок разработки, реализации и оценки муниципальных программ.

Для создания муниципальной программы по использованию и охраны земель необходимо пройти несколько стадий разработки и утверждения, представленных на рисунке 1.

Основным источником Финансирования муниципальных программ является местный бюджет. В нем указывается сумма денежных средств, необходимая для реализации конкретной программы. Данная сумма ежегодно уточняется при формировании бюджета.

Так же могут использоваться внебюджетные средства, которые формируются от коммерческой деятельности, связанной, например, с арендой или продажей муниципальных земель; межбюджетные трансферы, которые выделяются из бюджета субъекта РФ, или из федерального бюджета; средства организаций и предприятий.

Для повышения эффективности управления земельными ресурсами, органами местного самоуправления реализуется ряд мероприятий:

- **Учёт и актуализация данных.** Ведение реестров земельных участков, в том числе тех, где государственная собственность не разграничена.

- **Формирование участков.** Проведение кадастровых работ, в том числе комплексных, чтобы уточнить границы и поставить участки на учёт.

- **Вовлечение в оборот.** Оформление прав (собственность, аренда), проведение торгов для предоставления участков.

- **Охрана и восстановление.** Ликвидация несанкционированных свалок, мероприятия по защите почв от эрозии, предотвращение загрязнения.

- **Решение социальных задач.** Формирование участков для льготных категорий граждан.

В повседневной жизни не редко возникают споры, связанные с реализацией муниципальных земельных программ. Несогласия могут вызвать, например, изъятие земельных участков для муниципальных нужд; нарушения при проведении аукционов, или предоставление земельных участков без торгов. Данные вопросы разбираются органами суда в ходе судебных заседаний.

Список источников

1. Харьков В. Н. Приоритетное обеспечение публичных экологических интересов как конституционный принцип охраны окружающей среды и природопользования // Актуальные проблемы российского права. 2020. №10 (119).

2. Буркеев Д.О. Повышение эффективности использования земельных ресурсов, находящихся в пределах муниципальных границ городов // УЭкС. 2016. №12 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-ispolzovaniya-zemelnyh-resursov-nahodyaschihsya-v-predelah-munitsipalnyh-granits-gorodov (дата обращения: 25.09.2026).

3. Правовое регулирование рационального использования и охраны земель в современной России / Б. А. Воронин, В. В. Круглов, О. А. Рущицкая [и др.]. – Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2021. – 152 с.

4. Письмо Минэкономразвития России от 18.02.2026 № 5307-ПК/Д19и «О Методических рекомендациях по разработке и реализации государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ». [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413701408/?ysclid=mugycksjhx221387914 (дата обращения 25.09.2026)

5. "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/?ysclid=mugyfjh539432904975 (дата обращения 25.09.2026)

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 347.963

РОЛЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА

МИХЕЕВ ЗАХАР АНДРЕЕВИЧ
студент 3-го курса магистратуры
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Научный руководитель: Мартьянова Светлана Аркадьевна
старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Аннотация. В статье исследуется значение философии и права, а также их взаимодействие в профессиональной деятельности прокурора. В рамках исследования проводится анализ и актуализация авторского положения о философском знании не только как об исключительно теоретическом и мировоззренческом блоке юридического образования, но и как о практическом инструменте осмысления законности, справедливости, прав человека и гражданина, публичности интересов сторон и пределов государственного принуждения. В рассмотрении прокурорской деятельности раскрываются основные направления взаимодействия философии и права, в частности этические, антропологические, гносеологические, аксиологические и методологические аспекты. В последующем проводится рассуждение и указывается позиция авторов.
Ключевые слова: философия, право, прокурор, правосознание, законность, справедливость, социум.

THE ROLE AND INTERACTION OF PHILOSOPHY AND LAW IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A PROSECUTOR

Mikheev Zakhar Andreevich

Scientific adviser: Martyanova Svetlana Arkadyevna

Abstract. This article examines the significance of philosophy and law, as well as their interaction within the professional activities of a prosecutor. The study analyzes and updates the authors' thesis that philosophical knowledge serves not merely as a theoretical and worldview-oriented component of legal education, but also as a practical tool for conceptualizing legality, justice, human and civil rights, the public nature of the parties' interests, and the limits of state coercion. In examining prosecutorial practice, the article highlights key areas where philosophy and law intersect—specifically regarding ethical, anthropological, epistemological, axiological, and methodological aspects—and presents the authors' reasoning and position.
Keywords: philosophy, law, prosecutor, legal consciousness, legality, justice, society.

Поэтапное историческое развитие института прокуратуры и её вклад в развитие общества отразились в становлении и укреплении России, как правового государства. Работники этого надзорного ведомства прикладывают огромные усилия в части получения необходимых юридических знаний с по-

следующим их применением для защиты Конституции Российской Федерации и подведомственных ей законов. Для этого требуется не только профессиональные знания, но и умения возлагать на себя ответственность за принятие того или иного решения по обеспечению законности и защите прав и свобод человека, гражданина, общества и государства. Такие решения прокурор выносит на основе знания закона, как меры должного поведения. Однако качество принятия подобных решений в рамках прокурорской работы может зависеть не только от самого знания закона, но и от способности понимать его социальный смысл, цели и ценностные основания.

Философия и право по своему содержанию имеют различную предметную направленность, однако их функционал работает в едином направлении социокультурного пространства. Философия формулирует предельные вопросы о человеке, свободе, справедливости, власти и ответственности, в то время как право переводит значительную часть этих ценностей в систему общеобязательных норм. Философия и право выполняют между собой объединяющую функцию между абстрактным мировоззренческим знанием и конкретной юридической практикой. Особенность взаимодействия состоит не в подмене юридического анализа философскими рассуждениями, а в выявлении тех оснований, которые делают правовое регулирование социально оправданным и легитимным. В первую очередь это свидетельствует не только о законности, но и о справедливости реализации закона, его оправданности и правильности, опираясь на социальную преемственность. Как законность, так и справедливость в деятельности прокурора является ключевым направлением взаимодействия философии и права. С формально – юридической точки зрения законность означает точное и неуклонное соблюдение закона. Однако профессиональная практика может свидетельствовать об ином подходе, в частности конкретных ситуациях, когда буквальное применение нормы способно привести к результату, противоречащему ее назначению, либо нарушающему баланс охраняемых интересов. В качестве примера можно выразить процессуальное правило, прекращающее производство по делу, если был не соблюден определенный срок. Но в ситуации, когда срок этот носит критически важный характер (например, для сбора доказательств или поиска ответчика), формальное применение правила лишает сторону права на судебную защиту. К тому же это прямо противоречит целям процессуального законодательства – обеспечить справедливое разбирательство. В рамках правового поля это не является судебной ошибкой, однако подчёркивает тот факт, что без справедливости не было бы закона, а без закона не было бы справедливости (с лат. Sine justitia lex non esset, et sine lege justitia non esset). С одной точки зрения закон устанавливает чёткие рамки дозволенности и никакие причины, даже если они являются критически важными, не могут быть выше «законной воле», в этом возможно и заключается смысл справедливости. С другой точки зрения, временные рамки зарождают риск прекращения социально – значимых правовых отношений, тем самым лишая человека права на защиту, что возможно может негативно повлиять на позицию справедливости. Но в обоих случаях право устанавливает временные рамки для действий стороны, а наличие срока как раз – таки и показывает проявление справедливости в отношении обеих сторон – обвинения и защиты. Перейдя к такому понятию как справедливость, можно отметить, что она рассматривается не как субъективное чувство должностного лица, а как требование соразмерности, равенства, разумности и недопустимости произвола. Справедливость выступает критерием оценки как содержания правовых решений, так и способов их принятия. Единственным должностным лицом, соединяющий воедино закон и справедливость, выступающий государственным обвинителем и одновременно защищающий права человека в суде, является прокурор.

Выдающийся российский юрист, судебный и прокурорский деятель А.Ф. Кони подчёркивал, что «прокурор – лицо особое. Он должен быть чище снега альпийских вершин». Сама цитата подчёркивает, что в 19 веке уже прослеживается особая ответственность прокурорской должности. Он считал, что прокурор должен обладать высокими моральными качествами, безупречной репутацией и действовать исключительно в рамках закона, защищая права граждан и обеспечивая справедливость. На сегодняшний день, с учётом развития различных общественных отношений, расширения системы российского права и появления новых угроз, в уголовном судопроизводстве прокурор должен одновременно обеспечивать защиту публичного интереса, поддерживать обоснованное обвинение и исключать преследование лица при отсутствии достаточных доказательств. Поэтому профессиональная позиция прокурора

не может строиться на презумпции обязательной виновности обвиняемого или на стремлении любой ценой добиться обвинительного результата. В гражданском судопроизводстве прокурор по уважительным причинам истца и нарушении его социально – значимых прав может самостоятельно обратиться в суд как государственный защитник. Исходя из этого он будет обязан защищать законные интересы такого лица с защитной позицией, руководствуясь при этом не только принципами законности, но социальной справедливости.

Участие прокурора в прениях, как стороны государственного обвинения в уголовном судопроизводстве имеет свои особенности, подтверждающие взаимосвязь философии и права, а именно справедливости и морали, закона и профессиональной этики юриста. В завершающей речи в отношение подсудимого, прокурор опирается не только на нормы уголовного и уголовно – процессуального законодательства (имеется ввиду доказательственную базу), но и на социальную справедливость. Делая вывод о посягательстве на моральные принципы, государственный обвинитель подчеркивает тем самым наличие отягчающего фактора, выступая перед участниками суда, чтобы они в свою очередь могли вынести законное, обоснованное и справедливое решение о виновности или невиновности такого лица. При таких обстоятельствах, мораль, как философская категория занимает чёткую позицию в прокурорской речи. Она представляет собой социальный инструмент, выражавший сферы высших ценностей и долженствования, которые охватывают такие понятия, как добро и зло, добродетель и порок, долг, совесть, справедливость.

Коротко и детально обозначив роль прокурора в гражданском и уголовном судопроизводстве, мы подчеркиваем его универсальность в использовании как судебной, так и философской тактики, которые подтверждают блюстительность закона и точное отстаивание государственных интересов на любой стадии правовых отношений.

Для профессиональной деятельности прокурора важны следующие взаимодействующие философско-правовые аспекты:

– этические – определение нравственных границ профессионального поведения прокурора;
– антропологические – понимание человека как носителя прав, свобод, достоинства и ответственности;
– гносеологические – осмысление способов установления юридически значимых обстоятельств;
– аксиологические – выявление ценностей, лежащих в основе закона и правоприменения;
– методологические – обеспечение логически последовательного анализа правовых явлений;

Взаимодействие этих элементов отражают качество проделанной работы для получения положительного результата в профессиональной прокурорской деятельности. Отсутствие какого – либо элемента может привести к возникновению существенных юридических ошибок:

1. Этический дефицит – ошибки нравственной легитимации. Суть ошибки: прокурор действует формально-законно, но вне нравственных границ профессии – например, использует давление, игнорирует гуманность, пренебрегает принципом «прокурор служит правосудию, а не обвинению».
2. Антропологическая слепота – ошибки дегуманизации правоприменения. Суть ошибки: человек воспринимается не как носитель достоинства и прав, а как «объект процесса», «фигурант», «статистическая единица». Это ведёт к игнорированию индивидуального контекста и прав личности.
3. Гносеологическая ошибка – дефекты установления истины. Суть ошибки: прокурор неверно оценивает доказательства, игнорирует альтернативные версии, принимает сомнительные данные за истину. Это классическая ошибка познания в праве.
4. Аксиологический сбой – ошибки ценностной дезориентации. Суть ошибки: прокурор не видит ценностей, заложенных в законе (справедливость, защита прав, пропорциональность), и реализует нормы права в режиме формально – буквального применения, пренебрегая их духом, ценностно-целевым назначением и принципами права.
5. Методологическая несостоятельность – логико-процессуальные ошибки. Суть ошибки: отсутствие последовательного анализа, нарушение логики построения обвинения, хаотичное формирование доказательственной базы.

На практике эти ошибки редко встречаются изолированно. Например, этический дефицит (давление на свидетеля) порождает гносеологическую ошибку (ложные показания принимаются за истину), что ведёт к методологическому краху (обвинение разваливается в суде). Или антропологическая слепота (игнорирование прав уязвимого лица) сочетается с аксиологическим сбоем (механическое применение закона), что приводит к несправедливому приговору. Прокурорская практика показывает: дела, где прокурор учитывает все пять аспектов, чаще завершаются законными и обоснованными решениями, тогда как пренебрежение хотя бы одним элементом создаёт риски отмены актов, прекращения дел или дисциплинарной ответственности.

В заключительной части исследования хотелось бы отметить, что прокурор, обладающий развитым философско-правовым мышлением, способен дать наиболее результативную оценку правовым конфликтам, доказательствам, обвинительному уклону и соотносить свои решения с назначением права. В конечном счете профессиональная деятельность прокурора представляет собой не только реализацию полномочий, но и практическое осуществление идеи права. Поэтому философия и право должны рассматриваться как значимый и единый элемент профессиональной культуры прокурорского работника и необходимое условие гуманизации, обоснованности и общественной легитимности прокурорской деятельности.

Список источников

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
2. Рамазанов, И. Р. Нравственные начала в деятельности работников прокуратуры и следователей: вопросы теории и практики / И. Р. Рамазанов // Социальное управление. – 2023. – Т. 5, № S2. – С. 156-160. – EDN GCSTWI.
3. Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры: из воспоминаний судебного деятеля. — Петроград: П. П. Сойкин, 1923. — 116 с.

УДК 343.163:343.85

РОЛЬ И МЕСТО ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

АПОЛЬСКИЙ ОЛЕГ ВЛАДИСЛАВОВИЧ
магистрант
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Колесникова Татьяна Васильевна
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: Автор анализирует законодательство, приказы Генерального прокурора РФ и региональную практику. Прокуратура не входит ни в один из уровней системы профилактики правонарушений и преступлений в сфере образования и выступает ее надзорным центром. Потребность в таком центре объясняет институциональная латентность, то есть сокрытие образовательной организацией сигналов риска. Предложены изменения законодательства и ведомственный акт о предупреждении преступлений в сфере образования.
Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, профилактика правонарушений, предупреждение преступлений, сфера образования, образовательная организация, институциональная латентность

THE ROLE AND PLACE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF OFFENCES AND CRIMES IN THE FIELD OF EDUCATION

Apolskiy Oleg Vladislavovich

Scientific adviser: Kolesnikova Tatyana Vasilyevna

Abstract: Based on the analysis of legislation, orders of the Prosecutor General of the Russian Federation and regional practice, the author shows that the prosecutor's office does not belong to any level of the system of prevention of offences and crimes in education and acts as its supervisory centre. The need for such a centre is explained by institutional latency, that is, the concealment of risk signals by an educational organization. Amendments to the legislation and a departmental act on the prevention of crimes in education are proposed.
Key words: prosecutor's office, prosecutorial supervision, prevention of offences, crime prevention, education, educational organization, institutional latency

В сфере образования сосредоточены несовершеннолетние с повышенной виктимностью, значительные бюджетные средства, полномочия по приему, аттестации и выдаче документов, поэтому криминальные риски здесь неизбежны. В 2025 г. прокуроры выявили в этой сфере свыше 205 тыс. нарушений закона, а по материалам их проверок возбуждено более 100 уголовных дел [1]. В первом полугодии 2026 г. к террористической деятельности были причастны 196 подростков против 88 годом ранее [2].

Органы прокуратуры находятся в центре этой проблемы, но их профилактическая роль закреплена фрагментарно. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее - Закон о прокуратуре) не называет предупреждение преступлений самостоятельной функцией [3]. Нет и ведомственного акта Генерального прокурора РФ о предупреждении преступлений в сфере образования. Цель статьи - определить роль и место прокуратуры в системе профилактики правонарушений и преступлений в сфере образования и обосновать меры по закреплению ее статуса.

Исходное значение имеет соотношение понятий. В. Д. Малков рассматривает предупреждение преступлений как родовое понятие, а профилактику правонарушений - как его составную часть [4, с. 80]. А. И. Долгова относит прокуратуру к специализированным субъектам предупреждения преступности: задачи предупреждения органы прокуратуры решают, выполняя свои основные функции [5, с. 410, 439]. Роль прокуратуры в профилактике определяет поэтому не особый набор мер, а превентивное содержание надзора, координации и других направлений ее деятельности.

Согласно Закону о прокуратуре, представление требует устранить не только нарушения закона, но и их причины и условия (п. 1 ст. 24). Предостережение прокурор направляет в целях предупреждения правонарушений при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях (ст. 25.1). Превентивную нагрузку несут также координация деятельности правоохранительных органов (ст. 8) и государственный единый статистический учет (ст. 51) [3]. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее - Закон № 182-ФЗ) называет органы прокуратуры субъектами профилактики (ч. 1 ст. 5). Профилактику они осуществляют, обеспечивая надзор за исполнением законов, и при этом обладают полномочиями субъекта профилактики в пределах своей компетенции (ст. 9) [6].

Самостоятельность профилактической функции прокуратуры остается дискуссионной. Е. А. Писаревская полагает, что органы прокуратуры не выполняют профилактическую функцию в ее исконном смысле, а осуществляют надзор за исполнением законов о профилактике правонарушений [7, с. 111-112]. Т. Г. Воеводина и О. А. Грачева считают необходимым закрепить статус прокуратуры как субъекта профилактики в самом Законе о прокуратуре [8, с. 50; 9, с. 268].

Эти позиции отражают разные стороны одного явления: прокурор сам применяет меры профилактического воздействия, но прежде всего надзирает за тем, как профилактику ведут другие. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее - Закон № 120-ФЗ) не включает прокуратуру в систему профилактики (п. 1 ст. 4). Прокуратура надзирает за исполнением законов органами и учреждениями этой системы (п. 3 ст. 10) [10]. Как обоснованно считает Т. Г. Воеводина, включить прокуратуру в систему нельзя [8, с. 48].

Пределы этой роли задает Закон о прокуратуре: прокурор не подменяет иные органы и проводит проверку на основании информации о фактах нарушения законов (п. 2 ст. 21) [3]. Отсюда противоречие: предупреждение требует действовать до нарушения, а закон связывает проверку с информацией о нем. В пределах действующего закона это противоречие во многом разрешимо. Образовательная организация обязана создавать безопасные условия обучения и воспитания (п. 2 ч. 6 ст. 28 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», далее - Закон об образовании) [11]. Бездействие школы, знающей о травле, поэтому уже нарушает закон и дает прокурору повод для проверки. Предостережение и требование о проведении контрольного (надзорного) мероприятия при угрозе причинения вреда (п. 1.1 ст. 22 Закона о прокуратуре) рассчитаны на ситуацию, когда нарушения еще нет. Поводы для проверки дает и ежедневный мониторинг соблюдения прав несовершеннолетних, в том числе с использованием средств массовой информации. Его предписывает п. 1.2 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 13 декабря 2021 г. № 744 [12].

Сферу образования как целостный объект предупреждения ведомственные акты не рассматривают. Е. Н. Асташкина отмечает, что приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 не выделяет надзор в этой сфере, и обосновывает потребность в отдельном приказе [13, с. 242-243]. Систему субъектов профилактики в сфере образования образуют пять уровней, и к каждому из них прокуратура относится по-своему (табл. 1).

Таблица 1

Место органов прокуратуры в системе субъектов профилактики правонарушений и преступлений в сфере образования

Уровень	Субъекты профилактики	Положение прокуратуры и ее правовые средства
Первичный	Образовательные организации, педагоги, психологи, службы медиации	Надзор за безопасностью условий обучения и реагированием на травлю и насилие (п. 2 ч. 6 ст. 28 Закона об образовании), представление, предостережение, правовое просвещение
Управленческий	Органы управления образованием	Надзор за законностью правовых актов, исполнением обязанностей по ст. 14 Закона № 120-ФЗ, расходованием средств и закупками, протест, представление
Контрольный	Рособрнадзор, уполномоченные органы субъектов РФ, органы санитарно-эпидемиологического и пожарного надзора	Оценка полноты контроля, требование о проведении контрольных (надзорных) мероприятий и выделении специалистов (п. 1, 1.1 ст. 22 Закона о прокуратуре)
Правоохранительный	Органы внутренних дел, следственные органы, органы безопасности, войска национальной гвардии	Координация деятельности по борьбе с преступностью (ст. 8 Закона о прокуратуре), надзор за процессуальной деятельностью
Межведомственный	Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, антитеррористические комиссии	Надзор за законностью решений (п. 3 ст. 10 Закона № 120-ФЗ), взаимодействие без координации

Ни в один из уровней прокуратура не встраивается. Она сама ведет правовое просвещение, направляет предостережения, вносит представления и одновременно надзирает за всеми названными субъектами, координирует правоохранительные органы, аккумулирует статистические данные и инициирует совершенствование законодательства. Это позволяет охарактеризовать прокуратуру как надзорный центр системы профилактики в сфере образования и координационный центр ее правоохранительного звена.

Потребность в надзорном центре объясняет институциональная латентность. Этим термином обозначим сокрытие образовательной организацией сигналов риска и правонарушений, за предотвращение которых она сама отвечает. От естественной и искусственной латентности ее отличают субъект и предмет сокрытия: информацию скрывает организация, отвечающая за безопасность, причем не только о преступлениях, но и о предшествующих им сигналах. О. А. Грачева и Т. М. Авдонина относят к типичным нарушениям, которые прокуроры выявляют в школах, сокрытие информации об общественно опасных инцидентах и занижение их числа в отчетности. Типично и несвоевременное уведомление органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних и органов опеки [14, с. 539-540]. По выводу Е. З. Сидоровой, практически все нападения на образовательные организации можно было предотвратить, поскольку признаки подготовки постоянно замечали сверстники, педагоги и родители [15, с. 243]. Без внешнего независимого надзора профилактика в такой среде не достигает цели.

Прокурор располагает каналами информации, не зависящими от школы: обращениями граждан, мониторингом средств массовой информации и сети «Интернет», правом доступа к документам поднадзорных организаций (п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре). В Республике Татарстан прокурорам открыли доступ к информационной системе органов профилактики, а также сформировали сегмент единого банка данных о несовершеннолетних, склонных к девиантному поведению. Когда органы внутренних дел и образования наладили обмен сведениями, число сообщений педагогов о происшествиях значи-

тельно возросло [16, с. 179-180]. Значит, институциональную латентность можно снизить, если превратить информирование из усмотрения школы в обязанность.

Слабое место этой модели показывает саратовская практика. После появления в мае 2025 г. видеозаписи противоправного поведения подростков в школе № 43 прокуратура внесла представления администрации школы и органам профилактики. Профильному министерству и администрации г. Саратова она и раньше неоднократно указывала на системные просчеты профилактики [17]. Повторные указания на одни и те же недостатки означают, что представления устраняли отдельные нарушения, но не их причины. Формальное исполнение требований прокурора и затягивание сроков рассмотрения представлений М. М. Шакирьянов называет частой проблемой [18, с. 85]. Эффективность профилактической работы прокуратуры следует поэтому оценивать по устранению причин и условий нарушений и их повторности, а не по числу актов реагирования.

Нормативное закрепление статуса прокуратуры отстает от его содержания, и устранить разрыв позволят три меры. Первая - дополнить ст. 1 Закона о прокуратуре самостоятельным пунктом: «Прокуратура Российской Федерации участвует в профилактике правонарушений в пределах своих полномочий». В отличие от предложения включить в ст. 1 функцию профилактики [8, с. 50], норму целесообразно разместить вне перечня функций, закрепленного в п. 2, по модели п. 4 об участии прокуратуры в правотворческой деятельности. Новых полномочий она не дает, но устраняет рассогласование со ст. 5 и 9 Закона № 182-ФЗ.

Вторая мера касается Закона № 120-ФЗ. Органы и учреждения системы профилактики обязаны незамедлительно информировать орган прокуратуры о нарушении прав и свобод несовершеннолетних (подп. 1 п. 2 ст. 9). Образовательные организации, однако, в п. 1 ст. 4 не названы, и их обязанность информировать выводится лишь толкованием. Подпункт 5 п. 2 ст. 9 об информировании органа внутренних дел угрозы насилия не охватывает [10]. Предлагаем дополнить п. 2 ст. 14 Закона № 120-ФЗ новой обязанностью образовательных организаций. Они должны незамедлительно информировать прокурора, орган внутренних дел и комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав о физическом или психическом насилии в отношении обучающихся и об угрозах его совершения. Законопроект о профилактике травли среди несовершеннолетних, который в ноябре 2025 г. комитет Государственной Думы по молодежной политике направил на отзыв в Правительство РФ, восполняет пробел лишь частично. Он касается только травли и предусматривает направление материалов о ней в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, когда профилактические меры исчерпаны [19]. Предлагаемая норма охватывает любое насилие и угрозы его совершения, а получателем сведений называет и прокурора. Сокрытие сигнала станет тогда законным поводом для прокурорской проверки.

Третья мера - принять организационно-распорядительный документ Генерального прокурора РФ о предупреждении преступлений в сфере образования. В нем целесообразно закрепить анализ состояния такой преступности не реже одного раза в полугодие и индикаторы риска для планирования проверок. Для школ это сведения о травле, конфликтах и обращениях родителей, состояние охраны и организации питания, для колледжей и вузов - процедуры приема и аттестации, распоряжение средствами. Эффективность работы документ должен связывать с долей устраненных нарушений и их повторностью, а не с числом актов реагирования.

Прокуратура, следовательно, занимает место надзорного центра системы профилактики правонарушений и преступлений в сфере образования и координационного центра ее правоохранительного звена. Потребность в таком центре обусловлена институциональной латентностью. Закрепить этот статус позволят дополнение ст. 1 Закона о прокуратуре и п. 2 ст. 14 Закона № 120-ФЗ, а также ведомственный акт о предупреждении преступлений в сфере образования.

Список источников

1. Прокуроры в 2025 году выявили более 205 тысяч нарушений в сфере образования // Интерфакс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.interfax.ru/russia/1084915 (03.10.2026)
2. Совбез зафиксировал всплеск подростковой преступности // Парламентская газета [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.pnp.ru/social/sovbez-zafiksiroval-vsplesk-podrostkovoy-prestupnosti.html (03.10.2026)

3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

4. Малков В. Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2014. – Вып. 22 (708). – С. 78-88.

5. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 912 с.

6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3851.

7. Писаревская Е. А. К вопросу об осуществлении органами прокуратуры Российской Федерации профилактической функции // Уголовная юстиция. – 2021. – № 18. – С. 110-114.

8. Воеводина Т. Г. Реализация функции профилактики правонарушений несовершеннолетних в деятельности органов прокуратуры // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 3 (91). – С. 45-50.

9. Грачева О. А. Профилактика правонарушений как важнейший аспект прокурорской деятельности // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 4. – С. 268-273.

10. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

11. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7598.

12. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Законность. – 2022. – № 2.

13. Асташкина Е. Н. Прокурорский надзор как гарантия реализации конституционного права на образование // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 1 (150). – С. 238-244.

14. Грачева О. А., Авдонина Т. М. Роль органов прокуратуры в противодействии насилию в образовательных организациях // Образование и право. – 2026. – № 1. – С. 538-542.

15. Сидорова Е. З. Скулшутинг как форма проявления экстремизма в образовательной среде // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 4 (57). – С. 240-245.

16. Цеханович А. С. Опыт прокуратуры Республики Татарстан по защите прав несовершеннолетних // Прокуроры на страже детства (к 80-летию профильного подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации): сб. материалов науч.-практ. семинара (Москва, 30 янв. 2024 г.) / под общ. ред. Р. В. Жубрина. – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2024. – С. 178-181.

17. По поручению прокурора Саратовской области проводится проверка по информации о противоправных действиях, совершенных несовершеннолетними в МОУ «СОШ № 43 имени В. Ф. Маргелова» // Прокуратура Саратовской области: официальный канал в мессенджере Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://t.me/sarprok/19341 (03.10.2026)

18. Шакирьянов М. М. Представление прокурора – акт прокурорского реагирования: вопросы и ответы // Искусство правоведения. – 2025. – № 4. – С. 84-91.

19. Законопроект о профилактике буллинга направили в кабмин // Парламентская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.pnp.ru/social/zakonoproekt-o-profilaktike-bullinga-napravili-v-kabmin.html (03.10.2026)

© О.В. Апольский, 2026

УДК 34

СУЩНОСТЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

ТИМЧЕНКО НИКИТА МАКСИМОВИЧ
магистрант
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: в статье рассматривается сущность прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей как самостоятельного направления прокурорской деятельности. Автор раскрывает содержание этого направления через единство цели, задач, предмета, объекта и функционального назначения надзорной деятельности. Отмечается, что прокуратура не осуществляет контроль за хозяйственной деятельностью субъектов предпринимательства, а защищает бизнес от неправомерных действий органов публичной власти, что отличает прокурорский надзор от контрольно-надзорной деятельности федеральных служб. Особое внимание уделено пределам прокурорского вмешательства, смещению акцента с последующего реагирования на упреждающий надзор, а также комплексному, межотраслевому характеру рассматриваемого направления. Обосновывается вывод о том, что защита прав предпринимателей имеет не только юридическое, но и социально-экономическое значение, а прокуратура выступает гарантом правовой защищённости бизнеса и стабильности экономических отношений. Статья предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов и практикующих юристов, интересующихся проблемами прокурорского надзора и защиты прав предпринимателей.
Ключевые слова: прокурорский надзор, права предпринимателей, защита бизнеса, предмет надзора, объекты надзора, направления надзорной деятельности, упреждающий надзор, пределы прокурорского вмешательства, государственный контроль.

THE ESSENCE OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER COMPLIANCE WITH ENTREPRENEURS' RIGHTS

Timchenko Nikita Maksimovich

Abstract: This article examines the essence of prosecutorial supervision over compliance with entrepreneurs' rights as a distinct area of prosecutorial activity. The author elucidates the content of this area by analyzing the unity of its purpose, objectives, subject matter, objects, and functional role within supervisory activities. It is noted that the Prosecutor's Office does not exercise control over the economic operations of business entities but rather protects businesses from unlawful actions by public authorities—a distinction that sets prosecutorial supervision apart from the control and supervisory functions of federal agencies. Particular attention is paid to the limits of prosecutorial intervention, the shift in focus from reactive measures to proactive supervision, and the comprehensive, cross-sectoral nature of this area of activity. The author substantiates the conclusion that protecting entrepreneurs' rights holds not only legal but also socio-economic significance, with the Prosecutor's Office acting as a guarantor of legal protection for businesses and the stability of economic relations. This article is intended for researchers, academics, postgraduate students, and legal practitioners interested in issues regarding prosecutorial supervision and the protection of entrepreneurs' rights.
Keywords: prosecutorial supervision, entrepreneurs' rights, business protection, subject of supervision, objects of supervision, areas of supervisory activity, proactive supervision, limits of prosecutorial intervention, state control.

Прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей представляет собой относительно самостоятельное направление прокурорской деятельности, содержание которого раскрывается через единство нескольких взаимосвязанных элементов: цели, задачи, объекта, предмета и полномочий прокурора. Понимание сущности этого направления требует выхода за пределы простого перечисления норм и процедур и обращения к более глубоким вопросам — о роли прокуратуры в системе разделения властей, о соотношении публичных и частных интересов в экономике, о пределах государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Именно эти вопросы определяют, почему прокуратура занимает особое место в механизме защиты прав бизнеса и почему её надзорная функция не может быть сведена ни к контролю, ни к административному сопровождению предпринимательской деятельности [1].

Исторически прокурорский надзор в России формировался как институт, призванный обеспечивать единство законности на всей территории государства. В этом своём качестве он изначально был обращён к органам власти и управления, а не к частным лицам. Данная особенность сохраняется и сегодня: прокуратура не контролирует бизнес, она защищает бизнес от неправомерных действий государства. В этом заключается принципиальное отличие прокурорского надзора от контрольно-надзорной деятельности федеральных служб. Контролёр проверяет, соблюдает ли предприниматель установленные требования. Прокурор проверяет, соблюдает ли государство права предпринимателя. Такая постановка вопроса меняет привычную оптику и позволяет увидеть в прокуратуре институт, который по своей природе является правозащитным, а не карательным [2].

Сущность рассматриваемого направления надзорной деятельности раскрывается прежде всего через его цель. Цель прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей состоит в обеспечении верховенства закона в отношениях между хозяйствующими субъектами и органами публичной власти, в недопущении необоснованного административного давления на бизнес и в создании условий для стабильного осуществления предпринимательской деятельности. Эта цель не является умозрительной: она напрямую связана с конституционным принципом свободы экономической деятельности, закреплённым в статье 34 Конституции Российской Федерации, и с провозглашёнными государством задачами по улучшению делового климата и снижению административных барьеров. Прокуратура в этой системе выступает гарантом того, что декларации о поддержке предпринимательства не останутся декларациями, а будут подкреплены реальными механизмами защиты [3].

Задачи прокурорского надзора в рассматриваемой сфере конкретизируют его цель и могут быть сформулированы следующим образом. Первая задача — выявление нарушений прав предпринимателей, допускаемых органами власти, их должностными лицами, а также контрольно-надзорными органами. Вторая задача — реагирование на выявленные нарушения с использованием всего арсенала прокурорских средств: протестов, представлений, требований, обращений в суд, постановлений о возбуждении дел об административных правонарушениях. Третья задача — предупреждение нарушений, что предполагает не только реагирование на уже совершённые деяния, но и работу на опережение: анализ правоприменительной практики, мониторинг правовых актов, выявление системных проблем, порождающих нарушения. Четвёртая задача — координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями в сфере экономики, поскольку защита прав предпринимателей невозможна без эффективного противодействия рейдерским захватам, недружественным поглощениям и иным формам криминального давления на бизнес. Пятая задача — обеспечение единообразного применения законодательства о защите прав предпринимателей на всей территории страны, что достигается через надзорную практику, методическую работу и взаимодействие с бизнес-сообществом [4].

Особенность рассматриваемого направления надзорной деятельности заключается в том, что его предмет и объект имеют специфическую конфигурацию. Предмет надзора образуют законность правовых актов, законность действий контрольно-надзорных органов, соблюдение прав предпринимателей в сфере предоставления публичных услуг и исполнения государственных контрактов. Объектами надзора выступают органы публичной власти, наделённые властными полномочиями в отношении хозяйствующих субъектов. Сами предприниматели объектами надзора не являются. Это принципиальное положение, которое отличает прокурорский надзор от контрольной деятельности и которое должно по-

следовательно проводиться в правоприменительной практике. Прокуратура не проверяет, как предприниматель ведёт бизнес; она проверяет, как государство относится к предпринимателю. Соответственно, и меры прокурорского реагирования адресованы не бизнесу, а органам власти, нарушившим права бизнеса.

Такая конфигурация предмета и объекта надзора порождает важный теоретический вопрос о пределах прокурорского вмешательства. Прокуратура не должна подменять собой иные государственные органы, не должна вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность организаций и не должна использовать надзорные полномочия для решения хозяйственных споров. Соблюдение этих пределов является условием доверия бизнеса к прокуратуре и условием эффективности самого надзора. Если прокурор начинает проверять деятельность предпринимателя по собственной инициативе, без обращения самого предпринимателя или без данных о нарушении его прав, он рискует превратиться из защитника в ещё один контролирующий орган, что противоречит сущности рассматриваемого направления.

Сущность прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей раскрывается также через его функциональное назначение. В системе государственных институтов прокуратура выполняет роль связующего звена между гражданином и государством, между бизнесом и властью. Она не обладает полномочиями по управлению экономикой, не устанавливает правила ведения бизнеса и не распределяет ресурсы. Её функция — обеспечить, чтобы эти правила соблюдались всеми, включая самих носителей власти. В этом смысле прокурорский надзор является одним из немногих институтов, способных эффективно противостоять ведомственному произволу и административному давлению, поскольку прокурор не связан ведомственными интересами и не подчинён тем органам, которые он проверяет.

Современный этап развития рассматриваемого направления надзорной деятельности характеризуется смещением акцента с последующего реагирования на упреждающий надзор. Это означает, что прокуратура стремится выявлять и устранять нарушения на ранних стадиях, не дожидаясь, пока они приведут к необратимым последствиям для бизнеса. Такой подход находит отражение в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора, которые предписывают прокурорам всех уровней обеспечивать упреждающий характер надзора, активно использовать мониторинг правовых актов, взаимодействовать с бизнес-сообществом и оперативно реагировать на сигналы о нарушениях. Смещение акцента на предупреждение соответствует общемировым тенденциям развития институтов защиты прав и свидетельствует о зрелости отечественной модели прокурорского надзора.

Важным аспектом сущности рассматриваемого направления является его комплексный, межотраслевой характер. Прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей не укладывается в рамки какой-либо одной отрасли прокурорского надзора. Он включает элементы надзора за исполнением законов, надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование. Такая комплексность отражает сложность и многогранность самих предпринимательских отношений, которые регулируются нормами конституционного, гражданского, административного, налогового, уголовного и иных отраслей права. Прокурор, осуществляющий надзор в рассматриваемой сфере, должен обладать познаниями в различных областях права и уметь применять их в системном единстве.

Наконец, сущность прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей невозможно понять без учёта его социального назначения. Защита прав предпринимателей — это не только юридическая, но и социально-экономическая задача. Предпринимательская деятельность создаёт рабочие места, обеспечивает поступление налогов, способствует развитию территорий, повышению качества жизни граждан. Когда государство необоснованно ограничивает предпринимательскую деятельность, страдают не только конкретные бизнесмены, но и общество в целом. Прокуратура, защищая права предпринимателей, защищает тем самым публичный интерес в развитии экономики и обеспечении социальной стабильности. В этом заключается глубинный смысл рассматриваемого направления надзорной деятельности и его особая значимость в современных условиях.

Таким образом, сущность прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей может быть определена как единство цели, задач, предмета, объекта и функционального назначения надзорной деятельности, направленной на обеспечение верховенства закона в отношениях между бизнесом и государством, на защиту прав хозяйствующих субъектов от неправомерных действий органов публичной власти и на создание условий для свободного осуществления предпринимательской деятельности. Прокуратура в этой системе выступает не контролёром бизнеса, а гарантом его правовой защищённости, что предопределяет её особое место в механизме государственной поддержки предпринимательства и обусловливает необходимость постоянного совершенствования форм и методов надзорной деятельности.

Список источников

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
2. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6249.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru.
4. Приказ Генерального прокурора РФ от 31.08.2023 № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

© Тимченко Н.М., 2026

УДК 343.163:338.5

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ: КРИТЕРИЙ И ЭТАПЫ

МУНАЕВА ЭЛИНА АЙНДЫЕВНА
студент магистратуры
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов)

Научный руководитель: Колесникова Татьяна Васильевна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: Автор предлагает периодизировать прокурорский надзор в сфере ценообразования по двум переменным одновременно: по способу государственного воздействия на цены и по модели самого надзора. Критерии, учитывающие лишь одну из них, искажают картину. Автор выделяет предпосылки (1722-1917 гг.) и четыре этапа: нэповский (1922-1928 гг.), плановый (1929-1991 гг.), этап свободных цен (1992-2019 гг.) и современный, открывшийся в 2020 г. Обстановка 2022 г. и законы 2026 г. повлияли на интенсивность и предмет надзора, однако нового этапа не открыли.
Ключевые слова: прокурорский надзор, ценообразование, периодизация, критерий периодизации, общий надзор, либерализация цен, государственный контроль (надзор), тарифное регулирование.

PERIODIZATION OF THE DEVELOPMENT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE FIELD OF PRICING: CRITERION AND STAGES

Munaeva Elina Ayndyevna

Scientific adviser: Kolesnikova Tatyana Vasilyevna

Abstract: The author proposes to periodize prosecutorial supervision in the field of pricing by two variables simultaneously: the method of state influence on prices and the model of supervision itself. Criteria that take into account only one of them distort the picture. The author identifies the prerequisites (1722-1917) and four stages: the NEP stage (1922-1928), the planned economy stage (1929-1991), the free prices stage (1992-2019) and the modern stage, which began in 2020. The situation of 2022 and the laws of 2026 affected the intensity and the subject of supervision, but did not open a new stage.
Key words: prosecutorial supervision, pricing, periodization, periodization criterion, general supervision, price liberalization, state control (supervision), tariff regulation.

Правовое регулирование цен в России продолжает обновляться. Федеральный закон от 23 марта 2026 г. № 63-ФЗ разрешил ФАС России самой менять предельные уровни розничных цен (тарифов) на электроэнергию [1]. Такое право возникает, если региональный регулятор на протяжении года неоднократно не исполняет решения службы. Подписанный в тот же день Закон № 73-ФЗ дополнил ст. 19.5 КоАП РФ частью 5.1 [2]. Должностное лицо регионального органа, три и более раза за год не выполнившее в срок предписание или решение федерального контрольного органа, теперь подлежит дис-

квалификации на срок до трех лет. В сентябре ФАС России вынесла на публичное обсуждение законопроект об основах регулирования цен (тарифов). Он призван впервые задать единые для инфраструктурных отраслей цели, принципы и процедуры [3].

Любая подобная новелла заставляет выяснить, затрагивает ли она природу прокурорского надзора за ценами или лишь его инструментарий. Для ответа нужна историческая шкала с внятным критерием, а ее наука пока не выработала. По справедливому замечанию Н. А. Даниловой и И. Л. Честнова, концепция прокурорской деятельности до сих пор не разработана [4, с. 10-11]. Легального определения надзора в сфере цен тоже нет.

Историко-правовые исследования сосредоточены на прокуратуре как институте. Ее путь с петровских времен описал А. Г. Звягинцев, советский период - авторы книги «Советская прокуратура» под редакцией А. М. Рекункова [5; 6], общий надзор 1922-1941 гг. изучила Н. В. Субанова [7]. Ценообразования эти авторы касаются лишь попутно. Переносить же на надзор за ценами вехи институциональной истории прокуратуры механически нельзя: часть важных рубежей выпадет, часть окажется мнимой. Цель статьи - обосновать критерий периодизации такого надзора и выделить по нему этапы его развития.

Сферу ценообразования понимаем как совокупность отношений, возникающих при установлении и применении цен (тарифов) и контроле за ними, в той части, где действуют императивные нормы. Внутри нее различаются два сегмента. На свободном рынке государство влияет на цену косвенно: запрещает монополистические практики, требует раскрывать цену потребителю, временами вводит ограничения. В регулируемом сегменте цену или порядок ее расчета определяет публичный орган. Пропорцию между сегментами задает п. 1 ст. 424 ГК РФ: по общему правилу цену согласуют стороны договора, а регулируемые цены применяются лишь в случаях, названных в законе [8].

Однофакторные критерии периодизации здесь не работают. Если следить только за законодательством о прокуратуре, самостоятельными рубежами придется признать 1955 и 1979 гг., когда приняли Положение о прокурорском надзоре в СССР и Закон СССР о прокуратуре [9; 10]. Между тем для надзора за ценами ни один из этих актов ничего не изменил по существу: цены по-прежнему планировались, надзор оставался общим. Напротив, 1929 г. при таком подходе вовсе не выделяется, хотя переход к плану перестроил сам предмет прокурорской проверки.

Критерий, основанный только на режиме цен, ошибается в обратную сторону. Он пропускает 2020 г., когда ценовая модель не изменилась, а модель надзора стала иной. К тому же он втягивает в периодизацию 1917-1922 гг., когда прокуратура была упразднена.

Поэтому критерий должен быть двухфакторным: им служит сочетание модели государственного влияния на цены с моделью прокурорского надзора. Отдельный этап открывается тогда, когда прокурор начинает воздействовать на ценообразование как на особый объект, а завершается с качественным сдвигом в любой из двух переменных. Время до такого обособления относится к предпосылкам.

Качественный сдвиг следует отличать от количественного. Ценовая модель меняется вместе с базовым правилом: кто назначает цену, что считается нормой, а что исключением. Модель надзора меняется вместе с его правовой природой, границами и положением среди других органов. Рост активности прокуроров, новые приоритеты, перераспределение функций между контролирующими ведомствами нового этапа не создают. Они делят этап на подпериоды или фазы.

Предпосылки складывались в 1722-1917 гг. Учреждая прокуратуру именным указом от 12 (23) января 1722 г. [11], Петр I замышлял надзор за исполнением указов как всеобъемлющий. Цены, однако, государство регулировало административно-полицейскими средствами, такими как продовольственные таксы и государственная монополия на торговлю солью и вином, и особым предметом надзора они не стали. Судебная реформа 1864 г. переключила прокуратуру на уголовное преследование и наблюдение за судами, оттеснив надзор за администрацией на второй план [5]. Прокурорский надзор отменил уже первый советский декрет о суде, изданный в конце 1917 г. [12], и в годы военного коммунизма спекуляцию подавляли внесудебные чрезвычайные органы [5]. Поэтому 1917-1922 гг. в периодизацию не входят: ценовой режим существовал, а прокурорского надзора не было.

Первый, нэповский этап (1922-1928 гг.) отсчитывается от 28 мая 1922 г., когда ВЦИК утвердил Положение о прокурорском надзоре [13]. Надзору подлежала законность действий любых властных

органов и хозяйственных учреждений, частных и общественных организаций, частных лиц. Хозяйственная сфера, как установила Н. В. Субанова, попала в поле общего надзора сразу [7, с. 12-14]. При нэпе цены определял в основном рынок, а уголовный закон охранял его от злоупотреблений. Статья 107 УК РСФСР 1926 г. наказывала за злостное повышение цен посредством скупки, сокрытия товаров или отказа выпускать их на рынок [14]. Модель первого этапа соединяла рыночные цены, общий надзор и уголовно-правовую защиту рыночного ценообразования.

Второй, плановый этап (1929-1991 гг.) начинается в мае 1929 г.: съезд Советов утвердил первый пятилетний план, и переход к плановому хозяйству получил юридическую форму [15, с. 61]. Цену отныне назначало государство, и ее соблюдение стало делом государственной дисциплины. Борьбу со спекуляцией постановление ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 г. поручило органам ОГПУ и прокуратуры, предусмотрев за нее заключение в лагерь на пять-десять лет [7, с. 17; 16]. Цены контролировали профильные ведомства, позднее Госкомцен СССР. Прокуроры же в порядке общего надзора проверяли, соблюдается ли дисциплина цен [9; 10]. Уголовно-правовой опорой надзора служили составы спекуляции (ст. 154) и обмана покупателей (ст. 156) в УК РСФСР 1960 г. [17]. Под охраной надзора находились в первую очередь государственная собственность и плановая дисциплина, потребитель же получал защиту лишь косвенно [6]. Положение 1955 г. и Закон 1979 г. обновили правовую базу общего надзора, однако ни ценовой модели, ни модели надзора не тронули и потому разделяют этап только на подпериоды.

Третий этап, этап свободных цен (1992-2019 гг.), открылся переломом сразу в обеих переменных. Президентский указ о либерализации цен от 3 декабря 1991 г. № 297 со 2 января 1992 г. освободил большую часть цен [18]. Основы антимонопольного контроля заложил Закон РСФСР 1991 г. о конкуренции [19]. Свобода цены стала правилом, ее регулирование - исключением. Принятый в январе 1992 г. закон о прокуратуре (далее - Закон о прокуратуре) отказался от общего надзора, сделав предметом проверки исполнение законов [20]. Редакция 1995 г. добавила запрет: проверяя законность, прокурор не должен подменять другие государственные органы (п. 2 ст. 21). Отныне надзор удерживал свободу цен в правовых рамках и проверял, законно ли вмешивается в нее государство.

Перемены внутри этапа касались институтов, а не моделей. В 2015 г. упразднили Федеральную службу по тарифам, работавшую с 2004 г., и ее полномочия перешли к ФАС России [21]. Прокуроры получили право согласовывать внеплановые выездные проверки бизнеса, а с 2015 г. Генеральная прокуратура РФ стала оператором единого реестра проверок [22, ст. 10, 13.3]. Ни правило свободы цен, ни пределы надзора от этого не изменились, так что перечисленные события образуют лишь подпериоды третьего этапа.

Современный этап открыл 2020 г., причем сдвиг затронул только модель надзора. Конституционная реформа впервые перечислила функции прокуратуры в самом Основном законе: надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, правозащитный надзор и уголовное преследование (ч. 1 ст. 129). Глава 7 получила название «Судебная власть и прокуратура» [23]. Так изменились конституционный статус надзора и его место в системе публичной власти. В том же году Закон № 248-ФЗ прямо исключил прокурорский надзор из понятия государственного контроля (п. 7 ч. 3 ст. 1) [24]. Прежние связи прокурора с контролем закон сохранил, но встроил их в новую риск-ориентированную систему. Когда этого требует закон, внеплановые мероприятия контролеров проходят только с согласия прокурора (ст. 66), и он же вправе потребовать их проведения (п. 4 ч. 1 ст. 57). Генеральная прокуратура РФ служит оператором единого реестра таких мероприятий (ч. 3 ст. 19). Роль внешнего фильтра подтверждают цифры: после вступления закона в силу прокуроры санкционируют лишь каждое третье мероприятие, предложенное контролерами [25, с. 64-66].

Хотя Закон № 248-ФЗ вступил в силу 1 июля 2021 г., модель надзора изменили уже поправки и сам факт принятия закона, поэтому рубежом этапа служит 2020 г. Сдвинулась и практика. В пандемийном 2020 г. прокуроры выявили на продовольственном рынке вдвое больше ценовых нарушений, чем годом ранее: 2 295 против 1 129 [26]. Надзор в этом сегменте стал массовым.

Начиная с 2022 г. современный этап проходит фазу интенсификации. Отвечая на ограничительные меры, Генеральная прокуратура РФ указанием от 11 марта 2022 г. № 140/20 нацелила прокуроров

на то, чтобы не допускать сговоров о завышении цен и тарифов на продовольствие. Цены на продукты питания и другую социально значимую продукцию стали приоритетом надзора [27, с. 238]. Но интенсивность - величина количественная. Обе модели остались прежними, поэтому 2022 г. нового этапа не образует. Итоги применения критерия сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Этапы эволюции надзора за ценообразованием

Этап	Модель воздействия на цены	Модель прокурорского надзора	Рубежные события и акты
Предпосылки (1722-1917 гг.)	Административно-полицейские средства (таксы, казенные монополии)	Надзор за исполнением указов, цены особым направлением не стали	Именной указ от 12 (23) января 1722 г.
I. Нэповский (1922-1928 гг.)	Цены складываются в основном на рынке, уголовный закон карает злостное повышение цен	Общий надзор за всеми органами, организациями и лицами	Положение о прокурорском надзоре 1922 г.
II. Плановый (1929-1991 гг.)	Цены назначает государство	Общий надзор за дисциплиной цен	Первый пятилетний план (май 1929 г.)
III. Свободных цен (1992-2019 гг.)	Свобода цен - правило, регулирование - исключение	Надзор за исполнением законов без подмены других органов	Указ Президента РСФСР № 297, Закон о прокуратуре
IV. Современный (с 2020 г.)	Без изменений	Надзор с конституционно закрепленными функциями, отделенный от государственного контроля	Поправки к Конституции РФ, Закон № 248-ФЗ

Тот же критерий применим к новеллам 2026 г. Законы № 63-ФЗ и № 73-ФЗ усилили федеральный контроль над региональными регуляторами, а законопроект ФАС России призван унифицировать тарифное регулирование [3]. Порядок, в котором регуляторы должны информировать прокурора и допускать его к тарифным материалам, проект, однако, не определяет, хотя именно от этого зависят инструменты надзора в обновленной системе. Базового правила ценообразования и правовой природы надзора эти меры не затрагивают и, следовательно, остаются внутри современного этапа. Новый этап открыл бы иной сдвиг: перенос границы между свободными и регулируемыми ценами или изменение конституционно-правового положения прокуратуры.

Смена этапов сопровождалась и сменой защищаемого интереса. На нэповском этапе надзор и уголовный закон оберегали рынок от спекуляции, на плановом этапе на первый план вышла государственная дисциплина цен. После либерализации прокурор стал защищать саму свободу цены и проверять законность любого вмешательства в нее. Современный этап добавил к этому защиту предпринимателей от избыточного контроля. Интересы потребителя, на плановом этапе защищавшиеся лишь косвенно, сегодня служат главным поводом для прямого вмешательства прокурора там, где нарушение затрагивает неопределенный круг лиц.

Итак, периодизацию прокурорского надзора в сфере ценообразования следует строить по двухфакторному критерию, учитывающему одновременно ценовую модель и модель надзора. Этап сменяется лишь при качественном сдвиге хотя бы в одной из них, а количественные и институциональные перемены создают подпериоды и фазы. Применение критерия дает предпосылки (1722-1917 гг.) и четыре этапа: нэповский, плановый, этап свободных цен и современный, начавшийся в 2020 г. Периодизация описывает надзор как единое направление. В отдельных сегментах, например в тарифах жи-

лищно-коммунального хозяйства или ценах на лекарства, подпериоды могут выглядеть иначе, и их выделение составляет задачу дальнейших исследований.

Через все этапы проходит одна константа: прокурор проверял не саму цену, а то, как соблюдались правила ее установления и применения. Отсюда практический вывод. Предостережение прокурор вправе объявить, лишь когда у него есть сведения о подготовке противоправных деяний (п. 1 ст. 25.1 Закона о прокуратуре) [20]. Значит, в предостережении должна быть названа конкретная норма, ведь рост свободной цены сам по себе закон не нарушает. Добиваясь снижения свободной цены без признаков правонарушения, прокурор возвращается к логике планового этапа, когда цена была предметом государственной дисциплины. Сегодня же правилом служит свобода цен.

Список источников

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.03.2026 № 63-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2026).
2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 23.03.2026 № 73-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2026).
3. Проект федерального закона «Об основах государственного регулирования цен (тарифов)» (ID 02/04/09-26/00171275). URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=171275 (дата обращения: 01.10.2026).
4. Данилова Н. А., Честнов И. Л. Прокурорская деятельность: контуры теоретического и практического осмысления // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2026. № 1 (111). С. 7–20.
5. Звягинцев А. Г. История российской прокуратуры. 1722–2012. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 414 с.
6. Советская прокуратура / отв. ред. А. М. Рекунков. М.: Юрид. лит., 1982. 350 с.
7. Субанова Н. В. Возникновение и развитие общего надзора в СССР: довоенный период (1922–1941 гг.) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 5 (103). С. 11–20.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. Положение о прокурорском надзоре в СССР: утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.05.1955 // Ведомости ВС СССР. 1955. № 9. Ст. 222.
10. О прокуратуре СССР: Закон СССР от 30.11.1979 // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 843.
11. Именной указ от 12 января 1722 г. [об учреждении должностей генерал-прокурора, обер-прокурора и прокуроров] // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. VI. № 3877.
12. О суде: Декрет СНК от 7 декабря (24 ноября) 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
13. Положение о прокурорском надзоре: утв. постановлением ВЦИК от 28.05.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.
14. Уголовный кодекс РСФСР: введен в действие постановлением ВЦИК от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
15. Ханин Г. И. Три варианта первого пятилетнего плана экономики СССР: от реализма к утопии // Terra Economicus. 2022. Т. 20, № 3. С. 52–71.
16. О борьбе со спекуляцией: постановление ЦИК и СНК СССР от 22.08.1932 // СЗ СССР. 1932. № 65. Ст. 375.
17. Уголовный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
18. О мерах по либерализации цен: Указ Президента РСФСР от 03.12.1991 № 297 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1878.

19. О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.

20. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

21. О некоторых вопросах государственного управления и контроля в сфере антимонопольного и тарифного регулирования: Указ Президента РФ от 21.07.2015 № 373 // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4571.

22. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6249.

23. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2026).

24. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

25. Бут Н. Д., Егупов Д. А. Сохранение и развитие прокуратурой достигнутого уровня правовых гарантий предпринимателей в сфере государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2 (106). С. 63–70.

26. Генпрокуратура продолжила надзор за обоснованностью цен на продукты в 2025 году // ТАСС. 2026. 9 янв. URL: https://tass.ru/obschestvo/26112273 (дата обращения: 27.09.2026).

27. Якушева С. Е. Об усилении отдельных направлений прокурорского надзора в условиях военного конфликта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2 (151). С. 235–243.

© Э. А. Мунаева, 2026

УДК 342.56

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 2026 ГОДА

ПУПЫНИНА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА
магистрант 2 курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»

Аннотация: Рассматривается соотношение обязательности правовых позиций Верховного Суда РФ и независимости судьи (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ) после ФКЗ от 4 августа 2026 г. № 3-ФКЗ. На материале 490 актов кассационных судов общей юрисдикции и арбитражных судов округов за 2023 - первое полугодие 2026 г. обосновано, что обязательность позиции ограничена нормативным толкованием, а конституционная допустимость механизма требует процедуры мотивированного отступления от разъяснения. Предложены изменения федерального конституционного и процессуального законодательства.
Ключевые слова: судебная власть; единство судебной практики; правовые позиции Верховного Суда РФ; руководящие разъяснения; независимость судьи; правовая определённость; судейское усмотрение.

CONSTITUTIONAL LIMITS OF THE BINDING FORCE OF THE LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AFTER THE 2026 REFORM

Pupynina Yuliya Vladimirovna

Abstract: The paper examines the binding force of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and judicial independence (Article 120 (1) of the Constitution) after Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of 4 August 2026. A content analysis of 490 cassation judgments (2023 - first half of 2026) shows that binding force is limited to statutory interpretation and that constitutional admissibility requires a procedure of reasoned departure. Amendments to federal constitutional and procedural law are proposed.
Key words: judicial power; uniformity of judicial practice; legal positions of the Supreme Court; guiding clarifications; judicial independence; legal certainty; judicial discretion.

Часть 1 ст. 120 Конституции РФ закрепляет независимость судей и их подчинение только Конституции и федеральному закону; ст. 126 относит к полномочиям Верховного Суда РФ дачу разъяснений по вопросам судебной практики [1]. Если разъяснения обязательны, судья подчиняется не только Конституции и закону; если нет - функция обеспечения единства практики лишается инструмента [2; 3].

ФКЗ от 4 августа 2026 г. № 3-ФКЗ прямо назвал разъяснения Пленума руководящими и наделил Пленум правом заслушивать доклады председателей нижестоящих судов об учёте позиций Пленума и Президиума ВС РФ, а также сохранивших силу постановлений Пленума ВАС РФ [4-7]. Обязательность закреплена, пределы - по предмету, процедуре несогласия и последствиям докладов - не определены.

1. Обеспечение единства практики - самостоятельная функция судебной власти

Функции в рамках конкретного дела имеют процессуальную форму и полные гарантии; функции вне дела (единство практики, судебное управление) - нет [3; 8]. Обеспечение единства практики осуществляется вне спора, направлено на определённость регулирования и реализуется Пленумом и Президиумом ВС РФ. Конституционное основание - ч. 1 ст. 19, ст. 46 и ч. 1 ст. 1 Конституции РФ [1; 2]. Защищаемая ценность - единство, сохраняющее способность к обоснованному развитию.

2. Изменения 2026 года носят уточняющий характер

Руководящий характер разъяснений не создаёт нового источника права. Обязательность и ранее вытекала из процессуальных норм: неправильное истолкование закона - основание отмены, расхождение с разъяснением Пленума устойчиво квалифицировалось именно так [9]. Закон 2026 г. прямо выразил существовавшее основание и не расширил круг актов, которым подчиняется судья [6; 8]. Предмет разъяснения - смысл действующей нормы, поэтому само изменение не противоречит ч. 1 ст. 120 Конституции РФ [1; 10].

Конструкция руководящих разъяснений известна законодательству СССР и РСФСР; в 1993-2026 гг. термин был исключён при сохранении механизма. Реформа возвращает его после создания в 2018-2019 гг. девяти кассационных судов [11] и должна толковаться в пределах ст. 10 и 120 Конституции РФ [1].

3. Предмет обязательности ограничен нормативным толкованием

Обязательность позиции распространяется только на толкование нормы и не охватывает оценку доказательств, установление фактов и индивидуализацию ответственности [3; 12]. Вывод проверен на 490 актах кассационных судов общей юрисдикции (280) и арбитражных судов округов (210) за 1 января 2023 г. - 30 июня 2026 г., отобранных по признаку отмены или изменения со ссылкой на постановление Пленума либо Президиума ВС РФ [13]. Распределение актов выборки по предмету расхождения приведено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение актов выборки по предмету расхождения

Предмет расхождения	Число актов	Доля, %
Толкование нормы права	203	41,4
Установление обстоятельств и оценка доказательств	156	31,8
Смешанный (оба основания без разграничения)	79	16,1
Процессуальное нарушение (ссылка вспомогательна)	52	10,6
Итого	**490**	**100**

Почти треть отмен (31,8 %) связана с переоценкой фактов под видом ссылки на разъяснение. Доля максимальна в спорах со снижением неустойки (54,2 %), компенсацией морального вреда (51,6 %) и защитой прав потребителей (48,3 %) [13]. Предлагается дополнить ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» указанием, что разъяснения даются по вопросам толкования и применения норм права и не предопределяют оценку доказательств, установление обстоятельств и меру ответственности [5].

4. Механизму недостаёт процедуры мотивированного отступления

Мотивы неприменимости разъяснения приведены лишь в 37 актах (7,6 %); в 320 (65,3 %) разъяснение не упомянуто, в 133 (27,1 %) истолковано иначе. Проверочная инстанция оценила доводы по существу в 8 случаях из 37 [13]. Нет ни права мотивированно отступить, ни обязанности вышестоящего суда оценить доводы. Судья либо следует разъяснению вопреки убеждению, либо умалчивает о нём; обратная связь отсутствует [2; 8].

Предлагается закрепить в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ право суда не применить разъяснение при существенном отличии обстоятельств дела либо при изменении законодательства - с изложением мотивов и обязанностью проверочной инстанции их оценить [9]. Модель обосновывает неприменимость разъяснения к делу, а не оспаривает толкование нормы по существу [3].

5. Организационные средства - только обобщение и информирование

Заслушивание докладов председателей допустимо как обобщение практики и недопустимо, если позволяет оценивать конкретного судью [10]. Предмет доклада, процедура и последствия законом не определены; запрет учитывать показатель отмены при оценке судьи отсутствует. Предлагается дополнить ст. 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»: отмена акта сама по себе не служит основанием дисциплинарной ответственности и не учитывается при оценке деятельности, рекомендации на вышестоящую должность, присвоении квалификационного класса и поощрении; сведения из докладов для этих целей не используются.

Руководящий характер придан только разъяснениям Пленума, тогда как доклады охватывают также позиции Президиума ВС РФ и постановления Пленума ВАС РФ. На эти акты целесообразно распространить порядок мотивированного отступления [5; 6].

Выводы

Обязательность правовых позиций высшего суда не противоречит ч. 1 ст. 120 Конституции РФ [1], если она ограничена толкованием нормы, реализуется через проверку акта вышестоящей инстанцией и допускает мотивированное отступление. Организационные средства допустимы лишь как обобщение и информирование [2; 10]. Реформа 2026 г. закрепила обязательность, не установив её пределов [6]; предложенные меры сохраняют единство практики как средство правовой определённости, а не консервации [8].

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.09.2026).
2. Бондарь Н. С. Единообразие судебной практики в современном правопорядке: конституционно-правовые механизмы обеспечения // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 11-20.
3. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. 628 с.
4. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
5. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
6. Федеральный конституционный закон от 4 августа 2026 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального конституционного закона „О судебной системе Российской Федерации“ и статью 5 Федерального конституционного закона „О Верховном Суде Российской Федерации“» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2026. 4 августа. № 0001202608040001.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2026 г. № 17 «О внесении в Государственную Думу проекта федерального конституционного закона» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2026. № 7.
8. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов; отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
10. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2017. 592 с.
11. Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О судебной системе Российской Федерации“ и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.

12. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. — 2-е изд., доп. — М.: Формула права, 2008. — 687 с.

13. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов за 2023-2026 гг. / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.09.2026).

© Ю.В. Пупынина, 2026

УДК 347.963

ПРЕДЕЛЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МСП: ПРОБЛЕМА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ИЗБЫТОЧНОГО ДАВЛЕНИЯ НА БИЗНЕС

АРИКОВА КАМИЛА РУСТЭМОВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Лиходаев Евгений Геннадьевич
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: автор исследует пределы прокурорского надзора при оказании государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и выделяет два контура надзора: органы, оказывающие поддержку, и ее получателей. Прокурорские проверки получателей не подпадают под мораторий на проверки и потому могут стать источником давления на бизнес. Автор предлагает критерии допустимости таких проверок и дополнение пункта 2.3 статьи 6 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».
Ключевые слова: прокурорский надзор, пределы надзора, государственная поддержка, малое и среднее предпринимательство, прокурорская проверка, мораторий на проверки.

LIMITS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF STATE SUPPORT MEASURES FOR SMEs: THE PROBLEM OF PREVENTING EXCESSIVE PRESSURE ON BUSINESS

Arikova Kamila Rustemovna

Scientific adviser: Likhodaev Evgeny Gennadievich

Abstract: the author examines the limits of prosecutorial supervision in the provision of state support to small and medium-sized businesses and distinguishes two tiers of supervision: the bodies providing support and its recipients. Prosecutorial inspections of recipients are not covered by the moratorium on inspections and may therefore become a source of pressure on business. The author proposes criteria for the admissibility of such inspections and an amendment to paragraph 2.3 of Article 6 of the Federal Law “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation”.
Key words: prosecutorial supervision, limits of supervision, state support, small and medium-sized businesses, prosecutorial inspection, moratorium on inspections.

В сфере государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (далее - МСП) прокуратура защищает предпринимателей от произвола тех, кто распределяет помощь, и одновременно охраняет бюджетные средства. Отстаивая интересы социально ответственного бизнеса, за 2025 год прокуроры пресекли 227 тыс. нарушений, связанных с незаконными отказами в согласовании предпринимательских инициатив, волокитой и иными барьерами. Из планов проверок на 2026 год они исключили три четверти предложений контрольных органов, а внеплановые проверки согласовывали лишь в одном случае из трех [1].

Однако сами прокурорские проверки этим фильтром не охвачены. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (далее - Закон № 248-ФЗ) не относит прокурорский надзор к государственному контролю (п. 7 ч. 3 ст. 1) [2]. Поэтому на такие проверки не распространяется мораторий, введенный Постановлением Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 [3]. Показательно, что 3 сентября 2026 года Генеральный прокурор РФ А.В. Гуцан предложил мораторий на 2027 год на проверки бизнеса, пострадавшего от атак беспилотников, «в том числе и органов прокуратуры» [4]. Через три недели Правительство РФ ввело такой мораторий, но прокурорских проверок он не коснулся: требование прокурора осталось основанием для внеплановой проверки [3]. Цель статьи - определить пределы надзора за реализацией мер поддержки МСП, при которых он не перерастает в давление на бизнес.

Пределы надзора - границы, в которых прокурор выбирает объекты проверки, ее предмет и средства реагирования. Они, в частности, зависят от круга поднадзорных объектов [5, с. 210]. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее - Закон о прокуратуре) запрещает прокурору подменять иные государственные органы. Проверку он проводит лишь по информации о нарушении, которую нельзя подтвердить или опровергнуть без проверки (п. 2 ст. 21) [6]. Конституционный Суд РФ уточнил: сведения должны быть непроверяемы и через орган специального надзора, а документы прокурор запрашивает, только если их нельзя получить у других государственных органов или из открытых источников. Эти позиции Постановления от 17.02.2015 № 2-П Суд распространил на коммерческие организации в части общих требований к проверкам [7].

В сфере поддержки МСП эти правила требуют различать два контура надзора. Первый образуют органы власти и организации инфраструктуры поддержки (ст. 15 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ, далее - Закон № 209-ФЗ) [8]. Здесь прокурор проверяет равный доступ к поддержке, законность отказов и сроки ответа заявителям (ст. 14). Такой надзор не создает давления на бизнес, а снимает его, поэтому должен оставаться наступательным.

Второй контур составляют получатели поддержки. Формально они поднадзорны как органы управления и руководители коммерческих организаций (п. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре). Статус индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств закон при этом не определил [5, с. 210]. Важнее другое: для получателей выстроен собственный механизм контроля. Их проверяют главный распорядитель бюджетных средств и органы финансового контроля (подп. 5 п. 3, п. 5 ст. 78 Бюджетного кодекса РФ) [9]. Нарушение условий поддержки признает тот, кто ее оказал, и закон связывает с этим отказ в новой поддержке на срок до трех лет (п. 4 ч. 5 ст. 14 Закона № 209-ФЗ).

Отсюда вытекает специальный предел надзора. Е.А. Борисенко и О.А. Яловой вслед за А.Х. Казариной подчеркивают: прокурор не должен становиться дублером контролирующего органа [10, с. 47]. Конституционный Суд РФ позволяет прокурору самому возбуждать дело об административном правонарушении, в частности, если уполномоченные органы не отреагировали надлежащим образом [11]. Поэтому, получив сведения о нецелевом использовании субсидии, прокурор прежде всего вправе потребовать от органа, предоставившего ее, провести проверку (п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре). Собственная проверка получателя оправданна, если этот путь исчерпан или заведомо неэффективен, например при признаках сговора с грантодателем.

На практике этот предел размывают надзорное сопровождение национальных проектов, совместные проверки со специалистами контрольных органов и широкие запросы документов. Между тем сотрудников других органов Конституционный Суд РФ допускает к прокурорской проверке лишь для вспомогательных функций [7]. Пункт 2.3 статьи 6 Закона о прокуратуре не запрещает истребовать у получателя документы, которые уже есть у грантодателя, хотя позиция Суда такие запросы исключает [7].

Проверка получателя поддержки остается в пределах надзора при трех условиях. У прокурора есть конкретная информация о нарушении закона этим получателем. Ее нельзя проверить через грантодателя и органы финансового контроля. Предмет проверки ограничен условиями конкретной меры поддержки. Кроме того, пункт 2.3 статьи 6 Закона о прокуратуре стоит дополнить абзацем четвертым. Прокурор не вправе будет требовать «информацию, документы и материалы или их копии, находящиеся в распоряжении органов публичной власти и подведомственных им организаций, если прокурор может получить их у этих органов (организаций)». Сходный запрет для органов, оказывающих поддержку, уже установлен (ч. 2 ст. 14 Закона № 209-ФЗ).

Пределы прокурорского надзора в сфере поддержки МСП определяет и наличие у получателей собственного контрольного механизма. За органами, распределяющими помощь, прокурор надзирает в полном объеме, а получателей проверяет субсидиарно. Ни Закон № 248-ФЗ, ни правительственные моратории прокурорских проверок не касаются, поэтому гарантии от избыточного давления на бизнес должны содержаться в Законе о прокуратуре.

Список источников

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации по итогам работы органов прокуратуры за 2025 год [Электронный ресурс]. – 2026. – 19 марта. – Режим доступа: URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8430135/ (04.10.2026)

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5007.

3. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (в ред. от 25.09.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1715.

4. Генпрокурор предложил ввести в 2027 году мораторий на проверки бизнеса [Электронный ресурс] // Новости Mail. – 2026. – 3 сентября. – Режим доступа: URL: https://news.mail.ru/society/72220392/ (04.10.2026)

5. Лиходаев Е. Г. Граждане — объекты прокурорского надзора? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 2 (151). – С. 209-213.

6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2019 № 1502-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью „Планета“ на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 3 и 4 статьи 21 и пунктом 2 статьи 22 Федерального закона „О прокуратуре Российской Федерации“» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.

9. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

10. Борисенко Е. А., Яловой О. А. К вопросу о соотношении прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы и государственного контроля (надзора), муниципального контроля // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 3. – С. 45-50.

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 15-П «По делу о проверке конституционности абзаца девятого пункта 2 статьи 1, абзацев первого и второго пункта 1 и предложения первого пункта 2 статьи 21… Федерального закона „О прокуратуре Российской Федерации“… в связи с жалобой гражданина П.Н. Лакина» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© К.Р. Арикова, 2026

УДК 347.963

ПРОКУРОР В МЕХАНИЗМЕ КОНТРОЛЯ ЗА СООТВЕТСТВИЕМ РАСХОДОВ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ИХ ДОХОДАМ: СООТНОШЕНИЕ НАДЗОРНЫХ И ИНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

ЖЕВЛАКОВА ТАИСИЯ ВАЛЕНТИНОВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Лиходаев Евгений Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: автор исследует полномочия прокурора по Федеральному закону «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и смежным нормам Федерального закона «О противодействии коррупции». Полномочия автор делит на надзорные, контрольно-проверочные и исковые, сопоставляя их объект, основание и правовые средства. Анализ опирается на изменения законодательства 2023-2026 годов, позиции Конституционного Суда РФ и Тематический обзор Верховного Суда РФ № 14/2026. Автор обосновывает ненадзорный характер контроля за расходами, который ведет сам прокурор, и предлагает закрепить его в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» как самостоятельное направление деятельности прокуратуры.
Ключевые слова: прокурорский надзор, контроль за расходами, противодействие коррупции, ненадзорные функции прокуратуры, обращение имущества в доход Российской Федерации, антикоррупционный иск.

THE PROSECUTOR IN THE MECHANISM OF CONTROL OVER THE CONFORMITY OF OFFICIALS' EXPENDITURES WITH THEIR INCOME: SUPERVISORY AND OTHER POWERS

Zhevlakova Taisiya Valentinovna

Scientific adviser: Likhodaev Evgeniy Gennadievich

Abstract: the author examines the powers of the prosecutor under the Federal Law "On Control over the Conformity of Expenditures of Persons Holding Public Offices and Other Persons with Their Income" and related provisions of the Federal Law "On Combating Corruption". The powers are divided into supervisory, control-and-verification and claim powers by comparing their object, grounds and legal means. The analysis draws on the legislative amendments of 2023-2026, the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Thematic Review of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14/2026. The author substantiates the non-supervisory nature of expenditure control carried out by the prosecutor and proposes to establish it in the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" as an independent area of its activity.
Key words: prosecutorial supervision, expenditure control, anti-corruption, non-supervisory functions of the prosecutor's office, forfeiture of property to the Russian Federation, anti-corruption claim

В 2025 году суды по искам прокуроров обратили в доход государства 2000 объектов недвижимости и другого имущества коррупционеров общей стоимостью 1,5 трлн руб. [1]. Одно из правовых оснований таких требований заложил Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее - Закон № 230-ФЗ) [2]. Закон сопоставляет расходы должностного лица с общим доходом этого лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей за три года, предшествующих отчетному периоду (ч. 1 ст. 3). Если лицо не подтвердило законность приобретения имущества, прокурор требует в суде обратить это имущество в доход Российской Федерации.

С 1 января 2026 года роль этого механизма выросла. Федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ изменил модель декларирования [3]. Лица, замещающие должности, указанные в статье 8 Федерального закона «О противодействии коррупции», теперь представляют сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера при наступлении названных в законе обстоятельств. Одно из них - возникновение оснований для представления сведений о расходах по Закону № 230-ФЗ (подп. «б» п. 4 ч. 1 ст. 8) [4]. Закон № 505-ФЗ также распространил контроль за расходами на руководителей государственных и муниципальных учреждений (подп. «п» п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона № 230-ФЗ). Федеральный закон от 25.04.2026 № 105-ФЗ с 1 сентября 2026 года уточнил пределы контроля. Сделки, совершенные до назначения лица на должность, контролю не подлежат, а полученное по ним имущество нельзя обратить в доход Российской Федерации по Закону № 230-ФЗ (ч. 4, 5 ст. 3).

Рост значения контроля за расходами обостряет вопрос, на который доктрина пока не дала единого ответа: в каком качестве в нем участвует прокурор. Закон № 230-ФЗ наделяет прокурора разнородными полномочиями, а Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [5] не выделяет контроль за расходами среди направлений деятельности прокуратуры. А.Р. Нигматуллин и Д.А. Печенов, ссылаясь на мнение ряда исследователей, называют такой контроль одной из основных функций прокуроров и уточняют в скобках: «направлений надзора» [6, с. 436]. И.Ю. Мурашкин, напротив, выводит участие прокурора в контроле расходов за пределы прокурорского надзора [7, с. 123]. Цель статьи - разграничить надзорные и иные полномочия прокурора в механизме контроля за расходами и определить место каждой группы в системе функций прокуратуры.

Закон № 230-ФЗ отводит прокурору несколько ролей. По решению Президента РФ, Председателя Правительства РФ либо должностного лица, определяемого Президентом РФ, Генеральный прокурор РФ или подчиненные ему прокуроры вправе осуществлять контроль за расходами лица, замещающего должность (ч. 1 ст. 12). Если лицо уже уволено или освобождено от должности, решение о контроле принимают Генеральный прокурор РФ или подчиненные ему прокуроры (ч. 7 ст. 5). Основанием служат материалы, которые лицо, принявшее решение о контроле, направляет в прокуратуру в тридцатидневный срок после увольнения (ч. 1.1 ст. 4, ч. 6 ст. 16). Такой контроль прокурор ведет в течение шести месяцев со дня увольнения (ч. 3 ст. 12). Получив материалы о несоответствии расходов лица его доходам, прокурор в течение четырех месяцев рассматривает их и обращается в суд с заявлением об обращении имущества в доход Российской Федерации (ч. 1 ст. 17). С таким же заявлением он выходит в суд по итогам собственного контроля (ч. 2 ст. 17).

Сходные конструкции содержит Федеральный закон «О противодействии коррупции» [4]. Если лицо уволено до завершения проверки сведений о доходах, прокурор сам проверяет законность получения денежных средств, поступивших на его счета (ст. 8.2). Сумму, эквивалентную неподтвержденной части, он требует взыскать в доход Российской Федерации в судебном порядке. Статья 13.5 появилась в законе в 2023 году (Федеральный закон от 13.06.2023 № 258-ФЗ). Она позволяет прокурору провести собственную проверку соблюдения антикоррупционных требований, если лицо уволилось до окончания проверки по месту службы, и требовать в суде изменить основание и формулировку увольнения.

Ведомственное регулирование отражает ту же разнородность. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» [8] признал утратившими силу прежние акты, в том числе приказ от 14.04.2015 № 179 о реализации прокурорами полномочий по Закону № 230-ФЗ. Уже в названии новый документ разводит надзор и иные полномочия. И.Ю. Мурашкин

видит в этом подтверждение того, что в сфере противодействия коррупции прокуроры реализуют не только надзорные полномочия [7, с. 122].

Чтобы провести границу между надзором и иными полномочиями, сопоставим права и обязанности прокурора по Закону № 230-ФЗ с признаками надзора, закрепленными в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Предмет надзора составляет исполнение законов государственными органами и органами местного самоуправления, органами управления и руководителями организаций, их должностными лицами (п. 1 ст. 21). Проверку прокурор проводит, если получил информацию о нарушении закона и не может подтвердить или опровергнуть ее без проверки (п. 2 ст. 21). Органы прокуратуры при этом не подменяют иные государственные органы, а срок проверки по общему правилу не превышает 30 календарных дней (п. 2, 4 ст. 21).

Контроль за расходами отличается от надзора по каждому из этих признаков. Прокурор исследует не деятельность органа, а имущественное положение конкретного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Контроль начинается по решению Президента РФ, Председателя Правительства РФ или уполномоченного должностного лица либо после поступления материалов, а не по сигналу о нарушении закона. Показательно, что А.Р. Нигматуллин и Д.А. Печенов сами приводят мнение Ю.Е. и А.Ю. Винокуровых на этот счет. По их оценке, Закон № 230-ФЗ заложил «не информирование прокурора о факте», а «буквальное со стороны конкретных лиц поручение ему провести проверку». Такое основание «не вписывается в традиционные рамки оснований осуществления надзорной деятельности» [6, с. 437]. Сроки контроля и права проверяемого лица, включая право на пояснения и беседу с прокурором, устанавливает Закон № 230-ФЗ (ч. 3 ст. 7, ч. 4 ст. 9, ч. 3 ст. 12), а не статья 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Правовые средства прокурора здесь совпадают с инструментами подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений: он истребует сведения, проводит беседу, направляет запросы, наводит справки (ст. 11, ч. 4, 5 ст. 12). Закон дополнительно разрешает Генеральному прокурору РФ, его заместителям и прокурорам субъектов РФ запрашивать информацию у кредитных организаций (ч. 5.1 ст. 12). После увольнения служащего подразделение по профилактике докладывает о невозможности завершить контроль, а материалы получает прокурор, который сам принимает решение о контроле (ч. 5, 6 ст. 16, ч. 7 ст. 5). Тем самым закон допускает исключение из правила, по которому органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. И.Ю. Мурашкин точно описал этот эффект: прокурор «интегрирован» в структуру органов, которые реализуют контрольные полномочия. Предметом его деятельности в этом случае автор считает исполнение должностным лицом антикоррупционных обязанностей, а не исполнение законов поднадзорными органами [7, с. 123].

Изложенное позволяет отнести полномочия прокурора по осуществлению контроля за расходами к ненадзорной деятельности прокуратуры, то есть к «иным функциям», которые упоминает пункт 1 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Ту же природу имеют проверки, которые прокурор проводит по статьям 8.2 и 13.5 Федерального закона «О противодействии коррупции».

Распространять этот вывод на все полномочия прокурора в данной сфере нельзя. Приказ № 581 обязывает прокуроров в ходе надзорных проверок оценивать, как уполномоченные органы и должностные лица исполняют обязанности по Закону № 230-ФЗ (п. 2.8). Получив материалы контроля, прокурор оценивает, соблюдены ли порядок и срок их направления, а при нарушении принимает меры прокурорского реагирования и ставит вопрос об ответственности виновных (п. 2.9). Объект здесь классический: деятельность органа и его должностных лиц. Средства тоже надзорные. На практике прокуроры, в частности, выявляют неполноту перечней должностей, при замещении которых служащие обязаны представлять сведения о доходах, и добиваются их исправления [6, с. 439-440]. Это прокурорский надзор за исполнением законов в собственном смысле.

Третью группу образуют исковые полномочия. Прокурор обращается в суд с заявлением об обращении имущества в доход Российской Федерации (ст. 17 Закона № 230-ФЗ), о взыскании денежной суммы (ст. 8.2 Федерального закона «О противодействии коррупции») и об изменении основания увольнения (ст. 13.5 того же закона). Формально прокурор реализует эти полномочия, участвуя в рас-

смотрении дел судами (п. 3 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). По содержанию иск служит здесь способом применить к лицу меру публичного принуждения. Конституционный Суд РФ еще в 2016 году назвал обращение имущества в доход государства «особой мерой государственного принуждения, применяемой в случае нарушения лицами, выполняющими публичные функции, антикоррупционного законодательства» [9]. В.С. Сбитнев с учетом формирующейся судебной практики квалифицирует эту меру как публично-правовую ответственность [10, с. 26]. И.И. Головко характеризует деятельность прокурора по таким делам как преследование в гражданском процессуальном порядке и подчеркивает ее публичный обвинительный характер [11, с. 99].

Практика 2024-2026 годов подтверждает публичную природу этих требований. Конституционный Суд РФ в постановлении от 31.10.2024 № 49-П признал: срок, ограничивающий возможность подачи прокурором такого иска, в действующем регулировании «считается неустановленным» [12]. Верховный Суд РФ закрепил эту позицию в Тематическом обзоре № 14/2026 (п. 25) и сделал следующий шаг: суд не принимает отказ прокурора от иска, если отказ противоречит публичным интересам и затрагивает конституционные ценности (п. 27) [13]. Значит, антикоррупционным иском прокурор не распоряжается так же свободно, как обычный истец. Вместе с тем Обзор называет обстоятельства, которые доказывает прокурор: принадлежность имущества ответчику, приобретение его в отчетном периоде и превышение его стоимости над совокупным доходом за три предшествующих года (п. 19). Ответчик же должен подтвердить законное происхождение средств, иначе суд обращает имущество в доход государства (п. 20).

Различия трех групп полномочий обобщим в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Полномочия прокурора в механизме контроля за расходами

Признак	Надзорные полномочия	Контрольно-проверочные полномочия	Исковые полномочия
Правовая основа	ст. 21-25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»; п. 2.8, 2.9 приказа № 581	ч. 7 ст. 5, ст. 12 Закона № 230-ФЗ; ст. 8.2, 13.5 Федерального закона «О противодействии коррупции»	ст. 17 Закона № 230-ФЗ; подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ; ст. 8.2, 13.5 Федерального закона «О противодействии коррупции»; ч. 1 ст. 45 ГПК РФ
Объект	Исполнение Закона № 230-ФЗ органами и должностными лицами, ответственными за профилактику коррупционных и иных правонарушений	Имущественное положение лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей; соблюдение лицом антикоррупционных требований	Имущество, законность приобретения которого не подтверждена; основание и формулировка увольнения
Основание	Информация о нарушении закона; поступление материалов с нарушением порядка или срока	Решение Президента РФ, Председателя Правительства РФ или уполномоченного лица; поступление материалов после увольнения лица	Материалы контроля за расходами и проверок
Правовые средства	Акты прокурорского реагирования	Истребование сведений, беседа, запросы, в том числе в кредитные организации, справки у физических лиц	Заявление в суд в порядке гражданского судопроизводства

Три группы полномочий связаны в единый цикл. Надзор обеспечивает своевременную передачу материалов в прокуратуру. Контроль, который ведет сам прокурор, позволяет собрать доказательства и после увольнения лица. Иск переводит результаты контроля в судебное решение. Приказ № 581 прямо связывает эти звенья: прокурор обращается в суд и тогда, когда выявил такое имущество в рамках надзорных полномочий, включая уголовно-процессуальные (п. 2.17).

Совмещение ролей ставит вопрос о гарантиях для проверяемого лица. Если контроль ведет подразделение по профилактике коррупционных и иных правонарушений, за законностью его действий надзирает прокурор. Когда же контроль ведет сам прокурор, внешнего надзорного звена нет, и законность его действий обеспечивают вышестоящий прокурор и суд. Поэтому особое значение получают процедурные права, которые дает лицу Закон № 230-ФЗ: уведомление о решении не позднее двух рабочих дней, право давать пояснения, представлять материалы и требовать беседы с прокурором (ч. 3 ст. 7, ч. 4 ст. 9). Итоговую оценку результатов контроля дает суд, перед которым прокурор доказывает обстоятельства, названные в пункте 19 Обзора № 14/2026.

А.М. Цирин и В.В. Севальнев еще в 2019 году назвали наделение прокуроров полномочиями по контролю за расходами современным трендом развития антикоррупционного законодательства [14, с. 158]. Авторы предлагали сопрячь программно-аналитический модуль, выявляющий несоответствие расходов доходам, с базой данных Генеральной прокуратуры РФ. Тогда прокуроры смогли бы инициировать контроль за расходами вне зависимости от субъективного фактора [14, с. 159]. Закон № 505-ФЗ превратил основания для представления сведений о расходах в повод для декларирования доходов. Поэтому можно ожидать, что материалов по частям 3 и 6 статьи 16 Закона № 230-ФЗ станет больше, а вместе с ними вырастет доля контрольной работы прокурора.

Место контроля за расходами среди ненадзорных функций прокуратуры доктрина определила пока лишь в общих чертах. А.В. Юрковский и П.В. Никонов, исследуя ненадзорные полномочия прокуратуры в сфере профилактики коррупции, подробно анализируют правовой мониторинг, антикоррупционную экспертизу и координационную деятельность [15, с. 76-77]. Контроль за расходами остается за рамками их работы. И.Ю. Мурашкин предлагает дополнить пункт 2 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» указанием на противодействие коррупции и ввести в закон отдельный раздел о деятельности прокурора в этой сфере [7, с. 124].

Идея законодательного закрепления заслуживает поддержки, но требует более точной формулировки. Пункт 2 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» целесообразно дополнить абзацем: «контроль за соответствием расходов отдельных категорий лиц их доходам, проверку законности получения денежных средств и проверку соблюдения требований, установленных в целях противодействия коррупции, в случаях и порядке, установленных федеральными законами». Такая норма прямо назовет контрольную функцию прокуратуры и отделит ее от надзора. Она также снимет сомнения в соотношении этой функции с пунктом 2 статьи 21, по которому органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. Надзор за органами, которые осуществляют контроль за расходами, при этом останется частью надзора за исполнением законов.

Прокурор в механизме контроля за расходами действует в трех качествах. В роли органа надзора он проверяет, как органы и их должностные лица исполняют Закон № 230-ФЗ. Субъектом контроля он становится, когда сам исследует имущественное положение лица, прежде всего после его увольнения. Наконец, в суде прокурор добивается обращения имущества в доход Российской Федерации, и позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ 2024-2026 годов подчеркивают публичный характер этих требований. К прокурорскому надзору в собственном смысле относится только первая группа полномочий. Вторая образует самостоятельную ненадзорную функцию, значение которой после вступления в силу Закона № 505-ФЗ, по всей видимости, вырастет. Третью прокурор реализует, участвуя в гражданском судопроизводстве. Контрольную функцию целесообразно прямо закрепить в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации».

Список источников

1. Суды взыскали с коррупционеров имущество на 1,5 трлн руб. за год [Электронный ресурс] // Право.ru. – 2026. – 19 марта. – Режим доступа: URL: https://pravo.ru/news/262879/ (04.10.2026)
2. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50 (ч. 4). – Ст. 6953.
3. Федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
6. Нигматуллин А. Р., Печенов Д. А. Реализация органами прокуратуры функции контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 39. – С. 434-445.
7. Мурашкин И. Ю. Противодействие коррупции как многофункциональная деятельность органов прокуратуры // Криминалистъ. – 2023. – № 3 (44). – С. 119-125.
8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона „О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам“ в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Сбитнев В. С. Обращение имущества в доход государства как особая мера ответственности: применение к специальным субъектам // Lex russica. – 2026. – Т. 79, № 8. – С. 26-36.
11. Головко, И. И. Прокурор - субъект преследования в гражданском процессуальном порядке / И. И. Головко // Уголовная юстиция. – 2020. – № 16. – С. 98-106. – DOI 10.17223/23088451/16/20. – EDN CUVGMM.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 14/2026 «О рассмотрении судами дел, связанных с применением законодательства о противодействии коррупции и обращением в доход Российской Федерации имущества, приобретенного в результате нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции» (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 01.07.2026 № 17А/2026) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/all/36134/ (04.10.2026)
14. Цирин А. М., Севальнев В. В. Порядок осуществления контроля за расходами отдельных категорий лиц: проблемы и пути решения // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 152-161.
15. Юрковский, А. В. Деятельность прокуратуры в сфере профилактики коррупции (на примере реализации отдельных ненадзорных полномочий) / А. В. Юрковский, П. В. Никонов // Искусство правоведения. – 2026. – № 1(17). – С. 74-81. – EDN NKSYIT.

© Т.В. Жевлакова, 2026

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДОВ OSINT И SOCINT В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ДЖИРИКОВ МАГОМЕД ЮНУСОВИЧ
магистрант
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Смушкин Александр Борисович
доцент, к.ю.н., доцент кафедры криминалистики
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы использования разведки по открытым источникам (OSINT) и социальным сетям (SOCINT) при расследовании уголовных дел. Автор исследует границы правомерности сбора цифровой информации, риски нарушения конституционных прав граждан и условия, при которых полученные материалы могут признаваться допустимыми доказательствами. В работе сформулированы предложения по совершенствованию процедуры фиксации результатов SOCINT в уголовном процессе.
Ключевые слова: OSINT, SOCINT, социальные сети, криминалистика, разведка по открытым источникам, электронные доказательства, уголовный процесс.

LEGAL ASPECTS AND FORENSIC POTENTIAL OF OSINT AND SOCINT METHODS IN CRIME INVESTIGATION

Dzhirikov Magomed Yunusovich

Scientific adviser: Smushkin Aleksandr Borisovich

Abstract: The article examines the practical issues of employing Open Source Intelligence (OSINT) and Social Media Intelligence (SOCINT) in crime investigation. The author analyzes the legal boundaries of data collection, potential risks to constitutional privacy rights, and the standards for admissibility of electronic evidence. Recommendations for improving the procedural registration of SOCINT findings in criminal proceedings are provided.
Keywords: OSINT, SOCINT, social media, forensics, open source intelligence, electronic evidence, criminal procedure.

Смещение преступности в цифровую среду ставит перед следствием задачи, к которым традиционные методики не всегда готовы. По данным Захаровой и Шкатулова, со ссылкой на статистику ГИАЦ МВД России, доля преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) достигает 38%, а раскрываемость стабилизировалась на уровне около 25% [1, с. 68].

Это связано не только с тем, что преступники используют средства анонимизации, но и с инерцией криминалистической тактики, не успевающей адаптироваться к растущим объёмам сетевых данных.

Полагаем, что один из путей решения — внедрение в практику расследования методов разведки по открытым источникам (OSINT) и её специализированного направления — исследования социальных сетей (SOCINT).

В криминалистической науке под OSINT понимается система методических приёмов по поиску, извлечению и аналитической обработке сведений из общедоступных сегментов информационно-телекоммуникационной сети (Surface Web) [2, с. 48]. Что касается полузакрытых сегментов (Deep Web), не индексируемых поисковыми системами, — работа с ними требует иных методов и, как правило, отдельного правового основания, что выводит её за рамки классического OSINT.

В отличие от базового инструментария OSINT, направленного преимущественно на исследование технической инфраструктуры (анализ доменных имён, DNS-записей, сетевых логов и протоколов) [3, с. 292], метод SOCINT ориентирован на установление и анализ цифровых следов жизнедеятельности человека в социальных сетях — публичных профилях, публикациях, комментариях, геометках.

SOCINT помогает решать ряд тактических задач: реконструировать хронологию события по временным меткам и геолокации, устанавливать связи проверяемого лица, выявлять фиктивные учётные записи [3, с. 294]. Но на практике SOCINT-данные чаще собираются не в рамках следственных действий, а в ходе оперативно-розыскной деятельности (ФЗ № 144-ФЗ). Как отмечает И.В. Калинникова, OSINT встроен в систему ОРД как вспомогательный, но юридически чувствительный инструмент, и значимость собранных данных определяется не только их доступностью, но и корректной процессуальной фиксацией [5, с. 206]. Результаты ОРД затем легализуются в доказательства в порядке ст. 89 УПК РФ — и именно здесь возникает больше всего проблем с допустимостью.

Ключевой проблемой правоприменительной практики при реализации методов OSINT и SOCINT является обеспечение соблюдения конституционных гарантий прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также тайну переписки (ст. 23, 24 Конституции РФ).

Текущее уголовно-процессуальное законодательство не в полной мере отражает специфику работы с цифровой информацией. Как отмечают А.В. Константинов и Е.В. Поликарпова, в УПК РФ отсутствует специальный процессуальный порядок фиксации и изъятия сведений, полученных из открытых интернет-источников [4, с. 142]. В связи с этим правоприменитель вынужден адаптировать процедуры сбора сетевых данных к традиционным следственным действиям, в частности к осмотру предметов и документов (ст. 176, 177 УПК РФ). Показательна в этом отношении позиция Конституционного Суда РФ, который в определениях от 25.01.2018 № 189-О и от 17.07.2018 № 1955-О подтвердил законность осмотра мобильного телефона и изучения содержащейся в нём переписки без судебного постановления, квалифицируя её как «иной документ» по смыслу ст. 84 УПК РФ. Сложилась парадоксальная ситуация: конституционная гарантия тайны переписки фактически не распространяется на мессенджеры — наиболее распространённый сегодня способ коммуникации. Это нередко влечёт сомнения в допустимости полученных доказательств в судебном разбирательстве.

Здесь важно разграничить, какие действия правомерны, а какие — нет. Анализ общедоступных профилей и публичных страниц не требует судебного решения, поскольку информация размещена правообладателем в открытом доступе. Но проникновение в закрытые группы или чаты через фиктивные аккаунты, парсинг или социальную инженерию может выйти за рамки правомерного сбора. При этом нарушение пользовательских соглашений сайта само по себе не образует состав ст. 272 УК РФ — для этого нужен неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации с её модификацией, блокированием или копированием. Применение ст. 137 УК РФ зависит от того, составляют ли полученные сведения личную или семейную тайну и совершены ли действия против воли потерпевшего. Материалы, полученные с нарушением установленного порядка, признаются недопустимыми доказательствами на основании ст. 75 УПК РФ.

OSINT и SOCINT заметно повышают эффективность расследования киберпреступлений, но правовой статус получаемых данных остаётся неопределённым. Для решения этой проблемы предлагаем:

1. Дополнить ст. 176 УПК РФ положением о новом виде следственного осмотра — осмотре сетевых информационных ресурсов, регламентирующем порядок фиксации информации из сети Интернет. Следственное действие должно включать обязательное изъятие метаданных, расчёт хэш-сумм зафик-

сированных страниц, фиксацию URL-адресов и IP-адресов, а также обязательное участие специалиста в области информационных технологий.

2. Сформировать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам оценки допустимости электронных доказательств, предусмотрев следующие критерии разграничения публично доступных сведений и информации, составляющей охраняемую законом тайну: наличие технических ограничений доступа к странице (закрытый профиль, приватный чат); наличие согласия пользователя на распространение сведений; способ получения данных (добровольное размещение, парсинг, обход защиты).

Проведённый анализ показывает, что OSINT и SOCINT уже стали неотъемлемой частью расследования преступлений, совершаемых в цифровой среде. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не успевает за развитием этих методов. Отсутствие специальной процедуры фиксации сетевых данных, нечёткие критерии разграничения открытой и охраняемой информации, пробелы в регулировании электронных доказательств — всё это создаёт риск признания собранных материалов недопустимыми.

Список источников

1. Захарова В.О., Шкатулов К.О. О проблемах в ходе обнаружения, изъятия, использования цифровых следов в следственной деятельности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 1 (35). С. 68–74.

2. Шурухнов Н.Г. Информационная система в арсенале розыскной (поисковой) деятельности субъектов раскрытия и расследования преступлений прошлых лет: объекты, средства, приемы, технологии (по материалам зарубежных изданий) // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 46–53.

3. Шубина К.С. Использование технологии OSINT для сбора криминалистически значимой информации // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах. Казань, 2024. С. 287–298.

4. Константинов А.В., Поликарпова Е.В. Допустимость электронных доказательств, полученных в результате поисково-познавательной деятельности в сети Интернет // Экономика. Право. Общество. 2025. Т. 10, № 4 (44). С. 141–145.

5. Калинникова И.В. Использование средств OSINT в оперативно-розыскной деятельности: возможности и правовые ограничения // Цифровизация уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности: современное состояние и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 203–212.

© М. Ю. Джириков, 2026

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.7

НЕЙРОТЕХНОЛОГИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

СТАРИКОВА МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА
старший преподаватель
ФГАОУ ВО Сибирский федеральный университет,
Юридический институт

Аннотация: В статье рассматриваются правовые аспекты использования нейротехнологий, в частности интерфейсов «мозг-компьютер» (BCI), и их влияние на сферу прав человека. Обосновывается вывод о том, что развитие нейротехнологий создает не только новые возможности для диагностики и реабилитации пациентов, но и порождает серьезные риски, связанные с утечкой конфиденциальных данных, несанкционированным доступом к нейронной активности и внешним контролем над сознанием человека.
Ключевые слова: Нейротехнологии, нейроданные, интерфейс «мозг-компьютер», нейровизуализация.

NEUROTECHNOLOGY: LEGAL ASPECTS

Starikova Maria Konstantinovna

Abstract: The article examines the legal aspects of the use of neurotechnologies, particularly brain-computer interfaces (BCIs), and their impact on human rights. It concludes that the development of neurotechnologies not only creates new opportunities for patient diagnosis and rehabilitation, but also poses serious risks related to the leakage of confidential data, unauthorized access to neural activity, and external control over human consciousness.
Key words: Neurotechnology, neurodata, brain-computer interface, neuroimaging.

Для визуализации головного мозга с целью использования метода нейровизуализации использовались различные методы исследований, такие как магнитно-резонансная томография (МРТ), компьютерная томография (КТ), позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ), электроэнцефалография (ЭЭГ) для комплексного понимания функционирования человеческого мозга и выявления нейронных коррелятов сознания, то есть психического состояния.

Использование данных методов для визуализации головного мозга, а также и других методов позволяют улучшить состояние здоровья больных пациентов, которые испытывают различные функциональные расстройства, в том числе и неврологические заболевания [2, 1373]. Данные методы предназначены для выявления и диагностики заболеваний, тем самым направлены на профилактику развития хронических заболеваний.

Однако, такие приложения нейротехнологий могут вызывать правовой интерес в различных юридических сферах, таких как конституционное право, уголовное право.

Кроме того, такие нейротехнологии, при некорректном применении или недопустимом внедрении, могут создать беспрецедентные формы вторжения в частную жизнь людей, тем самым причиняя физический, моральный или же психологический вред, тем самым могут оказывать чрезмерное влияние на поведение людей.

В этой статье автор показывает, что возможности, открывающиеся благодаря нейротехнологическим разработкам и их применению в различных аспектах человеческой жизни, приведут к переосмыслению некоторых прав человека или даже к созданию новых прав для защиты людей от потенциального вреда [3,98].

Так, в рассматриваемой статье анализируют новые перспективы, а также и возможные проблемы

использования нейротехнологий, которые в будущем могут способствовать их пересмотру, с точки зрения этики и правового положения. С целью подробного изучения взаимосвязи нейронауки и прав человека следует выделить такие новые права, которые в ближайшее время станут актуальными и требуют дальнейшего исследования, это прежде всего право на когнитивную свободу, право на неприкосновенность психического здоровья, право на психическую неприкосновенность и право на психологическую непрерывность.

С развитием нейротехнологий и нейробиологии данная ситуация стала постепенно меняться, что позволило ученым получить в дальнейших исследованиях информацию между поведением, совершаемыми поступками, и их связью с сознанием и работой мозга.

Революция в нейротехнологиях началась в 1875 году, когда английский физиолог Ричард Кантон впервые зарегистрировал электрическую активность мозга животных. Так, 4 августа 1875 года на 43-й ежегодной конференции Британской медицинской ассоциации Р. Катон выступил с докладом, в котором отметил, что ему впервые удалось исследовать открытый живой мозг с помощью гальванометра, а также удалось зарегистрировать электрические импульсы.

Такое исследование представляло собой проведение электроэнцефалограммы (ЭЭГ), которая показывала изменения импульсов в состояниях сна и бодрствования, а также различные реакции на слуховую и соматосенсорную стимуляцию.

Кроме того, 6 июля 1924 года, спустя сорок шесть лет немецкий физиолог и психиатр Ганс Бергер впервые провел и зафиксировал электроэнцефалограмма (ЭЭГ) на мозге человека. Такое исследование, стало настоящим прорывом в медицине, поскольку позволило изменить существующую медицинскую науку. Тем самым, впервые позволив увидеть работу человеческого мозга прямо в процессе, посредством полученной динамической картины электрической активности.

В 1990-е годы, методы нейровизуализации стали активно внедряться в науку и даже получили такое название, как десятилетие мозга». На сегодняшний день мы имеем широкий доступ к таких технологиям нейровизуализации, которые применяются как в медицинских учреждениях, так и далеко за их пределами, в коммерческой сфере.

Так, например, метод ЭЭГ (электроэнцефалография) часто используется для неинвазивного измерения электрической активности мозга и обнаружения колебаний напряжения. Кроме того, производное исследование от метода ЭЭГ, такое как вызванные потенциалы (ВП), применяется при параметров проведения сигналов от зоны самой стимуляции к специальным структурам головного мозга, которые участвуют в обработке такого сигнала, что делает возможным усреднять ответы ЭЭГ на предъявление и обработку стимулов, позволяя регистрировать различные сигналы мозга во время выполнения определенных сенсорных, когнитивных или моторных процессов.

Втором методом является магнитно-резонансная томография (МРТ), которая позволяет с помощью магнитного поля и радиоволн получать детализированные изображения внутренних структур черепа. МРТ отслеживает изменения мозгового кровотока, при этом напрямую не измеряет активность самих нейронов. Из-за того, что кровь приливает к активно работающим участкам мозга, МРТ позволяет рассмотреть на изображениях, те зоны мозга, которые отвечают за выполнение поставленной задачи. То есть, на исследованиях можно увидеть места активности, то есть локализацию, данных процессов.

Подводя итог вышесказанному, авторы статьи считают, что многофункциональное использование этих методов направлены для визуального представления внутренних структур человеческого мозга. Методы нейровизуализации прежде всего разрабатывались для применения в клинической медицине и нейробиологических исследованиях и на сегодняшний день активно в них используются [4, 2-4].

Тем не менее, в последние годы на рынок вышло множество нейротехнологических приложений, созданных на основе искусственного интеллекта, которые позволяют получать данные о состоянии здоровья, а также могут давать различные рекомендации и позволяют контролировать общее самочувствие.

На сегодняшний день, интерфейсы Brain-Computer Interface «мозг-компьютер» (BCI) создают прямой канал связи между электрической активностью мозга и внешним устройством, например компьютером или роботизированным протезом. Так, BCI считывают активность мозга, преобразуют её в команды и передают на исполнительные устройства [5, 5-6].

Интерфейсы BCI представляют собой современную технологию, позволяющей мозгу взаимодействовать с внешними устройствами без необходимости использования классических органов управления, например при помощи руки или голоса.

Одним из таких интерфейсов в 2024 году был вживлён компанией Илона Маска Neuralink [1, 207]. Так, данная технология позволила абсолютно парализованному гражданину снова пользоваться компьютером, самостоятельно сидеть в Интернете, а также играть в различные видеоигры.

Процессы работы BCI можно разделить на несколько стадей:

1) Сбор данных представляет собой запись электрической активности мозга с помощью носимого шлема или имплантированных электродов;

2) Обработка сигнала происходит посредством специальных алгоритмов, которые позволяют выделить наиболее полезную информацию из всего потока данных;

3) Классификация намерений позволяет определить, то действие, какое желает выполнить пользователь;

4) Выполнение команды позволяет отправить сигнал на то устройство, которое совершает действие (например, движение протеза).

Таким образом, в процессе проведенного исследования, автор пришел к следующим выводам.

Внедрение данных технологий открывает перед людьми различные возможности применения во многих сферах деятельности, однако вместе с этим появляются также новые риски, которые могут быть связанны с личной безопасностью и конфиденциальностью данных.

Рассмотрим наиболее значимые риски. Прежде всего это риск потери конфиденциальных данных, поскольку эти системы позволяют обрабатывать и передавать данные пользователей, то возникает риск перехвата или подделки таких систем, третьими лицами, то есть хакерами.

Кроме того, с внедрением таких систем появляется возможность и внешнего контроля над мозгом данного пользователя, посредством взломанного интерфейса мобильного приложения, что является серьёзной угрозой, поскольку, хакеры могут модифицировать или подделать различные команды, которые передаются от мозга к данному устройству, которое например, отвечает за управление протезом или другим реабилитационным средством.

По мнению автора, в целях обеспечения безопасности, связанных с использованием технологии BCI, разработчикам таких технологий следует уже на текущий момент начинать применять следующие меры обеспечения безопасности:

1. Шифрование данных. Поскольку, такие данные, которые передаются между человеческим мозгом и устройством, должны быть строго засекречены, чтобы в случае полного перехвата или подделки, данную операцию по утечки данных, можно было пресечь.
2. Аутентификация пользователей. Введение многофакторной аутентификации поможет подтвердить, что к такой системе доступ возможен исключительно для прошедших авторизацию пользователей, то есть для самих владельцев устройств.
3. Систематическое обновление ПО. Возможность регулярного обновления встроенного программного обеспечения обеспечит надежную защиту и позволит поддерживать постоянный уровень защиты персонального компьютера.

Таким образом, можно сделать вывод, что Интерфейсы мозг-компьютер являются такой технологией, которая может иметь потенциал для изменения многих аспектов нашей жизни, от медицины до развлечений. Однако с ростом возможностей, также и возрастают риски, которые связанны прежде всего с личной безопасностью и конфиденциальностью данных. По мнению автора необходимо помнить, что формирование технологий BCI должно сопровождаться усиленными мерами по защите персональных данных, а также для предотвращения взлома и утечки данных. Только так возможно обеспечить безопасное и эффективное использование таких технологий, которые разработаны с целью улучшения качества жизни миллионов жителей по всей планете.

Список источников

1. Di Salvo, M. The protection of neural rights in the age of neurotechnologies and AI. The ethical challenge for law and neuroscience. Russian Journal of Economics and Law, 19(1). 2025. С. 202–233. (In Russ.). https://doi. org/10.21202/2782-2923.2025.1.202-233.

2. Кравец И.А., Романовский Г.Б. Когнитивная свобода, формирование нейроправ человека и взаимодействие нейробиологии и публичного права (теоретические, правовые и сравнительные аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 236–249. doi: 10.17223/15617793/509/26.

3. Алиев Д.М. Концепция целостности личности и нейроправа: обзор дискуссионных вопросов. – Московский журнал международного права. № 3. 2025. С. 92–101. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101.

4. Mu˜noz JM and Marinaro J´A (2023) Neurorights as reconceptualized human rights. Front. Polit. Sci. 5:1322922. doi: 10.3389/fpos.2023.1322922.

5. Левицкая О.С. Интерфейс мозг–компьютер: будущее в настоящем // ВЕСТНИК РГМУ, 2, 2016. VESTNIKRGMU.RU. С. 4-16.

© М.К. Старикова, 2026

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342

РАЗВИТИЕ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВИКТОРОВ ВАЛЕРИЙ ГЕРМАНОВИЧ
доцент кафедры экономики и права
ГУБАРЬ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
магистрант кафедры экономики и права
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье предпринята попытка провести комплексный теоретико-правовой анализ эволюции и современного состояния дефиниции «промышленная безопасность» в российской юридической науке и законодательстве. Проводится детальный анализ научно-теоретических подходов к пониманию сущности промышленной безопасности: легального, инженерно-технического, технико-юридического, политико-правового, риск-ориентированного (управленческого) и социально-ориентированного. Выявлены закономерности трансформации данного института под влиянием цифровизации, внедрения систем искусственного интеллекта и промышленного интернета вещей.
Ключевые слова: промышленная безопасность, опасный производственный объект, Ростехнадзор, риск-ориентированный подход, правовой режим, национальная безопасность.

DEVELOPMENT OF DOCTRINAL APPROACHES TO UNDERSTANDING THE NATURE OF INDUSTRIAL SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Viktorov Valery Germanovich,
Gubar Andrey Vladimirovich

Abstract: This article attempts a comprehensive theoretical and legal analysis of the evolution and current state of the definition of "industrial safety" within Russian legal scholarship and legislation. It presents a detailed analysis of the theoretical approaches to understanding the essence of industrial safety: legal, engineering-technical, technical-legal, political-legal, risk-oriented (managerial), and socially oriented. The study identifies patterns in the transformation of this concept driven by digitalization and the implementation of artificial intelligence systems and the Industrial Internet of Things.
Key words: industrial safety, hazardous production facility, Rostekhnadzor, risk-based approach, legal regime, national security.

Обеспечение промышленной безопасности в нынешних условиях долгосрочного развития Российской Федерации является одним из краеугольных требований национальной и экономической безопасности государства. Прямым следствием структурной адаптация промышленности РФ, к необходимости ускоренного импортозамещения, локализации, расширения производственных цепочек на территории страны и достижения цифровой и технологической самодостаточности, является рост интенсивности эксплуатации опасных производственных объектов (ОПО). Интеграция в производственные циклы передовых, с технической точки зрения, механизмов или цифровых систем, объективным образом повышает риск возникновения чрезвычайных ситуаций, инцидентов или аварий техногенного проис-

хождения. Последствия таких событий непосредственно затрагивают конституционные права граждан на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду.

Историко-правовой анализ демонстрирует, что современные институты технологического надзора сформировались в результате длительного развития отечественных государственно-правовых институтов. Изменение социально-экономического строя в связи с распадом СССР и переход к рыночной экономике естественным образом привели к разрушению прежней ведомственной системы контроля, а появление частных собственников-эксплуатантов опасных производственных объектов потребовало создания новой правовой реальности.

Существенное значение для формирования отечественной модели имела международно-правовая интеграция, в частности, ратификация Россией Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий.

Результатом реформирования советского законодательства в области промышленной безопасности стало принятие Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». Данный закон вывел промышленную безопасность из области исключительно трудовых и технических отношений, придал ей статус самостоятельного административно-правового режима и стратегического элемента национальной безопасности государства.

Анализ теоретического базиса, сформированного в трудах ученых, позволяет классифицировать существующие подходы к определению промышленной безопасности на шесть условных направлений.

1. Официальный (легальный) подход

Официальный подход опирается на буквальное трактование статьи 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ "О промышленной безопасности опасных производственных объектов", в соответствие с которой промышленная безопасность - это «состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий»[1].

Такое определение, данное законодателем, делает акцент на предупредительном характере государственного регулирования правоотношений в данной сфере, где основными объектами защиты являются фундаментальные ценности - в первую очередь жизнь и здоровье человека.

2. Инженерный(технический) подход.

В рамках данного подхода исследователи делают ключевой акцент на технологической базе производства. Промышленная безопасность рассматривается с точки зрения надежности и безаварийности оборудования.

3. Технико-юридический (комплексный) подход

Этот подход интегрирует правила технического регулирования промышленной безопасности и правые нормы в единую взаимосвязанную систему.

М. С. Аверин рассматривает это явление как технико-юридическое: «промышленная безопасность опасных производственных объектов представляет собой технико-юридическое явление — совокупность опосредованных опасными производственными объектами отношений, регулируемых системой юридических и технических норм в целях предотвращения, локализации и ликвидации условий и факторов, создающих потенциальную или реальную опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства»[2].

Такое определение промышленной безопасности наглядно показывает взаимосвязь между нарушением технических правил или инструкций (например, параметров давления природного газа в трубе или температуры воды в котлоагрегате) и наступлением за это нарушение юридической ответственности, в зависимости от последствий - вплоть до уголовной. Технические нарушения, умышленного или неумышленного характера, при эксплуатации опасного производственного объекта, являются правонарушением и влекут за собой соответствующую юридическую ответственность.

4. Политико-правовой (государственный) подход

В рамках этого подхода промышленная безопасность выводится на макроуровень, наряду с экономикой и обороноспособностью страны и позиционируется как неотъемлемая часть суверенитета и стабильности страны.

Н. Г. Кутьин характеризует её как «составную часть национальной безопасности и комплексный правовой институт, состояние защищенности от аварий и инцидентов на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий» [3]. В случае крупной техногенной катастрофы (например, разрушение ГЭС или взрыв на химическом предприятии) она признается не локальным ЧП, а прямой угрозой экономической, экологической и оборонной безопасности государства.

Такое определение промышленной безопасности напрямую перекликается с Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации", согласно которому, защищенность критической инфраструктуры напрямую влияет на государственный суверенитет.

Характеристика промышленной безопасности как «комплексного правового института» говорит о том, что промышленная безопасность регулируется стыком нескольких отраслей права:

- административное право (проверки Ростехнадзора, штрафы);
- трудовое право (охрана труда, обязанности работников);
- экологическое право (защита окружающей среды);
- уголовное право (ответственность за аварии);
- гражданское право (страхование ответственности владельцев ОПО).

5. Риск-ориентированный (управленческий) подход

Сторонники управленческого подхода предлагают отказаться от статического понимания безопасности как «состояния» и рассматривать её как динамический процесс непрерывного управления рисками.

О. А. Хоменко определяет безопасность объекта как его состояние, «при котором, с определенной долей вероятности, опасность не может реализоваться или проявиться в полной мере благодаря специально разработанным и выполняемым мероприятиям» [4]. Данная дефиниция признает существование неустранимого (остаточного) техногенного риска: ни один опасный производственный объект не может быть безопасным на 100%. Задача управления заключается в снижении математической вероятности катастрофы до приемлемого уровня и внедрении средств локализации, не позволяющих инциденту перерасти в катастрофу регионального, национального или межнационального масштаба.

Такое определение максимально близко к международным инженерным стандартам и современной концепции риск-ориентированного подхода, который сейчас активно внедряет Ростехнадзор. Государство постепенно переходит от периодической проверки всех объектов к логике постоянной оценки вероятности аварии на основе поступления данных в режиме реального времени и прогностической аналитики (использование статистических методов, машинного обучения и искусственного интеллекта для прогнозирования будущих событий или поведения объектов на основе исторической информации).

6. Социально-ориентированный (гуманистический) подход

Данное направление ставит во главу угла человека и общество, чьи интересы могут пострадать в процессе индустриального производства.

Н. В. Ковалева и А. А. Зозуля говорят о промышленной безопасности как «о защищенности комплекса индивидуальных и общественных интересов в процессе индустриального производства, мерах правового, организационного и материально-технического характера, направленных на достижение заданного уровня защищенности социальных интересов» [5].

Данное определение представляет собой социально-ориентированный подход к промышленной безопасности. В его центре стоит не само предприятие или оборудование, а человек и общество, чьи интересы страдают при техногенных авариях. Такой взгляд позволяет обосновать главную цель промышленной безопасности — гуманистическую, направленную на защиту жизни, здоровья и благополучия людей, а понятие «заданного уровня защищенности» отражает нормативно закрепленный компромисс между потребностями цивилизации в промышленности и математически просчитанным уровнем допустимого риска.

При наличии такого количества «альтернативных» дефиниций промышленной безопасности в противовес «легальному определению», необходимость нового этапа теоретико-правовых исследований в обозначенной предметной области не вызывает сомнений и подчеркивается многими учеными (Н. В. Ковалева, А. А. Зозуля, М. Б. Кабанова). Переосмысление учеными современного понимания промышленной безопасности определено тремя определяющими тенденциями:

1. Переориентация внимания с техники на человека и окружающую среду – во главу угла ставится приоритет защита человека и экологии над сохранением имущества и оборудования.
2. Внедрение риск-ориентированного подхода в государственное регулирование - переход от карательного регулирования в виде плановых или внеплановых проверок к контролю в режиме реального времени, на основании прогнозирования и моделирования рисков.
3. Размывание устоявшихся границ безопасности – взаимосвязь между разными видами безопасности - промышленной безопасности с экологической, экономической и кибербезопасностью становится настолько велика, что это приводит к тому, что происшествия на ОПО мгновенно оказывают влияние на социально-экономическую обстановку в целых регионах или федеральных округах.

Особенный научный и практический интерес эти вопросы приобретают в нынешнее переломное время, когда запущенные в форсированном порядке процессы глубокой цифровизации, внедрения технологий искусственного интеллекта, киберфизических систем и промышленного интернета вещей полностью меняют отработанную систему производственных процессов и цепочек.

Внедрение полуавтономных или полностью автономны систем в процесс управления опасными производственными объектами генерирует кардинально новые юридические риски:

1. Кратное увеличение риска несанкционированного доступа, повреждения или уничтожения критической информационной инфраструктуры управление опасными производственными объектами. Это требует внедрения кибербезопасности в структуру технологического надзора.
2. Открытый вопрос правового статуса искусственного интеллекта и беспилотных систем внедренных в структуру опасных производственных объектов.
3. Актуальный научно-правовой вопрос распределения рисков и вины за функциональные сбои и некорректную работу внедренных цифровых платформ между владельцами ОПО и разработчиками таких платформ.

На основании проведенного теоретико-правового анализа авторы сформулировали следующие выводы:

Во-первых, несмотря на наличие официального определения в ФЗ № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», научно-профессиональное сообщество рассматривает промышленную безопасность значительно шире, фиксируя отсутствие на данном этапе общепринятого и исчерпывающего определения, которое в полной мере отражает сущность данного явления.

Во-вторых, комплексное понимание промышленной безопасности включает в себя сочетание надежности инженерно-технической составляющей, полноты юридической ответственности, математического расчета допустимых рисков и приоритета защиты жизненно важных интересов человека и общества.

В-третьих, в условиях форсированной роботизации, цифровизации и внедрения передовых систем наблюдения и мониторинга, устоявшийся правовой режим технологического надзора в сфере промышленной безопасности объективно нуждается в обновлении и переходу к опережающему характеру развитии права. Регуляторная среда должна оперативно адаптироваться к вызовам цифровой реальности («Индустрии 4.0»), формируя новые правовые границы использования искусственного интеллекта на опасных объектах и модернизируя классические административно-правовые режимы. Обеспечение промышленной безопасности прочно вышло за рамки узкоспециальной инженерной задачи, приобретя статус одной из приоритетных задач государственного управления и национальной безопасности Российской Федерации.

Таким образом исследовав различные научные материалы, мы пришли к выводу, что промышленная безопасность — это состояние защищенности интересов личности, общества и государства, достигаемое в процессе управленческой деятельности посредством специальных правовых, технических и организационных мероприятий.

Список источников

1. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ "О промышленной безопасности опасных производственных объектов" // Собрание законодательства РФ. – 1997.- №30. - Ст. 3588.

2. Аверин М. С. Административный надзор в области промышленной безопасности в Российской Федерации: специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Аверин Михаил Сергеевич. Москва, 2015. 18 с.

3. Кутьин Н. Г., Капинус Н. И. Основные дефиниции Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 3. С. 96—100.

4. Хоменко О. А. Промышленная безопасность. Екатеринбург: УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. 284 с.

5. Ковалева Н. В., Зозуля А. А. ПРОМЫШЛЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ // Актуальные проблемы государства и права. 2022. №24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-bezopasnost-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii-teoretiko-pravovoy-analiz. (дата обращения: 04.07.2026)

6. Кабанова М. Б. «ПРОМЫШЛЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»: ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНА // КриминалистЪ. 2024. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-bezopasnost-yuridicheskoe-soderzhanie-termina.(дата обращения: 04.07.2026).

7. Лоцманов Е. А., Наконечный С. Н. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТАХ // Мировая наука. 2019. №7 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-promyshlennoy-bezopasnosti-na-opasnyh-proizvodstvennyh-obektah.(дата обращения: 07.07.2026).

8. Мартынов А. В. Организационные и правовые вопросы обеспечения промышленной безопасности в Российской Федерации органами федерального горного и промышленного надзора России : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Мартынов Алексей Владимирович. Нижний Новгород, 2002. 24 с.

9. Самсонова В. А., Шангин А. Е. Экономика и управление адаптивной системой промышленной безопасности // Дискуссия. 2024. №3 (124). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-i-upravlenie-adaptivnoy-sistemoy-promyshlennoy-bezopasnosti(дата обращения: 06.07.2026)

10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

References

1. Federal Law No. 116-FZ of July 21, 1997, "On Industrial Safety of Hazardous Production Facilities" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 30. – Art. 3588.

2. Averin M. S. Administrative Supervision in the Field of Industrial Safety in the Russian Federation: Specialty 12.00.14 "Administrative Law, Financial Law, Information Law": Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation / Averin Mikhail Sergeyevich. Moscow, 2015. 18 p.

3. Kutyin N. G., Kapinus N. I. Key Definitions of the Federal Law "On Industrial Safety of Hazardous Production Facilities" // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2012. No. 3. P. 96–100.

4. Khomenko O. A. Industrial Safety. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, 2018. 284 p.

5. Kovaleva N. V., Zozulya A. A. Industrial Safety under the Legislation of the Russian Federation: Theoretical and Legal Analysis // Current Problems of State and Law. 2022. No. 24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-bezopasnost-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii-teoretiko-pravovoy-analiz. (accessed: 04.07.2026)

6. Kabanova M. B. "Industrial Safety": Legal Content of the Term // Kriminalist. 2024. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-bezopasnost-yuridicheskoe-soderzhanie-termina (accessed: 04.07.2026).

7. Lotsmanov E. A., Nakonechny S. N. Ensuring Industrial Safety at Hazardous Production Facilities // World Science. 2019. No. 7 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-promyshlennoy-bezopasnosti-na-opasnyh-proizvodstvennyh-obektah (accessed: 07.07.2026).

8. Martynov A. V. Organizational and Legal Issues of Ensuring Industrial Safety in the Russian Federation by Federal Mining and Industrial Supervision Bodies of Russia : Specialty 12.00.14 "Administrative Law, Financial Law, Information Law" : Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation / Martynov Alexey Vladimirovich. Nizhny Novgorod, 2002. 24 p.

9. Samsonova V. A., Shangin A. E. Economics and Management of an Adaptive Industrial Safety System // Diskussiya. 2024. No. 3 (124). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-i-upravlenie-adaptivnoy-sistemoy-promyshlennoy-bezopasnosti (accessed: 06.07.2026)

10. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27 (Part II). – Art. 5351.

УДК 342.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

КУЗЬМИНА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА
магистрант
Московский финансово-юридический университет МФЮА
(Россия, г. Калининград)

Научный руководитель: Рузметов Сергей Атаханович
канд. юрид. наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА
(Россия, г. Калининград)

Аннотация: в статье рассматривается развитие правового регулирования государственного контроля (надзора) в Российской Федерации после принятия Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Основное внимание уделено риск-ориентированной модели, профилактике нарушений обязательных требований, обязательному профилактическому визиту, цифровизации контрольной деятельности и досудебному обжалованию. Показано, что развитие профилактических и цифровых инструментов одновременно снижает потребность в массовых проверках и ставит вопрос о достаточности процессуальных гарантий контролируемых лиц. Сформулированы предложения о более четком разграничении профилактических и контрольных процедур, повышении прозрачности риск-ориентированного подхода и нормативном уточнении последствий использования цифровых средств контроля.

Ключевые слова: государственный контроль, государственный надзор, обязательные требования, риск-ориентированный подход, профилактика нарушений, профилактический визит, контрольное мероприятие, цифровизация, досудебное обжалование, контролируемое лицо.

LEGAL REGULATION OF STATE CONTROL (SUPERVISION) IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

Kuzmina Aleksandra Alekseevna

Scientific adviser: Ruzmetov Sergey Atakhanovich

Abstract. The article examines the development of legal regulation of state control and supervision in the Russian Federation following the adoption of Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation”. The study focuses on the risk-based model, prevention of violations of mandatory requirements, mandatory preventive visits, digitalization of control activities and pre-trial appeals. Particular attention is paid to the changing relationship between preventive and control procedures and to procedural guarantees for controlled persons. Proposals are formulated to improve the

transparency of risk assessment and legal certainty in the use of digital control instruments.
Key words: state control, state supervision, mandatory requirements, risk-based approach, prevention of violations, preventive visit, control activity, digitalization, pre-trial appeal, controlled person.

Правовое регулирование государственного контроля (надзора) непосредственно связано с пределами допустимого вмешательства публичной власти в деятельность граждан и организаций. Конституция Российской Федерации закрепляет свободу экономической деятельности и одновременно гарантирует государственную и судебную защиту прав и свобод [1]. Для контрольной деятельности такое сочетание имеет вполне практический смысл: государство вправе требовать соблюдения обязательных требований, однако основания, процедура и пределы вмешательства должны быть заранее определены законом.

Базовым актом в рассматриваемой сфере остается Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [2]. Его принятие изменило саму конструкцию государственного контроля. Закон связывает его не только с выявлением и пресечением нарушений обязательных требований, но и с их предупреждением. В результате профилактика перестала быть вспомогательным элементом проверочной деятельности и получила самостоятельное место в системе контрольных процедур.

Примечательно, что законодатель использует единую категорию «государственный контроль (надзор)», не создавая в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ двух самостоятельных процедур для контроля и надзора. Теоретическое различие этих понятий, однако, сохраняется. В административно-правовой доктрине контроль обычно рассматривается шире и может включать оценку состояния объекта и корректировку выявленных отклонений, тогда как надзор традиционно связывается прежде всего с проверкой соблюдения установленных правил организационно не подчиненными субъектами. Для действующего правового режима определяющим оказался функциональный подход.

Такое решение представляется в целом оправданным. Для гражданина, индивидуального предпринимателя или организации юридическое значение имеет не название полномочия государственного органа само по себе, а основание вмешательства, допустимые действия инспектора, продолжительность мероприятия, порядок оформления результатов и способы защиты. Вместе с тем полное отождествление контроля и надзора в научном смысле было бы неточным. Сфера действия Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ имеет установленные законом границы, поэтому объединение терминов характеризует конкретный процедурный режим, а не отменяет различий между формами публичной деятельности.

С процедурным регулированием контроля тесно связан Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [3]. Если Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ определяет способы оценки соблюдения обязательных требований, то Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ устанавливает правила формирования самих требований. Связь здесь принципиальная. Контроль не может считаться юридически качественным, если адресат не способен установить, какое именно правило он обязан соблюдать, каким нормативным правовым актом оно установлено и распространяется ли оно на его деятельность.

Одним из центральных элементов реформы стал риск-ориентированный подход. Его смысл состоит в отказе от одинаковой интенсивности государственного вмешательства в отношении объектов с принципиально различным уровнем потенциальной опасности. Категории риска и индикаторы риска позволяют концентрировать ресурсы контрольных органов там, где вероятность причинения вреда выше. На первый взгляд конструкция выглядит почти технической, однако ее юридические последствия весьма существенны: от присвоенной категории риска зависит интенсивность контакта контролируемого лица с государством.

Именно поэтому риск-ориентированный подход нельзя считать автоматически объективным только потому, что он основан на формализованных критериях. Категория риска формируется с использованием сведений об объекте, а ошибка в исходных данных или их несвоевременное обновление

способна привести к необоснованному усилению контроля. По нашему мнению, дальнейшее развитие такой модели должно быть связано не столько с увеличением числа индикаторов, сколько с прозрачностью их применения. Контролируемому лицу необходимо понимать, какие сведения повлияли на категорию риска и как они соотнесены с установленными критериями.

Заметное место в реформе заняла профилактика нарушений. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 540-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации"» продолжил развитие профилактической модели и изменил ряд положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ [4]. Практическая логика понятна: предупредить нарушение и снизить вероятность вреда во многих случаях рациональнее, чем фиксировать уже совершенное нарушение и затем применять меры государственного принуждения.

При этом именно профилактический блок обнаруживает одну из наиболее интересных проблем действующего регулирования. Обязательный профилактический визит по своему названию относится к профилактике, однако характер отдельных полномочий инспектора сближает его с контрольной процедурой. Контролируемое лицо не вправе отказаться от такого визита; законодатель допускает проведение предусмотренных законом действий, связанных с получением информации о соблюдении обязательных требований. В результате граница между профилактикой и проверкой становится менее очевидной.

Постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2025 г. № 1511 «О периодичности проведения обязательных профилактических визитов в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля» закрепило периодичность таких визитов в зависимости от категории риска [5]. Само появление единой периодичности подтверждает, что обязательный профилактический визит встроен в риск-ориентированную систему и уже не может рассматриваться исключительно как консультационная форма взаимодействия.

На наш взгляд, разграничение профилактических и контрольных процедур целесообразно проводить прежде всего по фактическому содержанию полномочий инспектора. Если взаимодействие ограничено информированием, консультированием и разъяснением способов соблюдения обязательных требований, профилактическая природа процедуры очевидна. Когда же участие контролируемого лица обязательно, а инспектор получает полномочия, непосредственно затрагивающие деятельность объекта, необходим сопоставимый уровень процессуальных гарантий. Формальное название процедуры в такой ситуации не должно определять объем защиты.

Другим важным направлением стала цифровизация контрольной деятельности. Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий превратился из инструмента учета в существенный элемент процедуры. Правила его формирования и ведения установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2021 г. № 604 «Об утверждении Правил формирования и ведения единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 415» [6]. Реестровая модель повышает прослеживаемость действий контрольного органа и позволяет контролируемому лицу проверять сведения о мероприятии.

Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 567-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации"» продолжил цифровую перестройку контрольных процедур [7]. Юридически значимые сведения все теснее связываются с государственными информационными системами. Что немаловажно, при такой модели техническая ошибка перестает быть только неудобством документооборота: некорректная запись, сбой либо несвоевременное обновление сведений способны затронуть права контролируемого лица.

Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2023 г. № 3745-р, также связывает дальнейшее развитие контроля с цифровыми сервисами, управлением рисками и дистанционными формами взаимодействия [8]. Вектор реформы поэтому вполне определен. Вопрос уже не в том, следует ли применять цифровые инструменты, а в том, какие юридические гарантии должны сопровождать их использование.

Представляется, что одной из таких гарантий должна стать проверяемость цифрового решения. Если категория риска, индикатор возможного нарушения или иное основание для вмешательства формируется с использованием сведений государственных информационных систем, контролируемое лицо должно иметь возможность установить происхождение юридически значимых данных и понять, по какому нормативному критерию они повлияли на решение органа. Речь не идет о раскрытии программного кода. Необходима возможность проверить фактическую и правовую основу вмешательства.

Цифровизация затронула и механизм защиты прав. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ предусматривает досудебное обжалование решений контрольных органов, действий и бездействия их должностных лиц [2]. Электронная форма упрощает подачу жалобы и позволяет систематизировать материалы спора, однако эффективность такого механизма нельзя оценивать лишь скоростью рассмотрения обращений. Существеннее качество мотивировки решений и способность административной процедуры исправлять повторяющиеся ошибки контрольных органов.

В этой связи полезным представляется регулярное опубликование обезличенных обзоров практики досудебного обжалования по отдельным видам контроля. В таких обзорах могли бы отражаться типичные основания отмены решений, нарушения порядка уведомления, ошибки при применении критериев риска и иные повторяющиеся дефекты. Подобная практика имела бы двойной эффект: контролируемые лица получали бы ориентир для защиты своих прав, а контрольные органы - материал для корректировки правоприменения.

Изменение модели государственного контроля нельзя оценивать только по числу проведенных проверок. Сокращение количества мероприятий само по себе еще не означает снижения риска причинения вреда. Не менее важно сопоставлять контрольную статистику с показателями фактических последствий в соответствующей сфере: аварийностью, травматизмом, вредом здоровью, окружающей среде, имуществу и иным охраняемым законом ценностям. Иначе повышение точности отбора объектов может быть ошибочно принято за достижение конечной цели контроля.

В результате сформировалась более сложная система, чем традиционная модель периодических проверок. В ней сочетаются управление рисками, профилактические мероприятия, обязательные профилактические визиты, реестровый учет, дистанционное взаимодействие и досудебная защита. Расширение инструментария, однако, не снимает вопрос о пределах государственного вмешательства. Скорее наоборот: чем технологичнее и гибче становится контроль, тем точнее должны быть определены основания его применения и гарантии контролируемых лиц.

Наиболее заметна эта проблема на примере обязательного профилактического визита. Его современная конструкция показывает сближение профилактической и контрольной деятельности. Поэтому дальнейшая корректировка Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» должна, по нашему мнению, учитывать реальную интенсивность вмешательства, а не только формальную классификацию мероприятия.

Не менее важна прозрачность риск-ориентированной модели. Категория риска и срабатывание индикатора способны непосредственно влиять на вероятность и характер государственного вмешательства. Следовательно, контролируемое лицо должно располагать достаточной информацией для проверки исходных данных и правильности применения критериев. Цифровой сервис может облегчить такую проверку, но не заменить обязанность органа мотивировать решение, затрагивающее права адресата.

Правовая настройка цифровизации также остается незавершенной. По мере того, как Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий и иные информационные системы включаются в процедуру принятия решений, качество данных становится частью механизма законности. Представляется оправданным более подробно урегулировать последствия технических сбоев, порядок исправления ошибочных сведений и требования к использованию автоматически полученной информации при принятии решений о контроле.

Подводя итог проведенному анализу, основное направление развития законодательства видится не в увеличении числа контрольных инструментов, а в согласовании трех элементов: адресного управ-

ления рисками, профилактической направленности и процессуальных гарантий. Государственный контроль не должен возвращаться к модели массовых проверок, однако и само сокращение их количества не может выступать самостоятельной целью. Критерием качества остается способность системы предупреждать и минимизировать вред при сохранении понятной и проверяемой процедуры государственного вмешательства.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.
4. Федеральный закон от 28.12.2024 № 540-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8550.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.10.2025 № 1511 «О периодичности проведения обязательных профилактических визитов в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 41.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.04.2021 № 604 «Об утверждении Правил формирования и ведения единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 415» (ред. от 01.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 17. Ст. 2971.
7. Федеральный закон от 29.12.2025 № 567-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации"» // Российская газета. 2026. 12 января. № 1–2.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2023 № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года и плана-графика по ее реализации» (ред. от 17.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (ч. IV). Ст. 285.

© А.А. Кузьмина 2026

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.9

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

КОСТРЮКОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ
аспирант 3 курса
ассистент кафедры процессуального права
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
г.Ростов-на-Дону, Россия

АВАНЕСЯН АРТЁМ АРМЕНОВИЧ
студент 2 курса
Российского государственного университета правосудия,
г. Ростов-на-Дону,Россия

Научный руководитель: Федоренко Наталия Владимировна
д.с.н., к.ю.н., профессор кафедры, судья в отставке

Аннотация. В статье исследуется современное содержание принципа доступности правосудия применительно к гражданам, для которых судебная защита связана с повышенной финансовой нагрузкой. Основное внимание уделено разрыву между формально равным правом на обращение в суд и фактической способностью гражданина понести судебные расходы. Анализируются действующие механизмы освобождения от государственной пошлины, уменьшения её размера, отсрочки и рассрочки, а также возможности государственной системы бесплатной юридической помощи и цифровых сервисов. В качестве национальной проблемы выделяется недостаточная согласованность существующих механизмов преодоления экономического барьера. Авторами предлагается комплексная модель совершенствования, основанная на единых критериях оценки имущественного положения, раннем правовом информировании, межведомственном взаимодействии и сохранении нецифровых способов обращения за помощью

Ключевые слова: доступность правосудия; социально уязвимые категории населения; лица с инвалидностью; малообеспеченные граждане; бесплатная юридическая помощь; совершенствование законодательства.

ACCESS TO JUSTICE FOR SOCIALLY VULNERABLE GROUPS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVING LEGISLATION

Kostryukov Alexey Sergeevich,
Avanesyan Artem Armenovich

Scientific adviser: Fedorenko Natalia Vladimirovna

Abstract. The article examines the contemporary meaning of access to justice in relation to citizens for whom judicial protection entails a substantial financial burden. The analysis focuses on the gap between the formally equal right to apply to a court and a person's actual ability to bear litigation costs. Existing mechanisms for exemption, reduction, deferral and instalment payment of court fees are considered together with state-funded legal aid and digital services. The national problem is defined as insufficient coordination between the existing mechanisms designed to overcome economic barriers to judicial protection. The authors propose an integrated model based on uniform criteria for assessing financial circumstances, early legal information, inter-agency cooperation and the preservation of non-digital channels of access.
Keywords: accessibility of justice; socially vulnerable population groups; people with disabilities; low-income citizens; free legal aid; improvement of legislation.

Доступность правосудия в современном гражданском процессе следует оценивать не как формальную возможность направить заявление в суд, а как реальную достижимость судебной защиты для лица, чьи права нарушены или оспариваются. Конституционные гарантии судебной защиты и квалифицированной юридической помощи определяют общий смысл процессуального регулирования: процедура обращения в суд должна быть организована таким образом, чтобы установленные законом финансовые, организационные и технологические требования не становились фактическим препятствием для осуществления права на судебную защиту[4, с.5]. Такое понимание согласуется и с современным исследованием системы принципов гражданского процессуального права, в рамках которого принципы рассматриваются как исходные начала, определяющие устройство и развитие процессуальной деятельности. [3,с16]

Вместе с тем применительно к современному судопроизводству данная идея не должна пониматься как требование максимального упрощения процесса независимо от его последствий. Доступность правосудия предполагает прежде всего соразмерность требований, предъявляемых к участнику процесса, целям судебной деятельности. Когда общее процессуальное или финансовое требование вследствие объективных обстоятельств ставит конкретного гражданина в существенно менее благоприятное положение, система должна предусматривать механизм, способный компенсировать такое неравенство. В противном случае равенство права на обращение в суд сохраняется на нормативном уровне, но не обеспечивает равенства фактических возможностей.

Доступность тесно связана с другими началами гражданского судопроизводства, а именно с законностью, равенством, состязательностью, диспозитивностью и правом на судебную защиту. Поэтому её содержание нецелесообразно сводить только к отсутствию прямого законодательного запрета на предъявление иска. Современное понимание процессуальных принципов позволяет исследовать их не обособленно, а как систему взаимосвязанных нормативных ориентиров.

С одной стороны, электронные сервисы значительно упрощают какой-либо физический доступ к суду для маломобильных граждан. С другой же – цифровое неравенство или таже самая техническая неготовность судов приводит к дополнительным проблемам для лиц, которые практически никак не обладают определенными навыками или техническими возможностями.

Бесплатная юридическая помощь хоть и призвана обеспечить уязвимым категориям граждан доступ к квалифицированной правовой поддержке, но сама функциональность слабая и порой недостаточно эффективна. Перечень граждан, которые могут получить помощь хоть и широк, однако ограниченность случаев оказания помощи и процессуальные проблемы не позволяют в полной мере реализовать компенсацию неравенства сторон в судебном процессе.

Из-за того, что в законодательстве не предусмотрено четкое определение принципа доступности правосудия и его каких-то содержательных характеристик порождает неопределенность в правоприменении и в последствие чего затрудняется выработка единых стандартов защиты право социально уязвимых категорий населения.

Если рассматривать понятие «доступность правосудия» в конституционном праве, то мы можем сказать, что доступность правосудия выводится напрямую из самой Конституции РФ. Ключевой нормой

же является статья 46, которая гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Суть в том, чтобы у человека реально была возможность обратиться в суд, где в дальнейшем его спор рассмотрят, а нарушенные права будут восстановлены. При всем при этом важно отметить то, что конституционный уровень задает вектор, а конкретные гарантии закрепляются уже в процессуальном законодательстве и судебной практике. Если рассматривать как процессуальное право, то уже здесь доступность раскрывается как совокупность процессуально-правовых гарантий, которые делают саму процедуру зашиты реальной.

Сегодня важным средством снижения барьеров выступает цифровизация. Электронная подача документов и удалённое получение правовой информации способны уменьшить территориальные и временные издержки. Исследования цифровых технологий в гражданском и арбитражном процессе также рассматривают их использование как одно из средств повышения доступности правосудия[7, с.8].

Однако цифровизация не может служить универсальной заменой другим гарантиям. Само наличие электронного сервиса ещё не означает, что им способны полноценно воспользоваться все категории граждан. Поэтому применительно к социально уязвимым лицам технологическая модернизация должна основываться на модели дополнительного, а не исключительного цифрового канала. Аналогичная проблема баланса электронного и бумажного взаимодействия отмечается и в процессуальной литературе,новые технологии способны облегчать путь к защите права, но их внедрение само по себе не гарантирует повышения доступности для каждого пользователя.

Барьеры не действуют по отдельности. Экономические, организационные, физические, цифровые и информационные проблемы усиливают друг друга, и устранение одного из них мало что меняет. Рост госпошлин, нехватка адвокатов для бесплатной помощи, формальный подход к доступной среде и цифровизация без учёта реальных возможностей людей работают в одном направлении — вытесняют уязвимые группы из суда[3, с.6]. Особенно тревожно, что электронные сервисы, который задумывались для упрощения, для части граждан становятся новым препятствием[7, с.8].

Экономическую доступность невозможно обеспечить только посредством изменения законодательства. Необходима система первичной правовой навигации. Представляется оправданным разработать единые краткие памятки и образцы ходатайств о снижении судебных расходов, адаптированные для граждан без юридического образования; включить основы такой навигации в подготовку работников МФЦ и социальных служб; расширить участие юридических клиник образовательных организаций в консультировании лиц, которым требуется определить порядок обращения в суд[3,4,5].

При этом результативность предлагаемых мер целесообразно оценивать не только по количеству предоставленных консультаций. Более содержательными критериями должны стать доля случаев, когда после получения помощи гражданин смог подготовить процессуальный документ, устранить недостатки обращения, добиться разрешения ходатайства о судебных расходах и получить рассмотрение требования по существу. Такой подход позволяет перейти от статистики предоставленных услуг к оценке фактического доступа к правосудию.

Дальнейшее развитие принципа доступности правосудия должно происходить прежде всего в направлении согласования уже существующих механизмов. Законодательные льготы, индивидуальное судебное усмотрение, бесплатная юридическая помощь и цифровые государственные сервисы способны обеспечить существенно больший эффект, если для гражданина они будут представлены не как разрозненные институты, а как единая система движения к судебной защите.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9e396e9ca6f63c80946702f/ (дата обращения: 16.09.2026).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. — Текст : электронный // LegalActs : [сайт]. — URL: https://legalacts.ru/doc/mezhdunarodnyi-pakt-ot-16121966-o-grazhdanskikh-i/ (дата обращения: 16.09.2026).

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2025 по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333.19 и пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса РФ. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/88900.html (дата обращения: 16.09.2026).

4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122045/ (дата обращения: 16.09.2026).

5. Федеральный закон от 04.11.2025 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации"». — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 16.09.2026).

6. Байрамов, Ф. Д. Влияние роста государственной судебной пошлины на ограничение конституционных прав граждан Российской Федерации: правовые и экономические аспекты / Ф. Д. Байрамов, С. К. Подкидышев. — Текст : электронный // КиберЛенинка : [сайт]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-rosta-gosudarstvennoy-sudebnoy-poshliny-na-ogranichenie-konstitutsionnyh-prav-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-pravovye-i (дата обращения: 16.09.2026).

7. Бабушкин, К. А. Влияние цифровизации на доступ к правосудию / К. А. Бабушкин. — Текст : электронный // КиберЛенинка : [сайт]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-dostup-k-pravosudiyu (дата обращения: 16.09.2026).

8. Вашурина, С. С. Цифровая трансформация правосудия в России: конституционно-правовые аспекты / С. С. Вашурина. — Текст : электронный // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — № 10. — URL: https://aprp.msal.ru/ (дата обращения: 16.09.2026).

УДК 347.9

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

КИЧИГИН ОЛЕГ ЭМИЛЬЕВИЧ
д.э.н., профессор
ГАОУ ВО ЛО «Гатчинский государственный университет»,
г. Гатчина, РФ

Аннотация. В статье исследуются доказательственные презумпции и процессуальные фикции как специальные правовые конструкции гражданского процессуального доказывания. Рассматриваются их значение для распределения обязанности по доказыванию и процессуального риска, основные различия и пределы применения. Особое внимание уделено доказательственной асимметрии и использованию презумпций и иных процессуальных механизмов в спорах о результатах, созданных с помощью искусственного интеллекта. Обосновывается необходимость разграничения нормативного перераспределения доказательственной активности и процессуального облегчения доказывания при неравном доступе сторон к информации.
Ключевые слова: доказательственные презумпции; процессуальные фикции; доказательственная асимметрия; искусственный интеллект; результаты, созданные с помощью ИИ.

EVIDENTIARY PRESUMPTIONS AND PROCEDURAL FICTIONS IN CIVIL PROCEDURE

Kichigin Oleg Emilievich

Abstract. The article examines evidentiary presumptions and procedural fictions as specific legal constructs of civil procedural proof. It considers their role in the allocation of the burden of proof and procedural risk, their principal distinctions, and the limits of their application. Particular attention is paid to evidentiary asymmetry and to the use of presumptions and other procedural mechanisms in disputes concerning results created with the use of artificial intelligence. The article substantiates the need to distinguish between the normative redistribution of evidentiary activity and procedural facilitation of proof where the parties have unequal access to information.
Keywords: evidentiary presumptions; procedural fictions; evidentiary asymmetry; artificial intelligence; AI-generated results.

Введение. Актуальность исследования доказательственных презумпций и фикций в гражданском процессе обусловлена их значением для установления юридически значимых обстоятельств и распределения обязанности по доказыванию. По общему правилу гражданского процессуального доказывания предполагается что, что «каждая сторона должна подтвердить обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений» (ч. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, далее ГПК РФ)[1]. Вместе с тем применение данного правила не является формальным, так как его реализация зависит: от предмета доказывания; характера спорного правоотношения; содержания требований и возражений сторон; наличия специальных правил, способных изменить обычную модель распределения доказательственной обязанности.

Дополнительную актуальность настоящему исследованию придаёт проблема неравного доступа сторон к доказательственной информации, ставящая вопрос о соотношении процессуального облегчения доказывания и использования доказательственных презумпций. В связи с этим исследование до-

казательственных презумпций и фикций приобретает не только теоретическое, но и практическое значение.

Особую актуальность данная проблематика приобретает применительно к спорам, связанным с результатами, созданными с помощью искусственного интеллекта (ИИ). Технологическая сложность формирования таких результатов, распределённость доказательственной информации и фактический контроль над техническими данными со стороны отдельных участников осложняют применение общего правила о бремени доказывания и требуют уточнения роли доказательственных презумпций и иных процессуальных конструкций.

По нашему мнению, необходимо разграничивать случаи:

- когда специальная правовая конструкция действительно изменяет обычный порядок доказывания;
- когда сторона лишь испытывает объективные затруднения в доступе к доказательственной информации.

Такое разграничение позволяет сохранить связь между презумпцией, предметом доказывания и нормативным основанием перераспределения доказательственной активности. При этом, не подменяя процесс доказывания предположением о доказанности спорного обстоятельства.

Целью статьи является определение места доказательственных презумпций и фикций в механизме гражданского процессуального доказывания, выявление особенностей их влияния на распределение обязанности по доказыванию, в том числе применительно к спорам о результатах, созданных с помощью ИИ.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1. раскрыть процессуальное значение доказательственных презумпций; 2. определить их воздействие на распределение доказательственной активности и процессуального риска; 3. разграничить презумпции и фикции по характеру их влияния на установление юридически значимых обстоятельств.

Результаты исследования

Доказательственные презумпции в механизме гражданского процессуального доказывания

Распределение обязанности по доказыванию осуществляется применительно к каждому конкретному юридически значимому факту, входящему в предмет доказывания. После определения обстоятельства, имеющего значение для разрешения дела, устанавливается, какая сторона должна его подтвердить и кто несёт неблагоприятные последствия в случае его недоказанности [2]. В общем случае данный вопрос разрешается исходя из правила, согласно которому каждая сторона доказывает обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений. Однако эта модель может корректироваться специальными нормами, в том числе устанавливающими доказательственные презумпции.

Доказательственная презумпция представляет собой установленное правом предположение о существовании определённого юридически значимого обстоятельства, которое действует до тех пор, пока не будут представлены достаточные основания для его опровержения (ст. 1257 ГК РФ как пример презумпции авторства). Её процессуальное значение заключается в изменении обычного распределения доказательственной активности. Как отмечает Е. М. Жаглина, «презумпция освобождает одну сторону от необходимости первоначально доказывать предполагаемый факт и возлагает на другую сторону необходимость его опровержения»[3].

Следовательно, доказательственная презумпция не устраняет механизм доказывания и не исключает соответствующее обстоятельство из предмета доказывания [4]. Она изменяет порядок его процессуального подтверждения. Предполагаемый факт сохраняет юридическое значение для разрешения дела, однако первоначальная доказательственная обязанность относительно него трансформируется: одна сторона получает возможность ссылаться на установленное правом предположение, тогда как другая должна представить доказательства, способные его опровергнуть.

В этом проявляется отличие презумпции от освобождения от доказывания. Если обстоятельство в силу процессуального закона не нуждается в доказывании, оно выводится из обычного механизма распределения доказательственной обязанности и отсутствует необходимость определять сторону, которая должна представлять доказательства его существования [5]. Так, в соответствии со ст. 61 ГПК

РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, а также обстоятельства, признанные судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании и не включаются в предмет доказывания по новому делу.

Процессуальное значение презумпции проявляется в трёх взаимосвязанных аспектах: её связи с конкретным юридически значимым фактом; изменении распределения доказательственной активности; перераспределении риска недоказанности.

Применительно к результатам, созданным с помощью ИИ, действующие материально-правовые презумпции сохраняют своё значение, однако их применение требует учёта технологической специфики формирования результата. Как отмечают Кичигин О.Э. и Быстрова Н.О. «частно-правовые аспекты использования ИИ как цифрового инструмента требуют специального правового регулирования, поскольку общие нормы не в полной мере учитывают особенности распределения ответственности и доказательственной активности между участниками таких отношений» [6]

Так, презумпция авторства, предусмотренная ст. 1257 ГК РФ, согласно которой «автором произведения науки, литературы или искусства признаётся гражданин, творческим трудом которого оно создано», сама по себе не устраняет необходимости исследования фактического творческого вклада человека, если охраноспособность результата оспаривается.

В обязательственной и деликтной сферах значение имеют общие правила о вине и ответственности, однако их применение к отношениям, связанным с использованием ИИ-систем, должно учитывать распределение функциональных ролей между разработчиком, оператором, пользователем и иными участниками.

В связи с этим представляется важным отличать презумпцию от механического переноса бремени доказывания. Само по себе наличие у одной стороны более широкого доступа к доказательственной информации ещё не означает возникновения презумпции в пользу другой стороны.

Под доказательственной асимметрией следует понимать ситуацию, при которой сторона, обязанная подтвердить юридически значимый факт, располагает существенно меньшими возможностями получить необходимые сведения, поскольку они находятся под контролем другого лица.

Однако даже при наличии такого неравенства предпочтительным рассматривается использование процессуальных средств получения и раскрытия доказательств при сохранении первоначального распределения бремени. Такой подход имеет принципиальное значение и для определения пределов доказательственных презумпций. Если затруднение доступа к доказательствам автоматически влекло бы возникновение презумпции существования спорного факта, различие между невозможностью получить доказательство и доказанностью самого обстоятельства оказалось бы утрачено. Поэтому доказательственная презумпция должна иметь самостоятельное правовое основание и быть связана не просто с фактическим неравенством сторон, а с установленной правом моделью распределения доказательственного риска.

В этом смысле доказательственные презумпции могут рассматриваться как специальный элемент общей модели распределения обязанности по доказыванию (рисунок 1).

Таким образом, доказательственная презумпция является специальным элементом механизма доказывания, посредством которого законодатель корректирует обычное распределение доказательственной активности и процессуального риска.

Процессуальные фикции и их отличие от доказательственных презумпций

Наряду с доказательственными презумпциями в гражданском процессе используются правовые конструкции, которые по своему назначению также позволяют преодолеть затруднения, связанные с установлением юридически значимых обстоятельств. К их числу относятся процессуальные фикции. Однако презумпция и фикция имеют различную правовую природу и по-разному воздействуют на механизм доказывания.

Доказательственная презумпция основана на предположении о существовании определённого обстоятельства. Такое предположение действует до тех пор, пока не будет опровергнуто в установленном порядке. Поэтому презумпция сохраняет связь с фактической действительностью и предполагает возможность процессуальной проверки соответствующего обстоятельства. Её основное значение со-

стоит в перераспределении доказательственной активности и риска недоказанности между сторонами.

Процессуальная фикция действует иначе. Её сущность состоит в нормативном признании определённого юридически значимого положения независимо от его полного соответствия фактической действительности. Классическим примером процессуальной фикции в гражданском процессе является правило ч. 3 ст. 79 ГПК РФ: «при уклонении стороны от участия в экспертизе, когда без её участия проведение экспертизы невозможно, суд вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым».

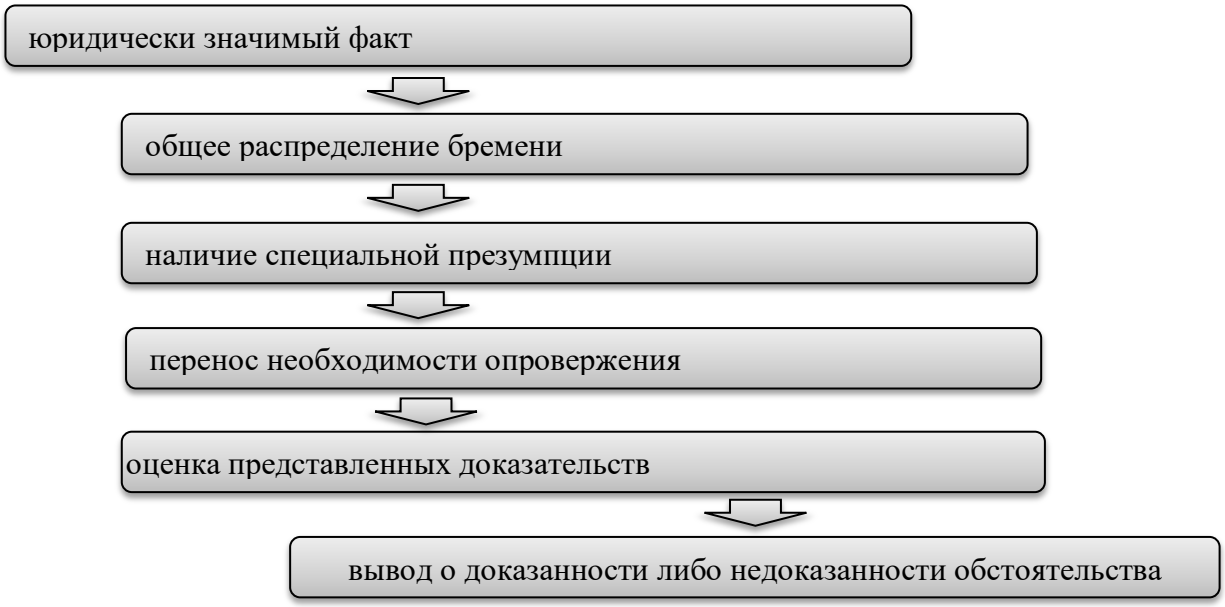

Рис. 1. Место доказательственной презумпции в механизме распределения обязанности по доказыванию

Таблица 1

Разграничение доказательственной презумпции и процессуальной фикции в гражданском процессе

№	Доказательственная презумпция	Процессуальная фикция
1.	Критерий: основа	
	Предположение о существовании юридически значимого факта	Нормативное признание определённого положения независимо от полного соответствия фактической действительности
2.	Критерий: связь с фактическими обстоятельствами	
	Сохраняется	Может быть условной
3.	Критерий: возможность опровержения	
	Как правило, допускается	Не предполагается в обычном доказательственном порядке
4.	Критерий: влияние на доказывание	
	Перераспределяет доказательственную активность и риск недоказанности	Заменяет необходимость установления определённого фактического состояния нормативным последствием
5.	Критерий: значение для предмета доказывания	
	Факт сохраняет значение и может быть предметом опровержения	Отдельный факт может утрачивать необходимость самостоятельного установления

Примечание: предложено автором

В отличие от презумпции, фикция не строится на вероятностном выводе и, как правило, не предполагает обычного механизма опровержения. Если презумпция формирует предположение о факте, которое может быть опровергнуто доказательствами, то фикция заменяет необходимость установления соответствующего фактического состояния нормативно закреплённым юридическим результатом.

Это различие имеет принципиальное значение для распределения обязанности по доказыванию. При использовании презумпции предмет доказывания сохраняется, но изменяется распределение доказательственной активности. Сторона, в пользу которой действует презумпция, освобождается от первоначального подтверждения предполагаемого факта, тогда как другая сторона получает возможность его опровергнуть. При использовании фикции вопрос о доказывании соответствующего обстоятельства может утрачивать самостоятельное значение, поскольку юридические последствия связываются не с установлением реального факта, а с нормативно закреплённым допущением.

Таким образом, презумпция и фикция различаются по основанию действия, степени связи с фактической действительностью и характеру влияния на доказывание. Это различие можно представить следующим образом.

Такое разграничение позволяет избежать смешения двух различных правовых механизмов. Для гражданского процессуального доказывания это особенно важно, поскольку неправильное отождествление презумпции и фикции может привести к ошибочному выводу о том, что любое нормативное облегчение доказывания означает одно и то же изменение бремени доказывания.

Таким образом, различие между презумпциями и фикциями определяется не терминологией, а характером их процессуального действия. Презумпция изменяет порядок доказывания предполагаемого факта, тогда как фикция может заменить его установление нормативно установленным юридическим результатом.

Значение презумпций и фикций для распределения обязанности по доказыванию

Распределение обязанности по доказыванию представляет собой последовательную процессуальную квалификацию юридически значимых обстоятельств, включающую определение предмета доказывания, выявление обстоятельств, не нуждающихся в доказывании. При этом согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, и выносит их на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

В этой системе презумпции и фикции выполняют особую функцию, поскольку позволяют изменить обычный порядок установления юридически значимых обстоятельств. Однако их влияние на распределение обязанности по доказыванию различно.

В аспекте распределения обязанности по доказыванию значение презумпции состоит не в повторном определении носителя первоначального бремени, а в нормативном изменении последующего распределения доказательственного риска [7].

Особого разграничения требует доказательственная презумпция и процессуальное облегчение доказывания при неравном доступе к информации. По нашему мнению, сама по себе доказательственная асимметрия не образует презумпцию, которая должна иметь самостоятельное нормативное основание, при этом информационное неравенство обусловливает применение предусмотренных законом средств получения и раскрытия доказательств.

В сфере защиты результатов, созданных с помощью ИИ, указанный подход приобретает дифференцированное значение [8]. В спорах о творческих и генеративных результатах существенное доказательственное значение могут иметь сведения о характере человеческого участия, последовательности запросов, отборе, редактировании и переработке продукта ИИ. Если установление соответствующих обстоятельств требует специальных знаний, суд вправе назначить экспертизу в порядке ст. 79 ГПК РФ. При уклонении стороны от участия в экспертизе либо непредставлении экспертам необходимых материалов и документов, когда без участия этой стороны проведение экспертизы невозможно, суд вправе с учётом значения экспертизы для соответствующей стороны признать факт, для выяснения которого она была назначена, установленным или опровергнутым (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ).

В отношении аналитических и рекомендательных результатов доказательственное значение могут иметь сведения об исходных данных, условиях функционирования системы, параметрах формиро-

вания вывода и иная техническая документация. При затруднительности самостоятельного получения таких доказательств лицо, участвующее в деле, вправе ходатайствовать об их истребовании судом; такое содействие предусмотрено ч. 1–2 ст. 57 ГПК РФ. При этом сторона должна обозначить необходимое доказательство, указать обстоятельства, которые оно способно подтвердить или опровергнуть, причины невозможности его самостоятельного получения и место нахождения доказательства.

Если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у неё доказательства и не представляет их суду, суд в соответствии с ч. 1 ст. 68 ГПК РФ вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны. Данное правило может иметь значение и в спорах, связанных с результатами ИИ, когда существенная доказательственная информация фактически контролируется одним из участников. Однако указанная норма не устанавливает автоматической презумпции существования спорного факта и не освобождает суд от общей оценки доказательств.

Для управляющих и иных технологически сложных результатов сведения о параметрах автоматизированного воздействия, функционировании ИИ-системы и действиях лица, осуществляющего её эксплуатацию или контроль, должны оцениваться судом наряду с иными доказательствами. В соответствии с ч. 1 и 3 ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по внутреннему убеждению, а также их относимость, допустимость, достоверность, достаточность и взаимную связь в совокупности. Следовательно, отсутствие или непредставление технической информации может учитываться при оценке доказательственной ситуации, но само по себе не образует специальной презумпции ответственности либо доказанности спорного обстоятельства, если такая презумпция прямо не предусмотрена законом.

В отличие от презумпции, процессуальная фикция прежде всего воздействует на необходимость установления определённого фактического состояния, заменяя его предусмотренным законом юридическим последствием. Поэтому презумпция и фикция представляют собой различные способы корректировки общего механизма доказывания.

Таблица 2

Условия корректного применения доказательственных презумпций и процессуальных фикций

№	Условие применения	Содержание
1	Связь с предметом доказывания	Презумпция или фикция должна быть связана с конкретным юридически значимым обстоятельством и не выходить за пределы предмета доказывания
2	Наличие правового основания	Изменение обычного распределения обязанности по доказыванию должно основываться на правовой норме и не может выводиться только из фактического неравенства сторон
3	Возможность опровержения презумпции	Применение презумпции не должно исключать возможность её опровержения в тех случаях, когда такая возможность вытекает из её правовой природы
4	Разграничение фикции и презумпции	Фикция не должна подменять презумпцию, если соответствующее фактическое обстоятельство подлежит установлению и может быть доказано обычными процессуальными средствами
5	Соблюдение процессуального баланса	Применение обеих конструкций должно соответствовать принципам состязательности и процессуального равноправия сторон и не создавать необоснованных доказательственных преимуществ

Примечание: предложено автором

Предложенные критерии корректного применения презумпций и фикций могут быть конкретизированы применительно к результатам, созданным с помощью искусственного интеллекта. В зависимости от сферы правовой защиты таких результатов доказательственные презумпции и фикции приобретают различное содержание и различные процессуальные последствия. Систематизация таких примеров представлена в Таблице 3.

Таблица 3

Предлагаемые презумпции и правовые конструкции применительно к защите результатов, созданных с помощью ИИ

Вид результата ИИ	Пример презумпции / фикции
1. Сфера защиты: **интеллектуально-правовая**	
Творческие, генеративные	Предлагаемая презумпция отсутствия доказанного творческого вклада при отсутствии сведений, позволяющих подтвердить существенное участие человека в формировании результата. Правовая конструкция: результат, сформированный без доказанного творческого участия человека, не рассматривается как охраноспособный объект авторского права.
2. Сфера защиты: **информационная**	
Аналитические, прогностические, рекомендательные	Предлагаемая презумпция повышенного доказательственного риска при невозможности проверить исходные данные, критерии формирования и воспроизводимость результата. Правовая конструкция: при отсутствии возможности проверить происхождение и условия формирования результата его доказательственное значение подлежит ограниченной оценке с учётом иных доказательств по делу.
3. Сфера защиты: **обязательственно-договорная**	
Любые результаты как предмет работ/услуг	*Презумпция ответственности исполнителя* за правомерность использования исходных материалов и соблюдение прав третьих лиц.
4. Сфера защиты: **процедурно-документарная**	
Управляющие, комбинированные	Предлагаемая конструкция учёта процессуального поведения стороны, контролирующей сведения об ИИ-системе, при её уклонении от раскрытия юридически значимой информации. Правовая конструкция: юридические последствия автоматизированного действия оцениваются с учётом функциональной роли лица, осуществляющего эксплуатацию и контроль соответствующей ИИ-системы. (по аналогии с ч. 3 ст. 79 ГПК РФ устанавливающей последствия уклонения стороны от участия в экспертизе).
5. Сфера защиты: **конфиденциальность и персональные данные**	
Аналитические, комбинированные	*Презумпция нарушения режима* при передаче результата ИИ третьим лицам без согласия. *Фикция:* включение персональных данных в продукт ИИ делает его использование ограниченным независимо от технической точности.

Примечание: предложено автором

Таким образом, значение презумпций и фикций для распределения обязанности по доказыванию проявляется по-разному. Презумпция перераспределяет доказательственную активность и риск недоказанности, сохраняя возможность процессуальной проверки предполагаемого факта. Фикция способна заменить необходимость его установления нормативно закреплённым юридическим последствием. Поэтому их применение требует чёткого разграничения и не должно использоваться как механический способ устранения любых затруднений доказывания.

Заключение

1. Доказательственные презумпции и процессуальные фикции являются самостоятельными правовыми конструкциями и не должны отождествляться.

2. Презумпция изменяет обычное распределение доказательственной активности и риска недоказанности, тогда как фикция заменяет необходимость установления определённого факта нормативно закреплённым юридическим последствием.

3. Применение презумпций и фикций должно основываться на правовом основании, быть связа-

но с конкретным юридически значимым обстоятельством и не нарушать принципов состязательности и процессуального равноправия сторон.

4. Доказательственная асимметрия сама по себе не является достаточным основанием для автоматического создания или применения презумпции; при неравном доступе к информации приоритет имеют предусмотренные законом процессуальные средства получения и исследования доказательств.

5. В спорах о результатах, созданных с помощью ИИ, значение презумпций и иных процессуальных конструкций возрастает вследствие технологической сложности формирования результата, распределённости доказательственной информации и возможного контроля над техническими данными со стороны отдельных участников. При этом специфика ИИ не отменяет общих правил доказывания, а требует их применения с учётом особенностей соответствующей доказательственной ситуации.

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

2. Нахова Е. А. Процессуальные полномочия суда при определении предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-polnomochiya-suda-pri-opredelenii-predmeta-dokazyvaniya-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve (дата обращения: 08.09.2026).

3. Жаглина М.Е. Особенности использования презумпций и фикций в доказывании по гражданским делам // Вестник ВИ МВД России. 2007. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-prezumptsiy-i-fiktsiy-v-dokazyvanii-po-grazhdanskim-delam (дата обращения: 09.09.2026).

4. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе : учебно-практическое пособие для вузов. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2023. — 416 с. — ISBN 978-5-534-16594-4. — URL: https://urait.ru/bcode/531341 (дата обращения: 08.09.2026).

5. Белышева А. А. Проблема соотношения предмета доказывания и оснований освобождения от доказывания // Вестник НовГУ. 2004. №29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sootnosheniya-predmeta-dokazyvaniya-i-osnovaniy-osvobozhdeniya-ot-dokazyvaniya (дата обращения: 08.09.2026).

6. Кичигин, О. Э. Частно-правовые аспекты искусственного интеллекта как цифрового инструмента: к вопросу о специальном правовом регулировании / О. Э. Кичигин, Н. О. Быстрова // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 6(71). – С. 324-329. – EDN YLKSTQ.

7. Сазонова М. Д. Бремя доказывания в гражданском процессе // Вестник науки. 2024. №12 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bremya-dokazyvaniya-v-grazhdanskom-protsesse-2 (дата обращения: 09.09.2026).

8. Кичигин О. Э., Быстрова Н. О. Классификация решений ИИ и их правовое значение // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2025. № 11. С. 176–182.

© О.Э. Кичигин

УДК 347.9

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

ГОЛОВИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
студент
ФГБОУ «Кубанский государственный университет»
Юридический факультет имени А.А. Хмырова

Аннотация. Статья анализирует трансформацию ключевых принципов гражданского судопроизводства - гласности, состязательности и равноправия сторон, доступности правосудия, независимости судей, непосредственности и законности - под влиянием цифровизации. В работе показывают позитивные эффекты и риски внедрения ИТ в процесс, доказывают необходимость совершенствования процессуального законодательства.
Ключевые слова - цифровизация правосудия, гражданский процесс, принцип гласности, состязательность, доступность правосудия, независимость судей, непосредственность, электронные доказательства.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE IMPLEMENTATION OF CERTAIN PRINCIPLES OF CIVIL PROCEEDINGS

Golovin Alexander Sergeevich

Abstract. The article analyzes the transformation of the key principles of civil proceedings - publicity, adversarial nature and equality of the parties, accessibility of justice, independence of judges, directness and legality - under the influence of digitalization. The paper shows the positive effects and risks of introducing IT into the process and proves the need to improve procedural legislation.
Keywords - digitalization of justice, civil procedure, the principle of publicity, adversarial nature, accessibility of justice, independence of judges, directness, electronic evidence.

Цифровизация перестала быть лишь техническим оснащением - она меняет саму суть процессуальных отношений. Принципы, которые сформировали в условиях очного бумажного процесса, теперь действуют в иной среде. Это создаёт и новые возможности, и угрозы.

Гласность (ст. 123 Конституции РФ, ст. 10 ГПК РФ) существенно расширилась за счёт публикации актов, онлайн-трансляций, уведомлений через «Госуслуги». Вместе с тем ВКС-заседания фактически ограничивают доступ публики - присутствовать могут только участники дела. Отсюда вывод - нужна обязательная трансляция таких заседаний с подключением через «Госуслуги» [6]. Осложняет ситуацию баланс прозрачности с защитой частной жизни. В делах о семье, здоровье, коммерческой тайне открытая публикация материалов способна причинить вред [17].

Состязательность (ст. 12 ГПК РФ) получает новые инструменты - ГАС «Правосудие», «Мой Арбитр». Они упрощают подачу документов и удалённое участие, это повышает доступность правосудия [19]. Однако возникает асимметрия. Сторона с технологическими ресурсами может отказывать в предоставлении данных, а суд не всегда способен их проверить. В итоге состязательность рискует

стать инструментом экономического давления [9]. Кроме того, электронные доказательства (скриншоты, видео) требуют от сторон технической компетенции. Отсутствие единых правил их допустимости ведёт к разнородной практике [20].

Цифровое неравенство ставит под угрозу принцип равенства перед законом. Пожилые, малообеспеченные граждане, жители удалённых территорий уступают тем, кто свободно владеет цифровыми инструментами [8]. Возможное решение - институт «цифрового куратора» в МФЦ для помощи уязвимым категориям [18].

Автоматизированное распределение дел в ГАС «Правосудие» укрепляет независимость судей, снижает риск внешнего давления [14]. Но внедрение ИИ несёт иные риски. Требование мотивировать отклонение его рекомендаций создаёт организационную асимметрию. Ориентир на утверждение не менее 80% проектов без правок может поощрять формальное согласие с алгоритмом [15]. При этом Концепция ВС РФ (2026) фиксирует вспомогательный характер ИИ и сохранение окончательного решения за судьёй [3].

Принцип непосредственности (ст. 157 ГПК РФ) меняется из-за «эффекта экрана». Суду сложнее оценить поведение участника, оперативно исследовать новые доказательства в онлайн-заседании [12][13]. ВКС не разрушает непосредственность полностью - суд может лично заслушать свидетеля, чего нет при судебном поручении.

Законность сталкивается с проблемой достоверности электронных доказательств. Сейчас их формально относят к письменным (ст. 71 ГПК РФ), но они не имеют встроенного механизма удостоверения подлинности. Нужен единый стандарт оценки - с учётом источника, целостности и идентификации отправителя [20].

Таким образом, цифровизация неоднозначно меняет процессуальные принципы. Она расширяет гласность и доступность, укрепляет независимость через автоматизацию. Одновременно она порождает цифровое неравенство, искажает состязательность, ограничивает непосредственность и создаёт новые риски при использовании ИИ.

Ключевая задача - сохранить баланс между технологической эффективностью и конституционными гарантиями. Для этого нужно закрепить новые формы гласности (включая трансляцию онлайн-заседаний), унифицировать правила оценки электронных доказательств, ввести институт цифрового кураторства и установить прозрачные гарантии контроля за применением ИИ. Важно обеспечить право стороны знать о его использовании и оспаривать выводы.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.09.2026).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.09.2026).

3. Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации : утв. приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2026 г. № 59-П. — Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 20.09.2026).

4. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы : одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г. — Текст : электронный // Совет судей Российской Федерации : официальный сайт. — URL: http://www.ssrf.ru (дата обращения: 20.09.2026).

5. Колобынина Е. А. Влияние цифровизации на гласность правосудия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — № 1-1 (100). — С. 241–244. — URL: http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2025/02/Kolobynina.pdf (дата обращения: 20.09.2026).

6. Искакова А. И. Проявление принципа гласности судебного разбирательства по гражданским делам в условиях цифровизации // Вестник науки. — 2024. — Т. 2, № 4 (73). — С. 232–236. — URL: https://www.вестник-науки.рф/article/13814 (дата обращения: 20.09.2026).

7. Авдеенко А. А. Видео-конференц-связь в гражданском процессе как фактор риска для принципов устности и непосредственности // Молодой ученый. — 2026. — № 36 (639). — С. 38–39. — URL: https://moluch.ru/archive/639/140197/ (дата обращения: 20.09.2026).

8. Бабушкин К. А. Влияние цифровизации на доступ к правосудию // Вопросы права. — 2025. — № 2. — С. 26–30. — DOI 10.24412/2949-0871-2025-2-26-30. — URL: https://v-prava.ru/article/vliyanie-tsifrovizatsii-na-dostup-k-pravosudiyu/ (дата обращения: 20.09.2026).

9. Алакова А. А., Галиакбарова А. А. Цифровые технологии в гражданском процессе: укрепление доверия к судебной системе // Актуальные исследования. — 2026. — № 19 (305), ч. II. — С. 7–10. — URL: https://theoria.apni.ru/article/15063-cifrovye-tehnologii-v-grazhdanskom-processe-ukreplenie-doveriya-k-sudebnoj-sisteme (дата обращения: 20.09.2026).

10. Совина А. Р. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: правовой режим, пределы допустимости и направления совершенствования регулирования // Образование и право. — 2026. — № 5. — С. 391–396. — DOI 10.24412/2076-1503-2026-5-391-396. — URL: https://education.law-books.ru/article/elektronnye-dokazatelstva-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve-pravovoy-rezhim-predely/ (дата обращения: 20.09.2026).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УДК 343

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАНДИТИЗМА

ЧИЖИКОВА УЛЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА
магистрант
Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Научный руководитель: Иванов Евгений Евгеньевич
доцент кафедры уголовного права и процесса
Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы криминологической характеристики бандитизма. Анализируются данные о причинах и условиях совершения этих преступлений, данные о способах совершения, данные о личности преступников и потерпевших, вопросы профилактики бандитизма.
Ключевые слова: бандитизм, разбой, вооруженное нападение, криминологическая характеристика.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF BANDITISM

Chizhikova Ulyana Alexeevna

Scientific adviser: Ivanov Evgeny Evgenyevich

Abstract: the article examines the problems of the criminological characteristics of banditism. The data on the causes and conditions of these crimes, data on the methods of committing them, data on the personality of the criminals and victims, and issues of banditism prevention are analyzed.
Keywords: banditism, robbery, armed assault, criminological characteristics.

В криминологическую характеристику бандитизма входят данные о причинах и условиях совершения этих преступлений, данные о способах совершения, данные о личности преступников и потерпевших, вопросы профилактики бандитизма.

Прежде всего нужно отметить, что банды являются одним из самых массовых видов организованных преступных формирований. Среди ученых идет дискуссия, к какому из видов организованных преступных формирований относится банда - к организованной группе или к преступному сообществу. Большинство исследователей склоняется к выводу, что по своим признакам организованности, четкого разделения ролей и постоянства банда скорее представляет собой вид организованного преступного сообщества, чем преступной группы. Для банды характерна именно постоянная устойчивая цель совершения вооруженных насильственных преступлений и направленная на это систематическая подготовительная и организационная деятельность [1, с. 221].

Причиной распространения бандитизма является прежде всего поиск эффективных путей организации совершения большого количества вооруженных насильственных разбойных нападений. Четкое разделение ролей в процессе подготовки преступления, выделение в качестве отдельных направлений подготовки деятельности по поиску потенциальных выгодных жертв и деятельности по противодействию попыткам отследить банду с помощью электронных средств наблюдения дает большую эф-

фективность как экономический результат совершения преступления. В условиях активного противодействия со стороны правоохранительных органов совершению указанных преступлений с использованием цифровых средств наблюдения, банда получает преимущество перед обычной организованной группой [4, с. 34].

Современные условия совершения нападений на граждан и организации характеризуются отсутствием наличных денег у жертв, когда средства держат преимущественно на банковских счетах, картах и вкладах. Это создает для нападающих дополнительные препятствия, поскольку захватить в ходе совершения преступления наличные деньги намного технологичнее и проще в сбыте. Появляется необходимость для преступников, с одной стороны, использовать средства давления на жертв, чтобы заставить их оперативно обналичивать необходимые средства по требованию преступников, что усложняет подготовку и создает большие риски для преступников. С другой стороны, в приоритете все же остается получение от жертв ценностей, которые можно непосредственно забрать и реализовать, минуя этап вывода денег со счетов, что неизбежно влечет за собой необходимость квалифицированного поиска подходящих жертв. Поскольку целей подходящего размера не может быть много, это влечет сокращение числа банд, имеющих прямой корыстный мотив и при этом повышение специализации и подготовки тех, кто смог удержаться на плаву.

Активное использование правоохранительными органами электронных средств наблюдения и массовое внедрение уличных камер сильно усложняют деятельность банд по сокрытию результатов преступлений и способствуют сокращению данного вида преступности.

В этих условиях часть банд переходит от нападений, связанных с прямым корыстным мотивом, к нападениям, связанным с поддержкой иной преступной деятельности - наркомафии, проституции, взяточничества и пр. В странах Запада тоже наблюдается данная тенденция, и все большая часть преступных формирований, которые по признакам подходят под российское определение банд, переходит к новому формату работы по фактически наемному обеспечению иной преступной деятельности, связанной с получением овеществленного результата [2, с. 284].

Вместе с тем, от классического преступного сообщества большинство банд отличается сравнительно небольшой численностью и формированием отношений на долговременной доверительной основе, когда члены банды давно знают друг друга и являются, например, родственниками, друзьями юности, ранее занимались совместной спортивной деятельностью, вместе служили в армии. В последнее время заметная часть банд имеет ярко выраженный религиозный мусульманский тип. Чем больше размер банды, тем более сложную организационную структуру она как правило имеет. Большая часть банд в силу небольшой численности имеет структуру в виде организатора и нескольких рядовых членов.

Большая часть банд нейтрализуется правоохранительными органами в течение примерно трех лет после начала активной преступной деятельности. При этом общее количество совершенных средней бандой нападений обычно достаточно велико и составляет десятки эпизодов [3, с. 160].

Обычно современные российские банды хорошо вооружены огнестрельным оружием. Некоторые преступные формирования типа банд стараются использовать в своей деятельности в качестве бытовые предметы, которые официально оружием не являются, что как правило исключает уголовную ответственность за бандитизм.

Как правило, члены банд имеют четкую антиобщественную установку, даже если ранее преступной деятельностью не занимались, ярко выраженными чертами из характера являются склонность к насилию, цинизм. Чаще всего организаторы банд являются людьми среднего возраста с криминальным опытом, а исполнители более молоды и физически крепки.

На основании изложенного, сделаем ряд выводов.

1. В криминологическую характеристику бандитизма входят данные о причинах и условиях совершения этих преступлений, данные о способах совершения, данные о личности преступников и потерпевших, вопросы профилактики бандитизма.

Говоря о причинах бандитизма, нужно отметить, что банды являются одним из самых массовых видов организованных преступных формирований. Среди ученых идет дискуссия, к какому из видов организованных преступных формирований относится банда - к организованной группе или к преступ-

ному сообществу. Большинство исследователей склоняется к выводу, что по своим признакам организованности, четкого разделения ролей и постоянства банда скорее представляет собой вид организованного преступного сообщества, чем преступной группы. Для банды характерна именно постоянная устойчивая цель совершения вооруженных насильственных преступлений и направленная на это систематическая подготовительная и организационная деятельность.

Причиной распространения бандитизма является прежде всего поиск эффективных путей организации совершения большого количества вооруженных насильственных разбойных нападений. Четкое разделение ролей в процессе подготовки преступления, выделение в качестве отдельных направлений подготовки деятельности по поиску потенциальных выгодных жертв и деятельности по противодействию попыткам отследить банду с помощью электронных средств наблюдения дает большую эффективность как экономический результат совершения преступления. В условиях активного противодействия со стороны правоохранительных органов совершению указанных преступлений с использованием цифровых средств наблюдения, банда получает преимущество перед обычной организованной группой.

2. Современные условия совершения нападений на граждан и организации характеризуются отсутствием наличных денег у жертв, когда средства держат преимущественно на банковских счетах, картах и вкладах. Это создает для нападающих дополнительные препятствия, поскольку захватить в ходе совершения преступления наличные деньги намного технологичнее и проще в сбыте. Появляется необходимость для преступников, с одной стороны, использовать средства давления на жертв, чтобы заставить их оперативно обналичивать необходимые средства по требованию преступников, что усложняет подготовку и создает большие риски для преступников. С другой стороны, в приоритете все же остается получение от жертв ценностей, которые можно непосредственно забрать и реализовать, минуя этап вывода денег со счетов, что неизбежно влечет за собой необходимость квалифицированного поиска подходящих жертв. Поскольку целей подходящего размера не может быть много, это влечет сокращение числа банд, имеющих прямой корыстный мотив и при этом повышение специализации и подготовки тех, кто смог удержаться на плаву.

Активное использование правоохранительными органами электронных средств наблюдения и массовое внедрение уличных камер сильно усложняют деятельность банд по сокрытию результатов преступлений и способствуют сокращению данного вида преступности.

В этих условиях часть банд переходит от нападений, связанных с прямым корыстным мотивом, к нападениям, связанным с поддержкой иной преступной деятельности - наркомафии, проституции, взяточничества и пр. В странах Запада тоже наблюдается данная тенденция, и все большая часть преступных формирований, которые по признакам подходят под российское определение банд, переходит к новому формату работы по фактически наемному обеспечению иной преступной деятельности, связанной с получением овеществленного результата.

3. Говоря о личности преступников, отметим следующее. От классического преступного сообщества большинство банд отличается сравнительно небольшой численностью и формированием отношений на долговременной доверительной основе, когда члены банды давно знают друг друга и являются, например, родственниками, друзьями юности, ранее занимались совместной спортивной деятельностью, вместе служили в армии. В последнее время заметная часть банд имеет ярко выраженный религиозный мусульманский тип. Чем больше размер банды, тем более сложную организационную структуру она как правило имеет. Большая часть банд в силу небольшой численности имеет структуру в виде организатора и нескольких рядовых членов.

Большая часть банд нейтрализуется правоохранительными органами в течение примерно трех лет после начала активной преступной деятельности. При этом общее количество совершенных средней бандой нападений обычно достаточно велико и составляет десятки эпизодов.

Обычно современные российские банды хорошо вооружены огнестрельным оружием. Некоторые преступные формирования типа банд стараются использовать в своей деятельности в качестве бытовые предметы, которые официально оружием не являются, что как правило исключает уголовную ответственность за бандитизм.

Как правило, члены банд имеют четкую антиобщественную установку, даже если ранее преступ-

ной деятельностью не занимались, ярко выраженными чертами из характера являются склонность к насилию, цинизм. Чаще всего организаторы банд являются людьми среднего возраста с криминальным опытом, а исполнители более молоды и физически крепки.

Список источников

1. Гринько С. Д. Бандитизм как одна из форм организованной преступности // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №10 (190). – С. 221-227.
2. Волчок И. В. К вопросу о некоторых проблемах отграничения группового разбоя от бандитизма // Бюллетень науки и практики. – 2023. – №1. – С. 284-289.
3. Максимов, П. В. Бандитизм как социально опасное явление в историческом контексте / П. В. Максимов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 12. – С. 160-164. – DOI 10.23672/SAE.2023.76.66.028. – EDN DQFEWP.
4. Романова И. В., Мужикова К. А. К вопросам о расследовании бандитизма в современной России // Вестник науки и образования. – 2023. – №5 (136)-2. – С. 34-40.

УДК 340

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

АБДУЛЛАЕВА НАРГИЗА ОТАБЕК КИЗИ
Магистр направления «Кибер право»
Ташкентский государственный юридический университет

Аннотация. В тезисе рассматривается вопрос о наличии правовых оснований для признания искусственного интеллекта субъектом права. Прослежена историческая эволюция категории правосубъектности и показана условность понятия «интеллект» применительно к технологиям, которые лишь имитируют когнитивные функции человека. Изучена зарубежная практика определения круга субъектов права: дела о признании системы DABUS изобретателем и Thaler v. Perlmutter, а также наделение правосубъектностью природных объектов и животных. Установлено, что все известные правовые фикции производны от воли человека. Анализ правоспособности, дееспособности и деликтоспособности показал, что ИИ лишён воли и способности к осознанию противоправности своих действий. Поэтому признание его «электронным лицом» не имеет правовых оснований и создаёт риск уклонения людей от ответственности. Сделан вывод о том, что ИИ остаётся объектом права, а охрана результатов, созданных с его использованием, должна основываться на творческом вкладе человека.
Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, электронное лицо, цифровая личность, правовая фикция, деликтоспособность, антропоцентризм права.

LIMITS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE'S LEGAL PERSONALITY: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Abdullaeva Nargiza Otabek kizi

Abstract. The paper examines whether there are legal grounds for recognising artificial intelligence as a subject of law. It traces the historical evolution of legal personhood and shows that the notion of "intelligence" is conditional when applied to technologies that merely imitate human cognitive functions. The paper reviews foreign practice on defining the range of legal subjects, including the cases on recognising the DABUS system as an inventor, Thaler v. Perlmutter, and the granting of legal personhood to natural objects and animals. It establishes that all known legal fictions derive from human will. An analysis of legal capacity, capacity to act and capacity for tort liability shows that AI lacks will and the ability to be aware of the wrongfulness of its actions. Recognising it as an "electronic person" therefore has no legal basis and risks allowing humans to evade liability. The paper concludes that AI remains an object of law and that protection of results created with its use should be based on human creative contribution.
Keywords: artificial intelligence, legal personhood, electronic person, digital identity, legal fiction, capacity for tort liability, anthropocentrism of law.

I. Введение.

Развитие цифровых технологий изменило традиционные представления о субъекте права и формах выражения личности в виртуальной среде. В научный оборот всё чаще входят понятия «циф-

ровая личность», «цифровой профиль», «цифровой след», «цифровой аватар». Они отражают новые способы идентификации, коммуникации и самовыражения человека, однако их появление ещё не означает возникновения нового субъекта права. Как показывает В.О. Демкин, цифровая личность есть лишь правовое отражение реального человека в цифровой среде и связана прежде всего с его правами в цифровом мире[10]. Иначе обстоит дело с искусственным интеллектом. В отличие от цифровой личности, он не отражает человека, а действует наряду с ним. ИИ представляет собой самостоятельную технологическую систему, которая непосредственно участвует в процессах деятельности: создаёт тексты и изображения, принимает решения, выполняет задачи, прежде доступные лишь человеку. При этом ему приписывается «интеллект» — качество, которое традиционно считалось исключительной принадлежностью человека и наличие которого у машины само по себе остаётся под вопросом. Именно здесь и возникает проблема, которую принято считать одной из наиболее острых в юридической теории XXI века: может ли созданная человеком интеллектуальная система рассматриваться не только как инструмент, но и как самостоятельный участник правоотношений?

Масштаб происходящих изменений хорошо иллюстрирует известная метафора: если представить историю Земли как один год, то человечество существует в нём около минуты, а искусственный интеллект не прожил и одной секунды[11]. Однако за это короткое время дискуссия о его правовом статусе вышла за рамки теории. Наиболее остро она проявляется в сфере интеллектуальной собственности, где генеративные системы непосредственно участвуют в создании результатов, а трансграничный характер технологий требует согласованных подходов. **Цель исследования** — на основе анализа исторического опыта, зарубежной практики и теоретической конструкции правосубъектности определить, существуют ли правовые основания для признания искусственного интеллекта субъектом права, прежде всего в сфере авторского права.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

-проследить эволюцию категории правосубъектности и выяснить, насколько обоснованно понятие «интеллект» применительно к технологиям ИИ;

-изучить зарубежную практику определения круга субъектов права, включая случаи, когда ИИ заявлялся в качестве изобретателя или автора, а также наделение правосубъектностью природных объектов и животных;

-проанализировать применимость к ИИ каждого из элементов правосубъектности: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности;

-на этой основе оценить обоснованность онтологического и инструментального подходов к «электронному лицу».

II. Методы исследования.

В работе использованы историко-правовой метод, позволивший проследить эволюцию категории правосубъектности, и сравнительно-правовой метод, применённый к анализу законодательства и судебной практики США, Великобритании, Австралии, Европейского союза, Новой Зеландии, Индии и Республики Узбекистан. Формально-юридический метод использован при анализе Гражданского кодекса и Закона «Об авторском праве и смежных правах» Республики Узбекистан. Системный подход позволил рассмотреть правосубъектность ИИ через каждый из её элементов: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность.

III. Результаты исследования.

Обращение к истории показывает, что правосубъектность никогда не была естественной и универсальной категорией. В римском праве статус лица признавался лишь за определёнными категориями людей, тогда как рабы считались вещами. Показательно, однако, что раб мог участвовать в имущественном обороте, управляя выделенным ему пекулием, то есть действовать в праве, не будучи его субъектом. Всеобщая правосубъектность человека утвердилась лишь в Новое время и получила меж-

[10] Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28. – № 3. – С. 512–527.

[11] Brown R.D. Property ownership and the legal personhood of artificial intelligence // Information & Communications Technology Law. – 2021. – Vol. 30. – No. 2. – P. 208–234.

дународное закрепление во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, провозгласившей, что все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах (ст. 1) и каждый имеет право на признание его правосубъектности (ст. 6)[12]. Именно на этом основании человек стал смысловым центром современных правовых систем.

Спорность правового статуса ИИ начинается уже с определения самого понятия. Термин «искусственный интеллект», предложенный Дж. Маккарти в 1956 году, до сих пор не имеет универсального определения[13]. В документах ВОИС этот термин используется в двух значениях. В широком смысле под ним понимается область информатики, направленная на создание систем, способных выполнять задачи, требующие участия человеческого разума, а в узком смысле — системы, основанные на машинном и глубоком обучении[14]. Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» определяет ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами его интеллектуальной деятельности (ст. 3)[15]. Ключевым словом здесь является «имитировать». Как отмечают С. Рассел и П. Норвиг, механизм естественного интеллекта до сих пор остаётся во многом непознанным[16]. Отсюда возникает философский парадокс: правомерно ли наделять субъектностью систему, которая лишь имитирует механизм, природа которого неизвестна даже самому человеку?

Вопрос перешёл и в практическую плоскость. В деле системы DABUS, указанной Стивеном Талером в качестве изобретателя в патентных заявках в ряде стран, суды США и Великобритании, а также Европейское патентное ведомство отказали в регистрации, подтвердив, что изобретателем может быть только человек[17]. Исключением стало решение Федерального суда Австралии 2021 года. Судья Джонатан Бич признал DABUS изобретателем, сославшись на отсутствие в законе исчерпывающего определения этого понятия и на цель патентного права — стимулирование инноваций. Ему принадлежит резонансная фраза: «Мы сами являемся одновременно и творениями, и творцами. Почему же наши творения не могут творить?»[18] Однако уже в 2022 году Полный состав Федерального суда отменил это решение[19]. Аналогичную позицию в сфере авторского права занял Апелляционный суд США по округу Колумбия в деле *Thaler v. Perlmutter*, указав, что закон об авторском праве предполагает автора-человека[20]. В Республике Узбекистан тот же принцип прямо закреплён в статье 3 Закона «Об авторском праве и смежных правах», признающей автором физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение[21].

Однако суды в этих делах опирались главным образом на буквальное толкование закона. Поэтому сторонники правосубъектности ИИ указывают, что законодатель вправе расширить круг субъектов, как он уже не раз делал прежде. Действительно, гражданское законодательство Узбекистана, связывая правоспособность гражданина с рождением и смертью (ст. 17 ГК), одновременно допускает фикцию юридического лица (ст. 41 ГК)[22]. Зарубежная практика идёт ещё дальше. В Новой Зеландии Законом 2017 года о Те-Ава-Тупуа юридическим лицом признана река Уонгануи[23]. В Индии Высокий суд штата Уттаракханд в деле *Mohd. Salim v. State of Uttarakhand* признал аналогичный статус за реками Ганг и Ямуна[24], хотя впоследствии это решение было приостановлено Верховным судом Индии[25]. Похожая

[12] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Lex.uz.
[13] McCarthy J., Minsky M., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. – August 31, 1955.
[14] Revised Issues Paper on Intellectual Property Policy and Artificial Intelligence: WIPO/IP/AI/2/GE/20/1 Rev. – Женева: ВОИС, 2020.
[15] Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» от 11 декабря 2003 года № 560-II // Lex.uz.
[16] Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход: в 3 т. / пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Вильямс, 2021.
[17] Всемирная организация интеллектуальной собственности. The Artificial Inventor Project // WIPO Magazine. – 2020. – № 4.
[18] Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879: decision of Federal Court of Australia, 30 July 2021.
[19] Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62: decision of the Full Court of the Federal Court of Australia, 13 April 2022.
[20] Thaler v. Perlmutter, No. 23-5233 (D.C. Cir. Mar. 18, 2025) // Official Website of the U.S. Copyright Office.
[21] Закон Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» от 20 июля 2006 г. № ЗРУ-42 // Lex.uz.
[22] Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть первая): утв. Законом Республики Узбекистан от 21.12.1995 г. // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – 1996.
[23] Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017: Public Act 2017 No 7 (New Zealand) // New Zealand Legislation.
[24] Mohd. Salim v. State of Uttarakhand and others: Writ Petition (PIL) No. 126 of 2014: решение Высокого суда штата Уттаракханд

тенденция заметна и в отношении животных. В США раздел 408 Единообразного кодекса о трастах допускает трасты в пользу домашних животных[26], в Великобритании для этого используются «трасты несовершенного обязательства»[27], а раздел 90a Германского гражданского уложения устанавливает, что животные не являются вещами[28]. Однако все эти конструкции объединяет одно: ни река, ни животное не получают собственной воли. Их интересы осуществляются людьми через фидуциарные механизмы, и это лишь подтверждает антропоцентрическое ядро права.

Следовательно, ответ на поставленный вопрос следует искать не в отдельных примерах, а в самой конструкции правосубъектности, рассмотрев каждый из её элементов. Решающим оказывается анализ правосубъектности по её элементам. Правоспособность человека основана на самом факте его рождения и человеческой природы, что и закрепляет Всеобщая декларация[29]. У ИИ такого основания нет: его правоспособность могла бы существовать лишь как фикция, установленная законодателем. Дееспособность предполагает способность своими действиями приобретать и осуществлять права, а в авторском праве — волю к распоряжению произведением: к его отчуждению, лицензированию или передаче в общественное достояние. Алгоритм такой воли лишён, и любые его «действия» определяются создателями или пользователями. Наконец, третий элемент, деликтоспособность требует вины, то есть осознания противоправности своего поведения. Не обладая психикой и сознанием, ИИ не способен ни на умысел, ни на неосторожность и не может осознать, что нарушил чьи-либо авторские права.

IV. Обсуждение результатов.

Изложенное выше позволяет оценить два доктринальных подхода к «электронному лицу». Онтологический подход связывает правосубъектность с разумом, волей и биологической природой человека и потому отказывает ИИ в ней[30]. Инструментальный подход, напротив, исходит из того, что право само решает, каких участников наделять правами, руководствуясь общественной пользой. Его сторонники, в частности П.М. Морхат, допускают признание «электронного лица», если это способствует стабильности оборота[31]. Близкую идею высказывает О.А. Баранов, указывая на способность роботов самостоятельно оценивать действия других субъектов и принимать непредсказуемые решения[32]. Эта логика легла в основу резолюции Европейского парламента 2017 года о нормах гражданского права в сфере робототехники, предложившей исследовать возможность придания наиболее сложным автономным системам статуса «электронной личности», прежде всего для решения вопроса о возмещении причинённого ими вреда[33].

Вместе с тем эти предложения справедливо критикуются как порождение скорее техноромантизма, чем реальной правовой необходимости. Даже в США законопроект «О будущем искусственного интеллекта» 2017 года, подчёркивая способность ИИ имитировать когнитивные функции, не предполагал наделять его самостоятельностью субъекта[34]. «Самообучение» системы, то есть математическая корректировка её параметров на основе данных, принципиально отличается от социализации человека. Социализация представляет собой процесс усвоения норм, ценностей и моделей поведения, в ходе которого формируются правосознание и способность отвечать перед обществом[35]. Наглядно это

(Индия) от 20 марта 2017 г. // International Environmental Law Research Centre.

[25] State of Uttarakhand v. Mohd. Salim: определение Верховного суда Индии от 7 июля 2017 г.

[26] Uniform Trust Code: Official Text with Comments / National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. – § 408.

[27] Wilde D. Trusts of imperfect obligation // Trusts & Trustees. – 2022. – Vol. 28. – No. 4. – P. 298–305.

[28] Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). – § 90a.

[29] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Lex.uz.

[30] Kostenko O.M., Bieliakov K.I., Tykhomyrov O.O., Aristova I.V. "Legal personality" of artificial intelligence: methodological problems of scientific reasoning by Ukrainian and EU experts // AI & Society. – 2024. – Vol. 39. – No. 4. – P. 1683–1693.

[31] Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 61–64.

[32] Баранов О.А. Інтернет речей (IoT): робот зі штучним інтелектом у правовідносинах // Юридична Україна. – 2018. – № 5–6. – С. 75–95.

[33] European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // European Parliament.

[34] Future of Artificial Intelligence Act of 2017, S. 2217, 115th Cong. (2017) // Congress.gov.

[35] Журавлева А.В., Куликова Ю. Искусственный интеллект как субъект права // Гуманитарные, социально-экономические и об-

показало дело *Mata v. Avianca*, в котором адвокаты представили в суд подготовленные с помощью ChatGPT документы со ссылками на несуществующие судебные решения[36]. Система не осознавала, что создаёт ложные сведения, и вся ответственность легла на людей.

Главный же довод против инструментального подхода состоит в том, что фикция «электронного лица» ничего не добавляет к существующему регулированию. Недостаток дееспособности у человека, например, у несовершеннолетнего, восполняется законным представителем, но сам человек остаётся носителем прав. В случае ИИ все элементы правосубъектности пришлось бы целиком осуществлять людям, как это происходит с юридическим лицом. Однако за юридическим лицом всегда стоят учредители, отвечающие своим имуществом. «Электронное лицо» рискует превратиться в удобный щит, позволяющий разработчикам и пользователям переложить на систему ответственность, которую она нести не способна[37]. Неслучайно и в утилитарных моделях — пункт 3 статьи 9 британского CDPA[38] или деле *Tencent v. Yingxun*[39] — права на созданный машиной результат закрепляются не за системой, а за лицом, организовавшим его создание.

Заключение.

Проведённый анализ показывает, что ни история права, ни зарубежная практика, ни теоретическая конструкция правосубъектности не дают оснований для признания искусственного интеллекта субъектом права. Примеры наделения правосубъектностью нечеловеческих образований лишь подтверждают, что за любым субъектом права стоит воля человека. Категория цифровой личности, вопреки распространённому мнению, также свидетельствует не в пользу правосубъектности ИИ, а в пользу антропоцентризма права: даже в цифровой среде право ищет реального субъекта, обладающего волей, сознанием и ответственностью. Поэтому при оценке результатов, созданных с использованием нейронных сетей, следует исходить не из вопроса о том, создал ли их ИИ, а из вопроса о том, присутствует ли в них достаточный творческий вклад человека. В качестве направлений дальнейших исследований представляются важными распределение ответственности за вред, причинённый автономными системами, и правовой статус ИИ-агентов, действующих в гражданском обороте от имени человека.

Список источников

1. Баранов О.А. Інтернет речей (IoT): робот зі штучним інтелектом у правовідносинах // Юридична Україна. – 2018. – № 5–6. – С. 75–95. – URL: https://yur-ukraine.com/wp-content/uploads/2019/06/yu_ukr_5-6_2018_vnutr_ok.pdf

2. Всемирная организация интеллектуальной собственности. The Artificial Inventor Project // WIPO Magazine. – 2020. – № 4. – URL: https://tind.wipo.int/record/45652

3. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

4. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть первая): утв. Законом Республики Узбекистан от 21.12.1995 г. № 163-I. – URL: https://lex.uz/docs/111181

5. Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28. – № 3. – С. 512–527. – URL: https://journals.rudn.ru/law/article/viewFile/40933/23813

6. Журавлева А.В., Куликова Ю. Искусственный интеллект как субъект права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 3. – С. 138–141. – URL: https://online-science.ru/catalogs/yuridicheskie-nauki-3-2025-g-/

щественные науки. – 2025. – № 3. – С. 138–141.

[36] Use of ChatGPT for Research Leads to Bogus Cases, Sanctions // American Bar Association: Litigation News. – 2023.

[37] Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта: принята 41-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО 23 ноября 2021 г. // UNESDOC: Цифровая библиотека ЮНЕСКО.

[38] Copyright, Designs and Patents Act 1988 (UK), s. 9(3) // Legislation.gov.uk.

[39] Shenzhen Tencent Computer System Co. v. Shanghai Yingxun Technology Co.: решение Народного суда района Наньшань г. Шэньчжэнь, (2019) Yue 0305 Min Chu No. 14010.

7. Закон Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» от 20 июля 2006 г. № ЗРУ-42. – URL: https://lex.uz/docs/1023494

8. Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» от 11 декабря 2003 года № 560-II. – URL: https://lex.uz/docs/82956

9. Мохат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 61–64. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yunit-iskusstvennogo-intellekta-kak-elektronnoe-litso

10. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход: в 3 т. / пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Вильямс, 2021.

11. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта: принята 41-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО 23 ноября 2021 г. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus

12. Brown R.D. Property ownership and the legal personhood of artificial intelligence // Information & Communications Technology Law. – 2021. – Vol. 30. – No. 2. – P. 208–234. – DOI: 10.1080/13600834.2020.1861714.

13. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). – § 90a. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__90a.html

14. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62: decision of the Full Court of the Federal Court of Australia, 13 April 2022. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/1646

15. Copyright, Designs and Patents Act 1988 (UK), s. 9(3). – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/9

16. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html

17. Future of Artificial Intelligence Act of 2017, S. 2217, 115th Cong. (2017). – URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2217

18. Kostenko O.M., Bieliakov K.I., Tykhomyrov O.O., Aristova I.V. "Legal personality" of artificial intelligence: methodological problems of scientific reasoning by Ukrainian and EU experts // AI & Society. – 2024. – Vol. 39. – No. 4. – P. 1683–1693. – DOI: 10.1007/s00146-023-01641-0.

19. McCarthy J., Minsky M., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. – August 31, 1955. – URL: http://jmc.stanford.edu/articles/dartmouth/dartmouth.pdf

20. Mohd. Salim v. State of Uttarakhand and others: Writ Petition (PIL) No. 126 of 2014: решение Высокого суда штата Уттаракханд (Индия) от 20 марта 2017 г. – URL: https://www.ielrc.org/content/e1704.pdf

21. Revised Issues Paper on Intellectual Property Policy and Artificial Intelligence: WIPO/IP/AI/2/GE/20/1 Rev. – Женева: ВОИС, 2020. – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_ai_2_ge_20/wipo_ip_ai_2_ge_20_1_rev.pdf

22. Shenzhen Tencent Computer System Co. v. Shanghai Yingxun Technology Co.: решение Народного суда района Наньшань г. Шэньчжэнь, (2019) Yue 0305 Min Chu No. 14010. – URL: https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010

23. State of Uttarakhand v. Mohd. Salim: определение Верховного суда Индии от 7 июля 2017 г. – URL: https://indiankanoon.org/doc/169363537/

24. Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017: Public Act 2017 No 7 (New Zealand). – URL: https://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html

25. Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879: decision of Federal Court of Australia, 30 July 2021. – URL: https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0879

26. Thaler v. Perlmutter, No. 23-5233 (D.C. Cir. Mar. 18, 2025). – URL: https://media.cadc.uscourts.gov/opinions/docs/2025/03/23-5233.pdf

27. Uniform Trust Code: Official Text with Comments / National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. – § 408. – URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=193ff839-7955-4846-8f3c-ce74ac23938d

28. Use of ChatGPT for Research Leads to Bogus Cases, Sanctions // American Bar Association: Litigation News. – 2023. – URL: https://www.americanbar.org/groups/litigation/resources/litigation-news/2023/use-chatgpt-research-bogus-cases-sanctions/

29. Wilde D. Trusts of imperfect obligation // Trusts & Trustees. – 2022. – Vol. 28. – No. 4. – P. 298–305. – DOI: 10.1093/tandt/ttac013.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
г. Пенза, 5 октября 2026 г.
Под общей редакцией
кандидата экономических наук Г.Ю. Гуляева

Подписано в печать 6.10.2026.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 9,9

МЦНС «Наука и Просвещение»
440062, г. Пенза, Проспект Строителей д. 88, оф. 10
www.naukaip.ru